

НАЦ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

БЕСТ

ВЛАДИМИР

БУШИН

РОССИЯ. СТАЛИН.

СТАЛИНГРАД

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
И ВЕЛИКОЕ
ПОРАЖЕНИЕ

НАЦ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
БЕСТ

ВЛАДИМИР
БУШИН

РОССИЯ. СТАЛИН.
СТАЛИНГРАД

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
И ВЕЛИКОЕ ПОРАЖЕНИЕ

ЭКСМО
Москва

алгоритм

2011

УДК 82-94
ББК 63.3
Б 94

Бушин В. С.

Б 94 Россия. Сталин. Сталинград: Великая Победа и великое поражение / Владимир Бушин. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. — 304 с. — (Национальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-51058-0

Владимира Сергеевича Бушина называют лучшим полемистом современности, острейшим критиком и публицистом, последним рыцарем советской идеологии. Солдат Отечества в самом прямом значении — с 1942-го в составе 50-й армии прошел боевой путь от Калуги до Кенигсберга, — он беспощаден к фальсификаторам нашей истории, русофобам и антисоветчикам.

Его новая книга публицистики — обличение внутренних врагов Отечества, клеветников, извращающих советское время, Великую Отечественную войну и образ вождей СССР, искажающих массовое сознание народа Великой Победы. Россия, Сталин, Сталинград, считает автор, — это триединство нашей памяти, которое способно скрепить дух нашего народа, не дать ему исчезнуть в небытии.

**УДК 82-94
ББК 63.3**

ISBN 978-5-699-51058-0

© Бушин В. С., 2011
© ООО «Алгоритм-Издат», 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2011

МАРШАЛ РОКОССОВСКИЙ И КИЛЬКА ПРЯНОГО ПОСОЛА

Минувшие июньские даты Великой Отечественной войны — годовщина ее начала и годовщина Парада Победы, — разумеется, были использованы правительством и его СМИ для дальнейшего просвещения и патриотического воспитания нашего народа.

Так, телевидение предоставило нам прекрасную возможность познакомиться с Э.Л. Ровинским, участником Парада Победы. Вот его фотографии в молодости, вот он сам в старости, вот, как ни странно, его обильные награды. Очень приятно, ибо раньше приходилось слышать, что таких, как Ровинский, на фронте не награждали, а использовали только для забрасывания их трупами танковых колонн врага. Я хотел бы позжать руку Эммануилу Львовичу, но оказывается, он давно за океаном, в Балтиморе. What a pity! Знать, в России-то уже участников Парада не осталось. Приходится импортировать. Может, еще в Израиле один-другой сыщется?..

А дату начала войны отменно изобразил в правительственной «Российской газете» любимец публики и власти Леонид Радзиховский, служивший в армии в одной роте с Эдвардом Радзинским и Марком Розовским. А командиром у них — Познер. Это рота быстрого реагирования.

Статья озаглавлена «Менеджер разгрома». Без таких чубайсовских словечек, как «менеджер», эта публика ни шагу. Здесь оно означает «организатор»: Сталин — организатор разгрома Красной Армии. Хлебом их не корми, а дай на телевидении или в правительственной газете проверещать что-то подобное.

Стало быть, в первые же дни войны Красная Армия была разгромлена. И обычным шрифтом, и крупным автор осата-

нело верещит: разгром!.. РАЗГРОМ!.. РАЗГРОМ!.. «По крайней мере», говорит, когда речь идет о лете 41-го года. А если не по крайней, а в целом, то что? Он не знает. Просветим: разгром фашистской Германии. Об этом все, а особенно пишущие о войне, должны помнить и в горькую годовщину ее начала.

Ну хорошо, дабы не огорчать нашего историка, согласимся, что летом 41-го Красная Армия была разгромлена в доску. «Ответ о причинах поражения дал Сталин: «внезапное нападение». А на самом деле, говорит, «не было никакого русского Перл-Харбора». Это для него символ, классический образец внезапного неожиданного нападения. Да, конечно, Сталин и все военное руководство ошиблись, допустили грубый просчет. Однако же непозволительно забывать и о том, что у нас с немцами были два взаимовыгодных договора, гарантировавших мирное добрососедство, а у США с Японией в тот момент отношения были на крайнем пределе. И вот ясным утречком 26 ноября от острова Итуруп в Курильской гряде выходит огромная эскадра из 32 надводных кораблей, в том числе — шесть авианосцев, два линкора, три тяжелых крейсера, девять эсминцев во главе с легким крейсером да полсотни подводных лодок. И почти две недели идет эта армада чистым морем под ясным солнцем к Гавайским островам, к Перл-Харбору. Какая же тут неожиданность и внезапность? Однако же американцы при всей мощи и обилии их авиации, подводных лодок ухитрились ничего не видеть.

Но опять же не будем спорить, согласимся с нежным другом Америки, что там была невероятная неожиданность, а у нас только хлопали ушами, в результате чего — полный разгром! Прекрасно. Однако тут же возникает вопрос: что тогда помешало громилам тем же летом захватить три главных столицы страны — Москву, Ленинград, Киев? У историка «РГ» нет ответа.

Но у него есть недоумение: «Ведь «кто-то» убил сотни тысяч немцев, черт возьми! «Кто-то» же задержал продвижение(!) немцев до Москвы на добрых четыре месяца и не дал им взять Ленинград, а тем самым спас Россию!». Ну, во-первых, до Москвы немцы на своих могучих и быстрых машинах

да танках доперли не через четыре месяца, ближе всего они подошли в первых числах декабря. Сколько это? А вот Наполеон со своей пехтурой и конной тягой, начав вторжение на два дня позже, в начале сентября, т.е. через два с небольшим месяца, был уже в Москве. Вот о чем, мыслитель, поразмышлять-то надо бы на страницах правительственной газеты. А вы все недоумеваете: «кто-то» спас Россию. Кто же? Может, Минкин?

Но вернемся к «РАЗГРОМУ по крайней мере». Как он доказывается? Мыслитель начинает с цифр о потерях сторон. Тут абзац всего в четыре с половиной строки. И он сразу повергает в глубокое раздумье: ну, зачем, по какой причине люди, скорбная репутация которых хорошо известна, вновь и вновь подтверждают ее? В самом деле, все, кто интересуется, знают, что Радзиховский умен, как тетерев, эрудирован, особенно в военной области, словно килька пресного посола, а прекрасен в своих писаниях, как павлин. Давно, давно знаем! И вот он опять, опять это все показывает, доказывает, рассказывает...

Ну, смотрите. «Согласно советским официальным данным, советские войска потеряли...» Что за данные, чьи — Института военной истории, Министерства обороны, Верховного Совета, Военной коллегии Верховного суда?.. Неизвестно. «Немецкие войска потеряли...» По каким данным? Опять неизвестно. «Независимые эксперты оценивают...» Где они? Как их звать? От чего не зависимые — от гонора? От совести? От Татьяны Голиковой? Обратно неизвестно.

Однако, по неизвестным данным, говорит, к 6 июля, немцы потеряли 64 тысячи человек. Но я раскрываю книгу одного немца... Радзиховского восхищает немецкая организованность, точность, Ordnung. Он должен уважать и этого немца — генерал-полковника Франца Гальдера, начальника Штаба сухопутных войск Германии. Многоопытнейший военный специалист на ответственной должности. Как раз 6 июля в своем дневнике он привел данные на 3 июля: «Всего потеряно около 54 тысяч человек... Значительно количество больных — почти 54 тысячи, т.е. равно боевым потерям».

Это наш автор никак не отразил. А ведь факт интереснейший: на дворе лето, погода теплая, никаких эпидемий, а за двенадцать дней столько больных! Может, среди них много симулянтов, не желавших воевать? Словом, так или иначе, а на 3 июля из строя выбыло $54 + 54 = 108$ тысяч, а к 6 июля, разумеется, и того больше. Конечно, некоторые больные выздоравливают, некоторые нет. Но Радзиховский, как мы знаем, и не слышал о больных, ему это не интересно, для него главное — уверить читателя, что наши потери раз в 10—12 больше.

И вот итоговая фраза абзаца: «А ведь обычно наступающие несут большие потери, чем обороняющиеся». И сразу видно: как был тетерев, как был килька и павлин в одном флаконе, так и остался. Подкрепить свое «ведь обычно» ему нечем, исторических примеров, сравнений, аналогий в черепной коробке нет, там пусто.

Хоть сказал бы, умник, откуда взял эту «обычную» закономерность, кто внушил тебе, мыслитель, сей железный закон войны? Радзинской, что ли?.. Вот представь: идете вы теплой компашкой по улице Солженицына в Таганке — Познер, Сванидзе, Млечин, помянутый Эдвард, Новодворская и вы. Ни о чем страшном не думая, беседуете, конечно, о том, как ужасно было советское время и как ужасно вы все тогда страдали, едва выжили. А навстречу идут хорошо известные вам люди — допустим, Жириновский, Немцов, Грызлов и Миронов. Они беседуют о том же. Вы с ними недавно виделись, они вам говорили о дружбе, даже дали займы каждому по десять долларов. Прекрасно. Но вот они поравнялись с вами и вдруг с диким воплем кинулись на вас. И Познеру подбили правое око, Сванидзе — левое, Млечину свернули скулу, Эдварду вырвали язык, вам свернули шею, а уж что сделали с Новодворской, и сказать страшно. Конечно, вы стали бы отбиваться, может быть, даже Познер изловчится откусить у Жириновского ухо, а Новодворская оторвала бы что-нибудь у Миронова, но уверяю, что все же, несмотря на весь ваш героизм, синяков и шишек, выбитых зубов и сломанных ребер у вас было бы гораздо больше, чем у напавших. Понятен такой житейских примерчик? Если нет, поясню: дело в том, что аг-

рессор обдумал, спланировал нападение, изготовился к нему и выбрал самый подходящий момент для нападения. Вот так и немцы в сорок первом.

А теперь примеры уже не житейские, а исторические. 1 сентября 1939 года — слышали? — началась германо-польская война. Немцы — наступающие, поляки — обороняющиеся. По закону Радзинского-Лавуазье, выученному вами, первые должны нести большие потери, чем вторые. Но вот что было в реальности, а не в черепашке вольнодумца: немцы потеряли 10 600 человек убитыми и 30 300 ранеными, а поляки соответственно — 66 300 и 133 700 (ИВМВ.Т.3, с.31), то есть обороняющиеся потеряли убитыми почти в семь раз больше, чем наступающие. Где ж ваш закон, Радзиховский? Не хочется признать, что сидите в луже? Тогда еще примерчик.

В мае 1940 года немецкая армия обрушилась на Францию. Опять немцы — наступающие и по закону Лавуазье опять должны нести большие потери, чем обороняющиеся французы. Но что было в жизни, а не в высоколобой голове мыслителя? У немцев 27 074 убитых, а у французов — 84 000 убитых да еще их союзники англичане потеряли 68 тысяч убитыми, ранеными и пленными (Там же. С.102, 115). Посчитайте, сударь, если умеете, каково соотношение.

Можно вспомнить цифры и посвежей. В Корее американские бандиты потеряли вместе со своими натовскими прихвостнями 58 000 бандитских душ, во Вьетнаме — примерно столько же, а корейцы — сотни тысяч, вьетнамцы — около 1,5 миллиона. Но вот интересно: наши летчики, помогая корейцам, сбили 1309 американских самолетов, потеряли 135 машин. Почему? А потому, что имели богатейший опыт Великой Отечественной. Но еще интересней, что в обоих случаях американцев, понесших гораздо меньшие потери, чем корейцы и вьетнамцы, вышибли с чужой земли.

Поняли вы, килька, хоть теперь степень вашего долдонства? Ничего он не понял! Объясняю: нет такого закона, что наступающие всегда или «обычно» несут большие потери, чем обороняющиеся. Потери с обеих сторон зависят от множества конкретных причин.

А он, как ни в чем не бывало, продолжает: «За две недели (т.е. к 5 июля) немцы продвинулись в глубь советской территории где-то на 500, где-то на 250 километров». Это, говорит, был «панический драп» Красной Армии. Но где же, милоч, на пятьсот-то продвинулись? Назови хоть один городишко. Куда там! Он же ни одну карту военных действий не видел, ни одну схему сражений в руках не держал. Ну, что ж, опять помогу. Как раз 5 июля, через две недели, немцы захватили Пинск. Так ведь это все-таки не 500 и даже не 250, а примерно 175 километров от границы. Тяжело, горько, но все же...

В первые дни и недели немцы глубже всего продвинулись на центральном Западном направлении. В дневнике Гальдера за 6 июля, естественно, больше всего упоминается городов именно этого направления: Кировоград, Бердичев, Коростень, Мозырь... Однако же первый они захватили 4 августа, второй — 7 августа, третий — 8 августа, четвертый — 22 августа, т.е. после двух месяцев боев. По масштабу событий далековато это от 5 июля. Тем более, все эти города от границы — не 500 километров, а 320—370.

Не очень это похоже на «панический драп»-то, сударь. Особенно, если вспомнить, что польское правительство через две с половиной недели, видя безнадежность положения, бросило народ и удрало за границу. Вот уж драп так драп! А Франция и ее английские друзья? Немецкий удар 10 мая застал их врасплох. И это на девятом месяце войны! Войска занимали линию Мажино, и все оборонительные рубежи были укомплектованы, и все курки на взводе. Через две недели англичане, бросив французов, начали драп за Ла-Манш. 25 мая генерал Вейган, назначенный 19 мая Главнокомандующим вместо смещенного Гамелена, доложил президенту Лебрену и правительству, что «Франция совершила огромную ошибку, вступив в войну» и что сейчас Анже, километрах в пятистах от границы, куда драпануло правительство, 73-летний Вейган при поддержке 83-летнего маршала Пэтена прямо потребовал капитуляции. На другой день немцы без боя вошли в Париж, объявленный открытым городом. Вот вам примеры настоящих-то драпов, подлинной паники, тов. Рад-

зиховский. А зачем на своих-то врать, дело и без того было тяжкое, кровавое, трагическое.

Об иностранных драпах наш историк войны и не слышал, и знать о них не хочет. Для него гораздо интересней заявить, что Красная Армия освободила, но он опять врет. Огромную территорию вплоть до Киева освободили к 6 ноября еще 1943 года. А упомянутые города освобождали так: Коростень — 29 декабря опять же 43-го, Бердичев — 5 января 44-го, Кировоград — 8 января 44-го, Мозырь — 14 января 44-го... Январь — это конец года? Хлебом его не корми, но дай хоть на годок, на месяцок, хоть на недельку соврать.

Наши войска вышли на госграницу с Румынией 26 марта 1944-го. Март — это по какому календарю конец года? 20 июля Красная Армия вступила уже на территорию Польши. 21 июля — вышла на границу с Финляндией. 17 августа — на границу с Восточной Пруссией, т.е. с Германией. В октябре была восстановлена вся госграница. Все-таки в октябре, а не в ноябре, не в декабре.

Но лихой историк ничего знать не хочет: разгром!.. РАЗГРОМ!.. паника!.. ПАНИКА!.. драп!.. ДРАП!.. И это, мол, чисто советские штучки, на цивилизованном Западе они невозможны. Ну, хоть кол на голове чеши, хоть осла с него пиши. Но отчасти такое долдонство даже интересно. Поэтому прикинемся братьями по разуму и спросим: так в чем причина-то всех этих кошмаров?

Как в чем! «Ведь вся(!) политика большевизма с первого(!) дня сводилась только(!) к ПОДГОТОВКЕ К ВОЙНЕ, а оказались ТРАГИЧЕСКИ НЕ ГОТОВЫ!». Вот такую натужно гиперболическую, предельно взвинченную манеру речи — «вся!»... «с первого!»... «только!»... да еще подчеркивание нужных слов — я раньше знал лишь у двух великих людей — у Гитлера и Чубайса. И вот третий. Но все-таки, да неужто «вся политика» была такова? Конечно, и ликвидацию беспризорщины можно представить как политику подготовки к войне: сегодня беспризорник — завтра солдат. И ликвидацию безграмотности: грамотный солдат легче овладеет техникой и оружием. И запрет аборт: чем строже запрет, тем больше солдат! А зачем

было такое вкусное и дешевое мороженое? Чтобы закалить и подготовить будущих солдат к суровым морозам 41-го года. Зачем «Лебединое озеро» в Большом театре? Маскируемся, усыпляем бдительность врага. Ваш учитель Радзинский писал, что и метро мы строили из расчета войны. И ведь отчасти прав властитель дум: московское метро во время войны служило бомбоубежищем. А колоссальный рост населения со 150 миллионов в «первый день» до 195 в 1941-м? Да это же вопиющая агрессивность! Словом, я даже не знаю, что нельзя изобразить как подготовку к войне.

Но что же надо было нам делать, чтобы убедить вас с Эдвардом в наших мирных целях, чтобы вы успокоились, не нервничали — проводить политику депопуляции, как нынешние правители, погребаящие по 800 тысяч душ в год? Или — деиндустриализации, как те же правители ныне, лепечущие о нанотехнологиях во главе с Чубайсом? Или запретить мороженое, как марихуану? Право, я и это не знаю.

Может быть, вы милостиво примите во внимание хотя бы то, что в царское время было военное министерство, а в советское — обороны и были очень почетные значки «Готов к труду и обороне», а не к войне, и в песнях мы пели:

Если завтра война, если враг нападет,
Если черная туча нагрянет...

Или:

Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим!

Неужто это все тоже для маскировки агрессивных планов?

Но слушайте дальше, читатель. Заявив, что вся политика с первого дня была военной, наш друг тут же продолжает так: «Конкретнее — вся(!) промышленность СССР в 1939-41 годах работала ТОЛЬКО на войну». Опасаясь, что не все поймут, каков истинный уровень его долдонства, он опять выделяет его опознавательные знаки крупным шрифтом.

Но почему «конкретнее»? Человек употребляет слова, смысл которых ему непонятен. Надо было сказать не «конкретнее», а «в частности». А так глупость о работе «всей промышленности» в 1939-41 годах если не опровергает уже сказанную глупость, то уж явно сбивает с толку. Действительно, зачем выделять эти три года, если уже сказано о всем советском времени как о всеохватной подготовке к войне?

И вот, говорит, «с первого дня к войне готовились из всех сил и оказались ТРАГИЧЕСКИ НЕ ГОТОВЫ... Несмотря на истерический ор начальства, войска беспорядочно бежали...» Странно, что слово «бежали» автор по обыкновению тоже не выделил крупным шрифтом. Да, к сожалению, кое-кто действительно бежал, но согласитесь, сударь, что все-таки, как показано выше, не столь стремительно и очертя голову, как поляки, французы и англичане, уж не говоря о десятке «прочих шведах» разных национальностей. Причем, поляки и французы прибежали не куда-нибудь, а к своему полному поражению и капитуляции. А мы в первый год бежали, бежали и прибежали к разгрому немцев под Москвой, а на следующий год бежали, бежали и прибежали к их разгрому под Сталинградом. Ведь все-таки между этими забегами есть некоторая разница. Не находите?

Но вот интересно, какое начальство издавало истерический ор? Уж не Молотов ли, закончивший свое выступление по радио в первый день войны словами «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»? Или Сталин в речи 3 июля?

Да о чем говорить! — вопиет Радзиховский. «Паника, охватила самое высшее руководство». Что, руководство на третьей неделе войны бежало в Монголию, как поляки в Румынию, или, как французы, объявило столицу открытыми городам и стало обсуждать, как лучше капитулировать? Нет, ничего этого не было, и никаких имен оратор не называет. В чем же дело?

Вот: «Самый яркий пример паники — оглушительное молчание Сталина в течение 11 дней и лязганье зубами о стакан 3 июля». Чье лязганье вы слышите, читатель? Господи, какое плоскоумие! Он убежден, что в первый день войны по

первой программе обязано выступить именно первое лицо государства. И никак иначе! Откуда это? Да от нынешнего телевидения, от которого он отлепиться не может. А там каждый день эти первые лица, эти VIP-персоны по всякому VIP-пустяку VIP-речи произносят.

Но оглянулся бы назад и задал себе несколько вопросов: а президент Польши выступил 1 сентября 1939 года, когда напала Германия? А 2 сентября, когда Франция, а 3-го Англия объявили войну Германии, что делали французский президент Лебрен и английский премьер Чемберлен? Может быть, выступили хотя бы 10 мая 1940 года, когда началось немецкое вторжение? А японский император и Рузвельт сказали речи 7 декабря 1940 года, когда Япония нанесла страшный удар по Перл-Харбору и началась война? Наконец, выступление Медведева в день нападения Грузии на Южную Осетию вы помните?

Но интересней всего, почему Гитлер перед нападением на Польшу выступил, объявил ей войну, а перед нападением на СССР промолчал, поручив Геббельсу в 5.30 утра прочитать по радио свое «Обращение к народу». Ведь у Гитлера-то все было в руках, все спланировано и рассчитано. А на Сталина война свалилась внезапно.

Так вот, в большинстве названных случаев руководители государства не выступали по радио. Не буду разбирать все случаи, скажу только о Сталине и Гитлере. Они оба понимали, что их слово слишком много значит и на родине, и во всем мире. Гитлер выступил перед нападением на Польшу, ибо тут была твердая уверенность в быстрой и полной победе. Никакого риска. Другое дело — СССР. Тут он первый раз выступил публично лишь в октябре, когда немцы были уже не так далеко от Москвы и победа, казалось, в кармане. И он брякнул: «Враг повержен и уже никогда не поднимется».

И Сталин не выступил по той же причине: понимал значение своего слова. Надо было выждать, посмотреть, как будут развиваться события. А выступил не кто-нибудь, не заводелом пропаганды ЦК, а Молотов, нарком иностранных дел, член Политбюро — второе лицо в государстве и партии.

Нормальное дело. А Геббельс, к слову сказать, вторым лицом в Германии не был.

Сталину и не нужно, и нельзя было выступить 22 июня, да он даже физически не мог это сделать, ибо сразу навалилось множество важнейших, срочных, неотложных дел, которые невозможно было решить без его участия. В этот день с пяти утра до пяти вечера у него состоялось 29 встреч с политическими, военными и хозяйственными руководителями страны. А всего за первые семь дней «оглушительного молчания» у Сталина состоялось 173 встречи, беседы, совещания, на которых он лязгал зубами. И это только в кремлевском кабинете. А ведь встречи могли быть и в Совнаркоме, и в ЦК, и дома, и на даче.

Приведенная цифра взята из журнала, в котором регистрировались посетители этого кабинета. Он велся с 1925 года. Впервые записи из него, относящиеся к первым дням войны, были опубликованы в журнале «Известий ЦК КПСС» двадцать лет тому назад. Позже и в сокращенном и в полном виде это печаталось многократно. И если ты за двадцать лет не заглянул туда, то чего лезешь писать о том, что делал Сталин, когда началась война? Там же все расписано по часам и минутам. Но гораздо вероятнее, что Радзиховский знает о журнале посещений, но сознательно врет в правительственной газете об «оглушительном молчании» и о «панике» Сталина, как и всего высшего руководства страны.

А мог Сталин орать? По некоторым данным, был такой случай 29 июня, когда пал Минск. Явился в наркомат обороны и наорал на Тимошенко и Жукова. А вы, килька, что, не допускаете во время войны ничего кроме ласкового полусшепота? Вы хоть футбольные матчи смотрите? Даже в спорте дело доходит до потасовок, а тут, ваше степенство, война, судьба родины решается.

Почитайте воспоминания хотя бы Рокоссовского, слывшего у нас деликатнейшим из военачальников. Так он, деликатнейший, рассказывает, как в те же дни июня едва не расстрелял — уже выхватил пистолет — одного полковника, оказавшегося трусом.

Сталин, говорит, мог только зубами щелкать, поскольку сам же на высокие военные должности «выдвинул людей слабых, бездарных», а у немцев — «талантливые, опытные, отборные генерала». Ну, просто высший сорт, цимис мит компот! «У них четкая немецкая организация». И за что только к февралю 1942 года 187 из этих генералов Гитлер отправил к чертовой бабушке?

Но кто же сей отборный гитлеровский цимис? Неизвестно. Никого не назвал. А у нас слабые да бездарные? О, тут он землю роет! Правда, предпочитает оперировать не конкретными именами, а цифрами: «10 человек возглавляли Наркомат обороны к 22 июня. Из них только Жуков, Шапошников и в куда (какая прелесть — «в куда»! — В.Б.) меньшей степени Мерецков показали себя толковыми генералами в войну. Остальные же принесли вред — и за их ошибки заплачено сотнями тысяч жизней». В таких случаях только трусы и подонки прячутся за такие словечки, как «остальные». Порядочные люди называют конкретные имена.

И вот что странно. Человек говорит о Наркомате обороны, а называет работников Генштаба. Это близкие, тесно связанные, но все же разные инстанции, что известно любому тетереву. Ну, хорошо, эти трое названных «показали себя», а кто все-таки остальные семь — бездарные-то? Например, заместители начальника Генштаба Ватутин и Василевский, ставший в 1942-м начальником, — слабы и бездарны? И на них вы, бесстыдник, вешаете сотни тысяч жизней?

Ответа не дает, а опять угощает безликой статистикой: «Из 21 командарма на 22 июня лишь 2-3 проявили себя на войне». А остальные тоже — только вред? Да, вред и ничего больше, говорит килька, уверенная в том, что она кит.

«Только в ходе войны выявились у нас настоящие полководцы». А как же в мирное время они могут выявиться? «Сравните маршалов довоенных — Ворошилов, Буденный, Кулик, Тимошенко и маршалов войны — Жуков, Рокоссовский, Конев, Василевский...» Умник, да ведь так всегда в жизни и бывает. Первая мировая и особенно Гражданская выдвинули, допустим, Буденного и Фрунзе, а Халхин-Гол и Отечест-

венная — Жукова и Рокоссовского. Именно тогда они стали полководцами, а раньше были только военачальниками, командирами эскадронов, полков, ну, дивизий. Что вы тут обличаете — саму жизнь? Вы похожи на психа, который хвастался, что у них в дурдоме построили прекрасный бассейн, и он уже научился плавать и даже ныряет с вышки, хотя воды в бассейне еще нет.

Тот псих тоже негодовал бы, почему 22 июня Тимошенко, Буденный и Ворошилов не стояли на страже наших границ во всем богатстве современного военного опыта и, как в песнях Дунаевского, не отдали ни вершка своей земли. Но откуда мог взяться такой опыт? Вот у Бока, Манштейна, Гудериана, разгромивших Польшу, Францию и еще десяток стран, такой уже двухлетний опыт был, что и оказалось одной из важнейших причин их успехов и наших бед в 41—42 годах. Неужели непонятно?

А он опять свое: «Не сталинские отделы кадров, а война отобрала настоящих полководцев... Поднялся и уровень генералов, офицеров». Правильно. Да вы оглянитесь на себя. Не так уж давно вы были жалкой газетной килькой, печатались в «Московском комсомольце» на одной полосе с объявлениями представительниц первой древнейшей профессии, а в ходе войны против советской истории вы накачали мускулы, отточили зубы и стали широко известным фальсификатором истории и печатаетесь уже в правительственной газете, скоро Медведев и орден вам даст. Ведь так ясно!

Да, говорит, но настоящих-то полководцев «война отобрала уже только к 1943-44 году». Полно врать-то, фальсификатор. А кто долбалнул немцев еще летом 41-го под Ельней? Кто заставил их тогда же впервые за всю Вторую мировую перейти к обороне в Смоленском сражении? А не Тимошенко ли вышиб их осенью из Ростова-на-Дону? Кто зимой ошарашил фрицев и попер их от Москвы, в эти же дни освободит Тихвин? А про Сталинград слышали? Это что — 1944 год? Нет, там еще в 42-м устроил отборным немцам котел с подогревом. Вы, возможно, думаете, что это английские друзья изловчились? Нет, батюшка, это Жуков, Василевский, Рокоссов-

ский, Еременко и множество других шибко неинтересных вам мужиков.

Но самое-то главное, говорит, Сталин «довел страну до грани гражданской войны». Как интересно! Это что же за «грань»? Может, были где-то забастовки в 1932 году по случаю выполнения плана первой пятилетки в четыре года? Или — манифестации против отмены карточной системы в 1934-м? Или, как ныне, — террористические акты, поджоги, бунты и восстания по случаю чествования памяти Пушкина в 1937-м? Нет, ничего подобного перед Отечественной войной не было. Откуда же взял «грань»? Да все оттуда же — у Радзинского или Розовского, у Познера или Сванидзе, у Володарского или Млечина. (Увы, к великому сожалению, все евреи и только один француз...) Они же все время снабжают друг друга «темными пятнами», тем и живут.

«На гражданскую войну, — говорит, — немцы и рассчитывали». Врешь, писатель. Они рассчитывали на свою армию, на силу ее удара, под которым рухнет не только наша армия, но и само многонациональное Советское государство. Прочислались и в том и в другом. Не заметил?

Нет, нет, говорит, на гражданскую войну они рассчитывали — «и не зря. Ведь больше 800 тысяч советских граждан воевали в германской армии». Так это ж другое дело, это не гражданская война. В приказе Сталина №227 указывалось, что к июлю 1942 года «Мы потеряли более 70 миллионов населения», по другим данным — даже 45%, т.е. миллионов 90 (Великая Отечественная война. Энциклопедия. М.1985. С.380). Из такого человеческого массива на оккупированной территории можно было не только угрозами набрать 800 тысяч пособников. Но ведь по-настоящему-то с оружием в руках воевала против Красной Армии, и то лишь с конца 1944 года, только власовская армия. А вся-то она состояла лишь из двух дивизий, первой командовал полковник Буняченко, второй — полковник Зверев. Как ни считай, больше 25-30 тысяч солдат в этой «непобедимой армаде» быть не могло. И, принимая во внимания, что после революции, от которой пострадали многие, тогда прошло всего двадцать с

небольшим лет, удивляться надо не тому, что власовская армия возникла, а тому, что она столь ничтожна. Критик Сарнов был уверен, что Власов вел в бой миллионы. Когда я однажды в Малеевке просветил его на сей счет, он три дня в столовой не появлялся, был в коме. Но формировались разного рода вспомогательные части из мобилизованных немцами советских граждан — стройбаты, саперные части и т.п. Было ли это в сумме 800 тысяч, не знаю, как и Радзиховский.

Очень увлекательно дальше: «А если бы политика немцев была «умной»? Если бы немцы не только открывали церкви, а распустили колхозы и дали землю крестьянам; если бы они создали какое-то марионеточное русское правительство; если бы... Тогда ход войны мог бы быть иным». Тогда сбылась бы пламенная мечта помянутого Минкина, вашего друга сердешного, которую он обнародовал в Германии, Америке и в своем «МК»: Гитлер победил бы, и не в 45-м году, а в 41-м. Какая была бы радость, какое торжество свободы и демократии для всех минкиноидов! Как бы они рукоплескали из душегубок!

Вот вы, Радзиховский, взяли откуда-то 800 тысяч советских граждан, но иностранные граждане вас не интересуют? А ведь тут для вас есть гораздо более интересные данные. Судя по фамилии, вас можно принять за поляка. Так вот, в советском плену оказалось 60 280 поляков. Их армию немцы уничтожили, страну превратив в свое генерал-губернаторство, ликвидировали, а они вместе с немцами против братьев-славян! Примечательно. А если вы еврей, тоже интересно вам узнать, что у нас в плену оказалось 10 173 еврея. Уж еврейто!.. И ведь это только в плену, а были же и убитые (не числятся ли они как жертвы холокоста?), и пропавшие без вести, и те, кто по ранению вернулись домой.

Откуда эти данные? А я не обязан указывать источник, если оппонент не указывает. Но уж так и быть: «Военно-исторический журнал». Какой номер? Ну, хоть чуток-то поработайте сами, не все у других списывать.

А вот и еще безо всяких доказательств: «Несмотря на промывание мозгов и хвастливую сталинскую пропаганду, крестьяне (армия была крестьянская) не хотели воевать «за советскую власть и колхозы».

Как уверенно и решительно! Можно подумать, что сам он, тамбовский крестьянин, все это видел, и в колхозе спину гнул, и всю войну прошел. Но, во-первых, нельзя не заметить, что уж в деле «промыывания мозгов»-то ваша компашке далеко превзошла всех на свете, включая знаменитое министерство пропаганды на Унтер-ден-Линден. Недавно использовали в этих целях даже смерть великой русской певицы Людмилы Зыкиной: как, мол, советская власть угнетала ее, как глумилась, даже не разрешила купить иностранную машину... Тут вспоминается Маяковский, только что вернувшийся из Франции:

Москва
 обступила меня,
 сипя,
до шепота
 голос понижен:
— Скажите,
 правда,
 что вы
 для себя
купили авто
 в Париже?
С меня эти сплетни,
 как с гуся — вода,
надел хладнокровия панцирь.
Купил, говорите?
 Конечно. Да.
Купил. И бросьте трепаться.

Так вот, Радзиховский, бросьте сипеть и трепаться о сталинской пропаганде. Если «сталинская пропаганда» призывала, например: «Даешь пятилетку в четыре года!» — так и было. Если утверждала: «Жить стало лучше, жить стало веселее» — и все видели это. Если в первый же день войны заявила «Враг будет разбит! Победа будет за нами!» — и точно! Сравните ее с нынешней пропагандой. Например: «Создадим с братьями бе-

лорусами единое Союзное государство!» — и объявляют Белорусии простоквашную войну. «Удвоим ВВП!» А оказалось, имелся в виду второй президентский срок. А экономика вляпалась в кризис, производство падает. «Ветеранам войны в 2008 году — машины либо компенсацию в 100 тысяч рублей!» Приходите, Радзиховский, ко мне, ветерану, хоть с Познером, поищите эти сто тысяч. Найдете — половину вам подарю.

Но вот уж «крестьянскую армию»-то куда девать? По переписи 1939 года крестьяне вместе с кустарями составляли 47,2% всего населения страны. Ну подумай, умник царя небесного, как же армия могла быть сплошь крестьянской.

А о том, что эта «крестьянская армия не хотела воевать», не желаете ли, сударь, побеседовать с маршалом Рокоссовским, например. В своих воспоминаниях «Солдатский долг» он пишет о днях трагического начала войны: «Мне представляется важным это засвидетельствовать, как очевидцу и участнику событий. Многие части переживали тяжелые дни. Расчлененные танками и авиацией врага, они были лишены единого руководства. И все-таки воины этих частей упорно искали возможности объединиться. Они хотели воевать» (с.61). И маршал приводит факты. Доказывающие это.

Итак, Рокоссовский говорит «хотели», а вы — «не хотели». Кому же читатель поверит — знаменитому полководцу, всю жизнь отдавшему родной армии, прошедшему всю Великую Отечественную, коммунисту, известному своей честностью и неподкупностью, или вам — малограмотной кильке ни дня не служившей в армии, лжецу и клеветнику, холую и прихлебателю режима В.В.П., который то стоит на коленях перед собакой 41-го президента США, вычесывая у нее блох, то являет 43-му величие русского духа посредством впечатляющего зрелища, как сапогом раздуть самовар? Это не вы сапог-то качали?

МИННОЕ ПОЛЕ КЛЕВЕТЫ

В Интернете некто Антон П., а до него известный клеветой на Михаила Шолохова ленинградский тележурналист Виктор Правдюк в 90-серийном фильме «Вторая мировая война» заявили, что в Красной Армии во время Великой Отечественной войны для преодоления противотанковых минных полей посылали солдат, под сапогами которых мины взрывались, и так своими жизнями солдаты прокладывали дорогу танкам. Если даже отбросить всякие соображения о сбережении сил и человечности нашего командования, это малограмотная чушь хотя бы по двум причинам. Во-первых, противотанковая мина довольно дорогая штука, тратить ее персонально на солдата весьма «неэкономично», она предназначена для поражения танков, САУ, БТР и другой боевой техники по возможности вместе с экипажем или прислугой, и потому не взрывается под сапогом единичного пехотинца, а только — при наезде этой техники, которая гораздо увесистей любого бойца, даже двух вместе — таких, как Антон с Виктором на закорках. Всякий может сообразить, что это так, но поскольку я на фронте прямого отношения к минам все-таки не имел (они ко мне, конечно, имели), то обратился к маршалу Язову Д.Т., офицеру Великой Отечественной. Он сказал, что противотанковая мина срабатывает лишь в случае, если на ее взрыватель (!) оказано давление в 200-250 килограмм. Во-вторых, очень интересно, продолжал бы шагать вперед Правдюк (или Антон П.) при виде, как на его глазах разнесло в куски Антона П.(или Правдюка), собрата по разуму?

Антон П. источник своего вранья не указывает, почему-то думая, что ему и так все поверят. А у Правдюка все-таки есть намек: это, мол, маршал Жуков рассказывал генералу Эйзенхауэру. Где? Когда? По какому случаю? Неизвестно. Но все-

таки названо большое имя. Но что такое это имя в данном контексте? Во время войны в Европе Эйзенхауэр как главнокомандующий войсками союзников был соперником Жукова и, естественно, мечтал, чтобы американцы взяли Берлин. Черчилль 1 апреля 1945 года писал Рузвельту: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в наши общую победу...» В те дни Эйзенхауэр, соглашаясь и с Черчиллем, и с английским фельдмаршалом Монтгомери, что Берлин «важнейший объект после Рура», писал фельдмаршалу: «Ясно, что Берлин является главной целью. Тот факт, что мы должны сосредоточить всю нашу энергию и силы с целью быстрого броска на Берлин, не вызывает сомнений... Если у меня будет возможность взять Берлин, я его возьму»

Не вышло...

Потом Эйзенхауэр стал президентом США. Это были уже годы холодной войны, когда удивляться американской клевете на Советский Союз, на Отечественную войну и ее героев не приходилось. Так вот, поддался ли генерал этому соблазну? Тут мы подходим к самому важному.

26 ноября 2002 года в «Московском комсомольце» была напечатана пространная беседа киносценариста Эдуарда Володарского с журналистом Марком Дейчем. Последний в характеристике не нуждается. А о первом достаточно сказать, что вышло более 50 фильмов по его сценариям, издано десятка два романов, сборников повестей, рассказов, были времена (советские, разумеется), когда, по его же словам, пьесы володарского сочинения шли одновременно в шести столичных театрах, да еще «по всему Союзу». (Может кто-нибудь вспомнить хоть одну?) И при всей этой кино-издательско-театральной фантазмагии он гневно заявляет: «Цензура меня душила». А? То есть он, видимо, хотел, чтобы во всех театрах Москвы шли одновременно его пьесы, но цензура тридцать пьес задушила. Есть еще вопросы о менталитете товарища Володарского? Напомним также, что именно по его сцена-

рию поставлен фильм «Штрафбат», который вынуждена была заклеить как шедевр невежества и лживости даже межеумочная «Литературная газета».

Чтобы дать представление о его осведомленности в истории Второй мировой войны, приведу лишь один пассаж из беседы с Дейчем: «Американцы были вояки те еще! В 1944 году немцы кое-как собрали три дивизии из 15-летних мальчишек, из сопляков. И эти три дивизии так вмазали американцам в Арденнах, что те покатались, как грох по полу. 15-летние мальчишки их отмузузили!»

Это он, видимо, хотел изобразить себя то ли антиамериканцем, то ли советским патриотом. А на самом деле это чушь, достойная Правдюка. Какие три дивизии? Какие мальчишки? Там была мощнейшая группировка: 7-я общевойсковая армия, 5-я танковая армия, 6-я танковая армия СС да еще особая танковая бригада Отто Скорцени для действия в тылу противника — всего около 250 тысяч сопляков, имевших примерно 1000 танков, 800 самолетов, 2617 орудий и минометов. Да, американцы бежали верст этак сто, но потом, когда мы по просьбе Черчилля раньше плана начали Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую операции и оттянули несколько дивизий сопляков, союзнички очухались и, потеряв 77 тысяч солдат и офицеров, все-таки отбросили немцев.

Это о немцах и американцах. А вот что Володарский лепечет о Красной Армии: «Жуков, вспоминая об операции «Багратион», пишет: чтобы не снижать темп наступления, потребовались свежие силы. Из резерва была выделена 10-я армия, но ее все нет и нет. Стали выяснять, в чем дело. Оказывается, от голода армия легла, солдаты не могли идти. Они четверо суток не получали паек. Уж если такое происходило с резервом армий, то можете догадаться, как кормили штрафников».

Во-первых, штрафников кормили так же, как всю армию, что подтверждает хотя бы живущий ныне в США Лев Бенционович Бродский, бывший штрафник 8-го штрафного батальона 1-го Белорусского фронта (Новое русское слово, №20'05. Нью-Йорк). Можете ему позвонить, Володарский. Во-вторых, никакой необходимости привлекать свежие силы, чтобы не

снижать темп наступления во время операции «Багратион» в Белоруссии, не было: сил имелось достаточно, а темп наступления — очень высок: 20—25 километров в день. В-третьих, где же и когда же это Жуков писал? Тайна фирмы Володарского.

А главное, как могло случиться, что летом 1944 года целую армию, то есть тысяч 80 или больше человек, морили голодом? Да почему же Сталин или Жуков, обнаружив это, немедленно не отдали под суд начальника тыла генерала армии Хрулева Андрея Васильевича? И тут ларчик с треском открывается: 10-й армии тогда не существовало. «Багратион» это 23 июня — 29 августа 1944 года. А 10-ю армию еще в апреле Ставка расформировала, на базе ее управления создав управление 3-го Белорусского фронта, в составе которого под командованием генерала армии Черняховского, а после его гибели — маршала Василевского довелось дойти до Кенигсберга и моей части. Дейч! Хоть вы, что ли, втемяшьте мэтру: 10-я армия летом 44-го просто не существовала! Вот такой он знаток войны на западе и на востоке.

И еще один штришок портрета художника-гуманиста. В «Штрафбате» показана русская деревня, занятая немцами. Сходились некоторые наши женщины с оккупантами? Я лично таких не встречал, но, понимая, сколь многообразна жизнь, допускаю: кто под угрозой, кто — чтобы выжить, а, видимо, были и такие, что по доброй воле. Так вот у Володарского молодая русская женщина сходитя с немцем добровольно, но этого ему мало: она у него еще и вдова погибшего на фронте солдата, у нее к тому же и сына-подростка немцы убили уже тут в деревне едва ли не на глазах, а малолетняя дочка всегда с радостью встречает немца: «Дядя Курт пришел. Шоколадку принес!» А это, вполне возможно, убийца ее отца. Вот теперь русский художник Эдуард Володарский доволен созданным образом русской женщины.

А о Жукове говорит: «Солдаты на фронте называли его мясником». То же самое, слово в слово, 22 июня изрыгнул и Правдюк. Они сами слышали это, когда матушка им задницу после горшка вытирала... Но вот документальный факт. Во время Сталинградской битвы Жуков поучал и стыдил коман-

дование 1-й гвардейской армии (генерал-лейтенант Голиков): «Разведка работает у вас плохо. Нельзя полагаться только на патриотизм, мужество и отвагу наших бойцов, бросать их в бой на неизвестного вам противника одним призывом «Вперед!». Немцев «на ура» не возьмешь. Мы не имеем права губить людей понапрасну» (Н. Яковлев. Маршал Жуков. М., 1995. С.132). Таких наставлений Жукова и Сталина командующим войсками можно привести немало.

И вот она, главная ложь Володарского, подхваченная двумя выше упоминавшимися ораторами: «Генерал Эйзенхауэр в своих воспоминаниях пишет, как он увидел под Потсдамом огромное поле, устланное трупами русских солдат. Выполняя приказ Жукова, они штурмовали город в лоб под кинжальным огнем немцев. Вид этого поля поразил Эйзенхауэра. Ему стало не по себе, и он спросил Жукова: «На черта вам сдался этот Потсдам?» О, тут уже указан источник: воспоминания Эйзенхауэра. Но как они озаглавлены? Секрет. Почему дан пересказ, а не цитата? Тайна той же торговой фирмы. На какой это странице? Неизвестно... Но вот я держу в руках эти воспоминания — «Крестовый поход в Европу», 526 страниц. И там ничего подобного нет. А есть, например, такое: «Маршал Жуков в силу его особого положения в Красной Армии как ответственный руководитель в крупных сражениях за несколько лет войны получил больший опыт, чем любой другой военный нашего времени. Его обычно направляли на тот участок фронта, который в данный момент был решающим. Это опытный солдат» (с.521). Еще Эйзенхауэр говорил: «Я восхищен полководческим дарованием Жукова и его человеческими качествами. Когда я был Главнокомандующим союзными войсками в Европе, все мы, буквально затаив дыхание, следили за победным маршем советских войск под командованием Жукова на Берлин. Мы знали, что Жуков шутить не любит, и если уж он поставил цель сокрушить цитадель фашизма в самом сердце Германии, то непременно добьется своего» (Цит. по кн. генерала армии М.А. Гареева. Маршал Жуков. Москва — Уфа, 1996. С. 215). При этом Эйзенхауэр, естественно, помалкивал о своих честолюбивых мечтах тех дней...

Но вернемся к словам сценариста. Может, он напутал: не читал он это в воспоминаниях Эйзенхауэра, а тот лично рассказал ему перед смертью в 1969 году о разговоре с Жуковым? Очень маловероятно. Дело в том, что генерал не мог спросить «На черта вам Потсдам?!», ибо он-то в отличие от сценариста прекрасно знал, что именно в этом районе западнее Берлина соединились войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, завершив окружение огромной берлинской группировки.

Потсдам взяли 27 апреля. Поскольку там, как уверяет Володарский, еще лежало множество убитых, то выходит, что маршал и генерал встретились на поле боя если не в тот день, то вскоре. Но неужели вы не знаете, несчастная жертва советской цензуры, что ведь война еще продолжалась, шли ожесточенные бои, командующим было не до встреч с иностранцами, и Жуков скорее всего находился в войсках или в штабе своего 1-го Белорусского, который располагался в Венденшлоссе, а Эйзенхауэр — в своей Ставке во Франкфуртена-Майне за сотни километров от Жукова и Потсдама.

Если хоть на грош поверить Володарскому о встрече в Потсдаме, то можно подумать, что она имела место там во время конференции руководителей держав-победительниц, проходившей с 17 июля по 2 августа. Что ж, так и валялись тела убитых 2-3 летних месяца, отравляя трупным смрадом город, в котором шла столь высокая конференция, и всю округу? Чушь, разумеется.

А на самом деле, Жуков и Эйзенхауэр впервые встретились в самом начале июня и не в Потсдаме, а в штабе 1-го Белорусского в Венденшлоссе. «Встретились мы по-солдатски, можно сказать, дружески, — вспоминал маршал, — Эйзенхауэр, взяв меня за руки, долго разглядывал, а потом сказал:

— Вот вы какой!» (Воспоминания и размышления. 11-е изд. Т. 3. С. 316).

Ничего подобного! — визжат володарские правдюки. Как сами слышали: «Зачем вы за Потсдам столько людей положили?» — спросил Эйзенхауэр. В ответ Жуков улыбнулся и сказал (я запомнил точно, уверяет Володарский): «Ничего,

русские бабы еще нарожают». Да зачем же запоминать, когда можно указать страницу? Увы...

Сделаем страшное допущение: советских солдат действительно гнали на минные поля и под их ногами взрывались противотанковые мины. Но ведь надо же быть дважды болваном и трижды подонком, чтобы еще и рассказать об этом иностранному генералу с «победной улыбкой». Да, вот эти трое, желая угодить начальству, пожалуй, послали бы солдат на минное поле и рассказали бы об этом первому встречному иностранцу.

У маршала Жукова осталось три дочери: Элла, Эра и Мария. Милые, как вы можете терпеть такую клевету на своего великого отца? Вместо того, чтобы участвовать в мероприятиях вроде несуразной передачи Якубовича о Жукове, или повторять выдумки о том, что Сталин-де хотел принимать Парад Победы, или, наконец, рассказывать, какую драгоценную брошь («Она принадлежала Натали Пушкиной!») подарила вашей маме Лидия Русланова (Эллы и Эры. — *Ред.*), потом угодившая с мужем-генералом в лагерь за хапужничество в Германии, — вместо этого встаньте на защиту отца. Если нужны средства, то их можно собрать через «Завтра» по подписке читателей. Вон же ленинградец М.Г. Штейн, автор книги «Ульяновы и Ленины» (Л-д, 1997), подал в суд на газету и на автора, оклеветавших Ленина, и выиграл процесс. А Ленин ему никакой не родственник.

НЕ ЗНАЯ БРОДУ...

А судьи кто?..
Ведь с юности до ныне дряхлых лет
К Советской власти их вражда непримирима.
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Бурбулиса и отделенья Крыма.

*А.Грибоедов. Горе от ума.
Черновик. Публикуется впервые*

Разумеется, в этом году, как и раньше, было много публикаций о Великой Отечественной войне, приуроченных к дате ее начала. Разумеется, как и раньше, при этом было явлено много нелепостей, невежества и прямой злобной клеветы. До сих пор этим в разной мере отличались покойный Д.Волкогонов, благополучно здравствующие А.Чубайс, В.Правдюк, Э.Радзинский, Н.Сванидзе, Л.Млечин, Л.Жуховицкий, С.Медведев, С.Сорокина и некоторые другие известные, даже популярные лица... Об этих толоконных лбах демократии, из коих никто не только не был ни на какой войне, но и в армии-то едва ли кто служил, я здесь говорить не буду. Ну, во-первых, сколько можно? Обрыдли. Во-вторых, объявились новые имена в этой теме — одни довольно известные, другие — только что с иголки.

В недавних публикациях «Литературной газеты» в связи с годовщиной начала войны примечательны две статьи. Как и следовало ожидать, они противоположны по своей сути и направленности.

Первая статья Виктора Гастелло, сына Героя Советского Союза капитана Гастелло, совершившего 26 июня 1941 года на своем горящем самолете наземный таран танковой колонны. Автор статьи взывает: «Оставьте героев в покое!» И адресует это в первую очередь тележурналисту Сергею Медведеву, бывшему пресс-секретарю Ельцина, который ныне на Первом канале ведет цикл «Тайны века». Один из выпусков цикла

был частично посвящен Герою-капитану. Сын возмущен грязной возней вокруг имени отца, затеянной еще в 1951 году Э.Поляновским в «Известиях» и продолженной теперь на ТВ человеком с державной фамилией. А он, копаясь в биографии героя, оказывается, не знает даже, как звали его отца: вместо «Павлович» именует его на немецкий манер «Адольфовичем». Да еще о брате Михаиле, умершем в младенчестве до революции докопался в архивах, что тот погиб на фронте. Уже одно это позор для державной фамилии. Но если бы только это! Сын героя пишет: «Сколько же гнусной лжи и клеветы вложено в передачу!». А что можно ожидать, Виктор Николаевич, от ельцинского выкорышля!

Борзописцы и телебалаболки отобрали у Гастелло его подвиг и приписали другому летчику — капитану Маслову. А некий Чупринин в известной подлостью «МК» объявил капитана Гастелло военным преступником и предлагает привлечь его покойный экипаж к судебной ответственности. Что стервецам стоит! Пишут же они о разгроме Красной Армии под Москвой. Завтра напишут о взятии Берлина американцами. За что заплатят, то и напишут.

Но Маслов в чужой славе не нуждается, за его могилой был свой смертельный подвиг, за что всему экипажу и его самолета тоже присвоили звание Героев. По этому поводу Виктор Николаевич пишет: «И слава богу! Они пали смертью храбрых в борьбе за Родину, перед их памятью мы склоняем голову. Но почему же продолжают сочинять гнусные статьи и поток оскорблений на Гастелло?..»

В редакционном примечании к статье В.Н.Гастелло говорится: «Если бы Гастелло попал в плен или его тело нашли бы немцы, то можно представить, с каким удовольствием фашистская пропаганда развенчала бы подвиг советского летчика-героя. Удивительно, что этим сейчас занимается российское телевидение. Зачем?»

Летчик, совершивший наземный таран танковой колонны в плен попасть не мог, и тело его немцы найти не могли, ибо после такого взрыва от человека ничего не остается. Но дело не в этом. Действительно, зачем телевидение занимает-

ся тем, чем могло бы заниматься и занималась фашистская пропаганда?

Вторая статья принадлежит перу известного критика Андрея Туркова — «Дни смятения и отваги». Она о романе Артема Анфиногенова «Фронтальная трагедия. 1942 год» (М., 2008). Тут можно задать тот же вопрос: «Зачем?»

А.Турков нахваливает роман. Зачем? Трудно согласиться, что он так хорош: «Надрывающий сердце реквием...» и т.п. Бесспорно, А.Анфиногенов писатель выдающийся, но не очень, да еще любит порой приврать в антисоветском духе. Знаю его с давних дней работы в «Литгазете». Например, не так давно он писал в «Литературной России», что был замечательный летчик Кутахов, он много сбил вражеских самолетов, а ему все не давали и не давали Золотую Звезду. Это почему же? А потому, говорит, что слишком, дескать, яркая и самобытная личность. А Сталин таких, разумеется, не любил. Выходит, что давали только бесцветным да безликим или, как уверяет Солженицын: «пай-мальчикам, отличникам боевой и политической подготовки». Такие, мол, были порядки в Красной Армии.

Я позвонил Артему:

— Что ты лопочешь? Ведь тебе скоро девяносто. Павел Степанович Кутахов, член партии с 1942 года, при всей своей яркости и самобытности получил две Золотых Звезда да еще стал Главным маршалом авиации. Главным!.. И одних только орденов Красного Знамени — пять. А еще...

— Да я... да мы... да вы...

Словом, трудно поверить в искренность похвалам роману. Скорее, он дает основание повторить нечто подобное тому, что Сталин в 1933 году написал драматургу А.Н.Афиногенову об одной его пьесе, которую прочитал в рукописи:

«Тов. Афиногенов!

Идея пьесы богатая, но оформление вышло небогатое. Почему-то все партийцы у Вас уродами вышли — физическими, нравственными, политическими уродами... Выпускать пьесу в таком виде нельзя.

Давайте поговорим, если хотите» (СС. М., 2006. Т. 18. С. 41).

Однако я не выношу оценку роману. Да и не о нем, собственно, пойдет у нас речь, а о статье А.Туркова, о его суждениях, касающихся войны.

В прошлом году я имел приятную возможность поздравить Андрея Михайловича со статьей в «Литгазете», где он напомнил некоторым суперпатриотам об истинной сути таких фигур, как Бенкендорф, Победоносцев и т.п. Вот и недавно в той же «ЛГ» была его язвительная статья о книге одного английского автора о Чехове. Критик возмущенно писал, что сочинителя интересуют не рабочий кабинет писателя, а его спальня, рассмотренная сквозь замочную скважину. Что ж, и за эту статью спасибо. Но об Анфиногенове... Прежде всего, статью трудно читать. Уж очень много в ней кавычек, скобок, затасканных «крылатых слов» вроде таких, как «дела давно минувших дней», «племя молодое», «русские медленно запрягают», «сороковые роковые»...

Так вот, прежде всего надо заметить, что критик плохо знает то, о чем пишет, как видно, давно не читает о войне и событиях, с ней связанных. Поистине, сужденья черпает из забытых газет ельцинских времен... Так, Тухачевского до сих пор числит невинной жертвой репрессий. Но ведь еще в 1991 году в «Военно-историческом журнале» (№№ 8 и 9), затем в первом выпуске «Военных архивов России» за 1993 год, в книге А. Залесского «И.В.Сталин и его противники» (Минск, 2002), в книге Валентина Лескова «Сталин и заговор Тухачевского» (М., 2003), наконец, в приложениях к книге А.Мартиросяна «22 июня» (М., 2005) и в других изданиях были напечатаны убийственные архивные документы о Тухачевском. В частности, его признательное заявление, сделанное на четвертый день после ареста в Куйбышеве, на второй день после прибытия в Москву и после двух очных ставок. А также — собственноручно написанный после этого «план поражения» Красной Армии в будущей войне на 143 страницах. Никакой следователь сочинить это не мог. Тут — рука высокопоставленного военного специалиста, прекрасно осведомленного о положении дел в этой области. А вы с Анфиногеновым, Турков, будете рассказывать нам о розовой книжечке Льва Никулина сто-

летней давности да ссылаться на реабилитацию от 31 января 1957 года. Лучше почитайте хотя бы ВИЖ.

Для обстановочки, в которой совершалась эта реабилитация, для тогдашней атмосферы в обществе весьма характерен, например, такой эпизодик. На XXII съезде КПСС, состоявшемся в октябре 1961 года, председатель КГБ А.Н. Шелепин огласил вот это письмо командующего Киевским военным округом командарма Первого ранга И.Э.Якира, привлеченного к суду вместе с Тухачевским:

«Родной близкий тов. Сталин. Я смею так к Вам обращаться, ибо я все сказал, все отдал, и мне кажется, что я снова честный, преданный партии, государству. народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей — потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства... Следствие закончено. Мне предъявлено обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства. Теперь я честен каждым своим словом. Я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

Якир обратился с письмами также к Ворошилову и Ежову.

Эти слова признания Якиром своей вины Шелепин выкинул, т.е. совершил самое настоящее, преступное жульничество. И это председатель КГБ! И это на трибуне съезда! Хрущевский сатрап старался внушить делегатам, что Якир просто хотел перед смертью выразить свою безграничную любовь к Сталину, партии и к родине. И вот, мол, такого верного бойца за коммунизм не пощадили... Это ли не чудовищно!

А что можно было бы ждать от такого военачальника, окажись он в плену у немцев? Держался бы он перед лицом опасности, перед угрозой смерти так, как держались генералы Карбышев и Лукин?

Всюду выискивая разного рода несправедливости, мерзости и негодяйства в советской жизни, правозащитник Турков еще о предвоенной поре укоризненно пишет, цитируя и

пересказывая соответствующие страницы романа Анфиногенова: участники гражданской войны в Испании «Гольцев, Шестерин и другие благодарно поминаемые автором «першероны» ВВС (да почему же не русские «битюги»? — В.Б.) пребывали в тени героев челюскинской эпопеи, рекордных трансарктических перелетов». Вот, мол, она, вопиющая несправедливость! Но позвольте, челюскинская эпопея и знаменитые перелеты Чкалова и Громова действительно были выдающимися делами и совершались на глазах всего мира, а участие наших генералов и офицеров в испанской войне на стороне республиканцев, мягко говоря, вовсе не афишировалось. Да что там! Это было тайной. Как и участие немецких военнослужащих на стороне генерала Франко. Неужели для Туркова, современника тех событий, это новость? На что же тут сетовать? Кого обвинять? Молчание о героях испанской войны было государственной необходимостью, подобной той, которая вынуждала молчать о создателях атомной бомбы и других важных видов вооружения. А наградами, званиями тех и других при этом отнюдь не обходили.

Между прочим, сам Анфиногенов в книге «Любимые сыновья» с восхищением писал о небрежно помянутых Турковым делах: «На просторах Арктики происходили события, отражавшие человечность, духовность и могущество социализма. Челюскинская эпопея, завоевание Северного полюса, трансарктические перелеты... Каждый дом, каждая семья преисполнялись гордостью за свою принадлежность к Союзу народов, строящему под руководством партии новый мир. Каждый подвиг был отмечен достойной наградой. Это были акты, формирующие доверие к государству, о чем так заботился Владимир Ильич Ленин» (с.56). И ни слова о несправедливости к «пребывавшим в тени» «испанцам». Но как бы то ни было, а Турков, видимо, убежден, что еще в одном позорном грехе он уличил Советскую власть.

Кроме того, с самого начала автор старается убедить нас в «безумии владык». Каких владык? Турков со студенческих лет — мы однокашники — осторожен, осмотрителен, чутконос, очень бдителен в отношении разного рода писем: нет

его подписи ни среди 82 подписей членов ССП, выступивших в мае 1967 года в поддержку Солженицына, ни под письмом совершенно другого характера — среди 42 подписей тех, кто 5 октября 1991 года требовал от власти «Раздавить гадину!». Хотя под первым письмом подписались довольно близкие Туркову люди, например, даже столь же осмотнительный его друг Владимир Огнев. Право, очень удивительно, как это в свое время он опростоволосился — превозносил в «Известиях» такого голого негодяя, как А.Н.Яковлев.

Но тут-то хоть никто и не назван, но — ясно: конечно, автор имеет в виду тех политических и военных «владык», которые, будучи «безумными», привели страну и ее армию к победе над умными немецкими генералами, над фашистской Германией. Объяснил бы хоть кратко, как же это произошло.

Читаем дальше: «Начальник гитлеровского генштаба (сухопутных войск, между прочим. — В.Б.) Гальдер писал о вроде бы триумфальном для фашистов начале войны». Почему «вроде бы»? В короткий срок они захватили всю Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, почти всю Украину, Киев, за пять с небольшим месяцев доперли, доползли до Москвы — это ли не триумф? И им рукоплескали все антисоветчики мира, включая русских, подобных Ивану Ильину. Другое дело, что немцы рассчитывали на гораздо большее: по их планам через два-три месяца Красная Армия должна быть разбита и Советский Союз рухнуть. В октябре Гитлер уверенно заявил: враг разбит и никогда уже не поднимется. Но — увы им...

Турков возмущается теми, кто «сверху» будто бы поторапливает забыть «не только о погибших, но и обо всей пережитой страной и народом трагедии». Кто поторапливает? Назови. Не кто иной, а нынешний режим поторапливает забыть Верховного главнокомандующего, великих маршалов и генералов, гениальных советских ученых и конструкторов оружия, доходя в этом до такого низости, что в дни разного рода торжеств и парадов на Красной площади закрывает кремлевский мемориал фанерой. Но Турков сказать об этом никогда не посмеет. Как можно-с... политкорректность... консенсус... благорастворение воздухов...

А вот таких безымянных обличений у него сколько угодно: «Само слово «трагедия» применительно к пережитому оказалось как бы под негласным запретом». Как бы... Это напоминает Солженицына, который уверял, что после появления его как бы бессмертного «Архипелага» само это слово тоже оказалось как бы под запретом. Тут вспоминается и Надежда Мандельштам, писавшая, что в Советское время слова «честь», «совесть», «совершенно выпали у нас из обихода. Они не употреблялись ни в газетах, ни в книгах, ни в школе». И это она о том времени, когда на всех перекрестках красовалось: «Партия — это ум, честь и совесть нашей эпохи».

И, представьте себе, бесстрашный Анфиногенов как бы первый произнес запретное слово «катастрофа». Но вот что писал сам Сталин 26 июня 1942 года в директивном письме Военному совету Юго-Западного фронта по поводу майского провала там: «Это катастрофа...» И далее несколько раз употребил именно это слово (ВИЖ, № 2'90, с.46). А литератор должен бы знать, что есть и другие слова, не менее выразительные, чем «катастрофа». И они тоже были произнесены самим Сталиным уже после войны: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала...» Но критику этого мало. Ему, как Сванидзе и Млечину, Правдюку и Жуховицкому, хочется подыскивать новые и новые клеймящие слова для наших катастроф и отчаянных положений.

И Турков нашел еще одно хлесткое словцо: «Незадолго до войны Сталин подарил маршалу Кулику книгу Золя «Разгром» — о сокрушительном поражении французской армии в 1870 году под Седаном. В сорок первом свой «Седан» получил не только Кулик, быстро разжалованный, но и сам вождь». Оцените, ведь это сказано не немцем, а русским человеком: Сталин получил свой «Седан»... Дескать, так ему и надо, заслужил, а нас это не касается. Такой взгляд очень характерен для тех, кто изображает войну как личную схватку двух тиранов. Но нет, уж если «Седан», то это было горем всей страны, бедой всей армии, а для немцев, конечно, именно триумфом безо всяких «вроде бы».

И этот «Седан», как драгоценная находка, гуляет по всей статье до самой последней фразы. Сталин в известной беседе с писателем Эмилем Людвигом, уподоблявшем его Петру Великому, заметил «Исторические параллели всегда рискованны. Данная параллель бессмысленна». В нашем случае это можно повторить вслед за умным человеком. В самом деле, чем для Франции был не роман Золя, а настоящий Седан: в плен попала вся армия маршала Мак-Магона (120 тыс. штыков) вместе с Верховным главнокомандующим — императором Наполеоном Третьим, и через два дня Вторая империя рухнула, а император вскоре низложен.

Что же тут общего с нашими поражениями в сорок первом? Да, они были тяжелы, трагичны, однако Советская власть, как рассчитывали немцы, не рухнула и даже ни один маршал, к удивлению Туркова, не попал в плен.

Кстати, что значит, маршал Кулик был разжалован? В рядовые, что ли? Нет, в генерал-майоры. И произошло это не в сорок первом, а в сорок втором. Знать надо, если пишешь.

Критик находит «чрезвычайно образной», т.е. удачной, и другую историческую параллель — уподобление начала войны известному сражению в 1792 году армии революционной Франции против прусско-австрийских интервентов при Вальми. Вот, мол, это наше советское Вальми. Так Седан или Вальми? Ведь это об одном и том же времени, об одних и тех же событиях сказано. Но при Вальми французы одержали победу, которая привела к изгнанию оккупантов, а у нас до Сталинграда преобладали поражения, и только после него началось широкое изгнание захватчиков. Так чьими же глазами смотрит Турков на войну немцев? Для немцев начало войны было и Вальми с некоторой поправкой.

А сталинский «Седан» сорок первого года, говорит автор, это «плод проделанной ранее кровавой «чистки» армии от талантливейших командиров». Тут имеются в виду те же Тухачевский, Якир и т.д. Господи, уж сколько об этом говорено! И никто из этих ораторов не задумается: почему же в Польше, допустим, не было никаких чисток, а немцы разнесли ее армию в две недели? Во Франции — тоже никаких, и все та-

лантливейшие командиры, герои Первой мировой, оставались в строю, а немцам потребовалось четыре-пять недель для полного ее разгрома вместе с англичанами, бельгийцами, голландцами.

Развивая тему, Турков пишет о сорок первом годе: «кадровый пустырь» пришлось срочно заполнять недавними зэками — Рокоссовским, Мерецковым, Лизюковым, Горбатовым». На самом деле, Рокоссовский, Горбатов и Лизюков были освобождены не в сорок первом, а еще за год с лишним до войны — в марте 1940 года, — восстановлены во всех гражданских правах, званиях, наградах и сразу получили командные должности. А Мерецков, наоборот, был как раз арестован 24 июля, т.е. в начале второго месяца войны. Как же он мог «заполнять кадровый пустырь»? Он заполнил совсем другое. Впрочем, через месяц, в сентябре, тоже был освобожден, во всем восстановлен и как представитель Ставки направлен в войска.

Но вот уже весна 1942 года. Турков живописует: «Верховный жаждал скоропалительного реванша, опьяненный зимними победами под Москвой и Ростовом». Во-первых, вначале дело было под Ростовом, и не зимой, а осенью. Во-вторых, надо ничего не знать о Сталине, чтобы говорить о его опьянении в прямом или переносном смысле. Но Хрущев в своих воспоминаниях писал, а известный правдоискатель Коротич в вашем любимом «Огоньке», где вы, Турков, начинали свой завидный творческий путь, печатал: «Сталин не уходил трезвым и не выпускал трезвыми командующих фронтами, которые приезжали с докладами». У Сталина не было времени для пьянок. Как, впрочем, и для паники. Куда справедливее другие известные слова о нем: «В самые трагические моменты, как и в дни торжества, Сталин был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям». Именно об этом свидетельствует его поведение и в октябре — ноябре 1941 года, когда немцы были в двадцати семи верстах от Москвы, и в мае — июне 1945-го, когда Берлин лежал у ног Красной Армии.

Здесь мы опять видим изображение войны как личную схватку двух персон: Сталин жаждал реванша!.. Вот проиграл

он Адольфу первую партию (матч, сет, тайм) и возжаждал реванша. Трудно вам с Анфиногеновым понять, но все-таки постарайтесь: не реванша жаждал Сталин, а скорейшего разгрома оккупантов и освобождения родины, и вместе с ним этого жаждал весь советский народ. И в сей благородной жажде, да, бывали поспешные шаги, торопливые жесты, опрометчивые решения. А вот Гитлер, будучи по натуре игроком, действительно жаждал реванша с Францией. Только этим можно объяснить устроенную им унижительную процедуру подписания капитуляции французов именно в Кампъенском лесу, именно в том вагоне, в котором в 1918 году была подписана капитуляция Германии. Когда маршал Жуков сообщил по телефону из Берлина о самоубийстве Гитлера, Сталин очень точно сказал: «Доигрался, подлец!» Именно доигрался — миллионами жизней. И, к слову сказать, в церемонии подписания немцами капитуляции 8 мая в Карлсхорсте не было ничего унижительного, от начала до конца — все сухо-официально.

По поводу катастрофы в мае 1942 года при наступлении на Харьков критик пишет: «Отмахнувшись от предупреждений «пессимиста» Шапошникова, вождь явно потакает авантюре Тимошенко, а тот уже и вовсе краю не знает в бешеном взнуздывании (? Взнуздать — надеть узду для сдерживания лошади. — В.Б.) наступающих...». А Сталин, как пишет Анфиногенов, занялся «взвинчиванием темпа наступления до бесконечности». Это как — до бесконечности? До второй космической скорости?

Странно, а почему не упомянут член Военного совета Хрущев? Он не имел отношения к бешеному взнуздыванию и взвинчиванию до бесконечности? Оказывается, самое прямое, но автору уж очень не хочется его упоминать как участника «авантюры»: у него же такая заслуга перед прогрессом и демократией — он учинил «разоблачение культа личности» владыки!

О том, как в действительности дело было с «авантюрой», довольно обстоятельно рассказано на страницах этой книги, где речь идет о Микоянах, повторяться нет нужды. Напомню лишь, что Тимошенко, Хрущев и Баграмян предлагали Став-

ке на всем фронте своего Юго-Западного стратегического направления в 1073 километра весной — летом предпринять решительное наступление с прорывом на глубину до 600 километров. Но для этого требовалось еще свыше тридцати стрелковых дивизий и изрядное количество боевой техники. По воспоминаниям Баграмяна, Сталин сказал то же, что до него — Шапошников: «У нас не так уж густо с резервами. Мы не в состоянии удовлетворить вашу просьбу. Поэтому ваше предложение не может быть принято» (Великого народа сыновья. М., 1984. С. 187). И предложил на следующий день представить план по освобождению только Харькова силами только направления. Это потакание авантюре?

Был составлен новый план, но он тоже требовал выделения Ставкой крупных резервов, и тоже был отвергнут. Это потакание? «После напряженного труда, — пишет Баграмян, — родился третий вариант плана Харьковской операции. 30 марта в нашем присутствии он был рассмотрен И.В.Сталиным с участием Б.М.Шапошникова (того самого «пессимиста». — В.Б.) и А.М.Василевского и получил одобрение» (Там же, с.188). Теперь план предусматривал прорыв на глубину лишь 40—45 километров. От 600 до 45 — вот такое потакание авантюре.

То, что Турков пишет об отношении Сталина к Шапошникову, заслуживает особого внимания: «Он испытал все «приливы любви и отливы»: то жаловавшегося (словцо-то, прости Господи! — В.Б.) маршальской звездой и назначавшегося начальником Генштаба, то гневливо смещаемого и понижаемого». Вот таким языком написана вся статья, да и всю жизнь Турков пишет так: жаловавшийся звездой...

Вот, говорит, терзали человека приливы и отливы любви... Пламенный почитатель Яковлева, видимо, не знает, что бывший полковник царской армии Шапошников еще до маршальской звезды долгие годы занимал важнейшие должности в армии — командовал Ленинградским, Московским, Приволжским, опять Ленинградским военными округами, будучи к тому же еще и беспартийным, и начальником Штаба РККА, как тогда назывался будущий Генштаб, был назначен тоже беспартийным. На XVI съезде партии и речь держал от имени беспартийных командиров Красной Армии.

Известно, с каким уважением Сталин относился к Шапошникову. В отличие от нынешних отцов отечества, Сталин, кроме узкого круга старых товарищей по партии, со всеми был «на вы» и ко всем обращался по фамилии, а Бориса Михайловича всегда величал по имени-отчеству.

И когда это Шапошников был «гневливо смещаемый и понижаемый»? Вы с Анфиногеновым за всю жизнь не шибко обременяли себя служебными должностями, больше пробавлялись членством в редсоветах да редколлегиях, сочиняли бесспорные книги о Чехове да Салтыкове-Щедрине, и так дожил один даже до какого-то академика. Видимо, поэтому всякое служебное перемещение представляется вам непременно ужасной и непременно «гневливой» несправедливостью.

Да, в службе Шапошникова было немало перемещений. Но вот, допустим, после Ленинградского военного округа — Московский. Это понижение? А потом — Генштаб. Это что? После Генштаба — Приволжский округ. Вроде бы «понижение». Но, судя по всему, такова была необходимость для усиления этого округа. Вам с Анфиногеновым такие мысли в голову не приходят? В жизни вообще, а в армии особенно бывают решения необходимые, не считающиеся с личными чувствами. Это понимают даже те, кто в армии не служил.

Да, после Финской войны в августе 1940 года на посту начальника Генштаба Шапошникова сменил Мерецков. И как же не понять: было ясно, что надвигается война, а начальнику Генштаба без малого шестьдесят годков, пенсионный возраст, к тому же не отличается крепостью здоровья, частенько болеет. Упоминавшийся генерал-полковник Франц Гальдер, занимавший в вермахте аналогичный пост, был все-таки на два года помоложе да, видно, и покрепче здоровьем, коли дожил до 88 лет, а Шапошников — всего лишь 63 года. Естественно было подумать, выдержит ли он предстоящее напряжение? А хорошо показавший себя на Финской войне Мерецков был на пятнадцать лет моложе. Это не пустяк. Но имелись и другие соображения.

И вот как маршал Василевский, долгие годы работавший в Генштабе под руководством Шапошникова и хорошо знав-

ший его, писал об этом со слов самого Бориса Михайловича: «Как он рассказывал, И.В.Сталин, специально пригласивший его для этого случая, вел разговор в очень любезной и уважительной форме. После советско-финского конфликта, сказал он, мы переместили Ворошилова и назначили наркомом Тимошенко... Всем понятно, что нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными силами. Нас не поймут, если мы ограничимся одним народным комиссаром. Мир должен знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление... А каково ваше мнение?»

Борис Михайлович ответил, что готов служить на любом посту» (Дело всей жизни. М.,1973. С.107). Без особого труда пережил «гневливое смещение».

В июле 1941 года Шапошников вновь был назначен начальником Генштаба вместо Жукова. Тут уж было не до возраста и не до здоровья. Пора была отчаянная, немец пер на Москву, надо было любой ценой спасти родину. И на этом посту в самые тяжкие дни и ночи он простоял почти год. А ему до сих пор и памятника нет. Зато воздвигли памятники Колчаку и Окуджаве, скоро поставят Чубайсу и Новодворской...

А в мае 1942 года Шапошников передал бразды правления Генштабом своему талантливому ученику генералу Василевскому, но при этом остался заместителем Народного комиссара обороны, т.е. самого Сталина. Какое понижение! — вопиет Турков, никогда в жизни не понижавшийся, а только восходивший все выше и выше вплоть до статуса президентского пенсионера...

Еще критик похваливает Шапошникова как человека, который «рисковал высказывать мнения «вразрез» с «высочайшей волей». Вот диво: написал книгу о великом сатирике Салтыкове-Щедрине, а не понимает, что так любимые им кавычки — самое убогое средство иронии или сарказма. Думает, что коли написал «высочайшая воля», «пессимист» Шапошников, «вразрез» и т.п., то уж точно пригвоздил кого-то. Хоть раз Щедрин прибежал к этому средству? И в своем увлечении порой доходит до бессмыслицы: ведь хочет сказать, что Ша-

пошников высказывался действительно вразрез мнению Сталина, но берет это слово в кавычки, и оно уже неизвестно что означает.

Однако тут не до этого. Тут замшелое долдонство в духе Сванидзе. Вот ведь что писал Жуков: «Стиль работы Ставки был, как правило, деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. И.В.Сталин ко всем обращался одинаково строго и довольно официально. Он умел слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Как я убедился за долгие годы войны, И.В.Сталин вовсе не был таким человеком, которому нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было спорить и даже твердо отстаивать свою точку зрения. Если кто-нибудь утверждает обратное, прямо скажу: их утверждения неправильны». Вот что сказал маршал Жуков критику Туркову и его другу. Да разве один Жуков писал об этом!

Как видим, в статье немало странностей и противоречий. Это сказалось и в том, что книгу критик расхвалил, а о самом авторе, который с апреля 1943 года был на фронте летчиком, — информационной скороговоркой: «сбивал фашистские самолеты — и сам бывал сбитым, горел под парашютным куполом, еле дотягивая (а то и не...) до своего переднего края».

Ну, как можно! Таким тоном говорят: «И он ходил в гости. И к нему ходили...» Ведь читателю интересно, сколько именно автор сбил самолетов, сколько раз сбивали его. Неужели он не помнит? Почитайте Юрия Мухина. Он знает даже, сколько раз сбивали немецких асов, а тут — герой рядом, давний друг критика, а он о нем так небрежно. Ведь вон же сам-то Анфиногенов в упоминавшейся книге обстоятельно пишет о летчиках А.Алелюхине, В. Лавриненкове, И.Псыго, ныне здравствующем, и о других — сколько боевых вылетов, сколько сбили самолетов и т.д. (Там же. С.36-40). А тут...

Между тем, узнать о подвигах А.Анфиногенова по возможности точно тем более хотелось бы, что ведь он служил, если не ошибаюсь, в эскадрилье связи, т.е., видимо, летал на знаменитых «кукурузниках» У-2, ставших По-2 после смерти в 1944 году

их конструктора Н.Н. Поликарпова. Трудно представить, как мог «кукурузник» сбить, допустим, «Мессершмитт-109» или «Юнкерс-88», но вот же человек, кажется, ухитрялся. И тогда непонятно, почему он получил при этом лишь орден Красной Звезды, самый скромный из орденов. Неужели по причине яркости и самобытности характера, о чем сам он писал относительно П.С.Кутахова, как упоминалось в начале статьи?

Андрей Турков сетует: «Для немалой части «племени младого» что Великая Отечественная, что Вторая Пуническая из школьного учебника война». Что ж, Андрей, в известной степени это закономерно, никуда не деться: всеокрушающее время делает свое дело... Думаю, для гимназистов конца 1870-х годов Отечественная война 1812 года тоже рисовалась в дымке. Хотя незадолго до этого появилась толстовская эпопея «Война и мир», ставшая событием в духовной жизни народа.

А что теперь? Обожая безымянный жанр, ты киваешь на какие-то таинственные «верха», на неизвестные труды неизвестных историков, на неведомые художественные произведения неведомых авторов, которые-де дружно «микшируют память о трагедии». И это в то время, когда на твоих глазах вот уже лет двадцать всем известные брехуны, некоторые из которых названы по именам в начале статьи, с помощью мощнейших современных средств оплевывают нашу Победу. Ты, фронтовик, хоть одному из них дал отпор? Мало того, такие статьи, как эта твоя статья, написанная для «Литературки», играют не последнюю роль в пропаганде Второй Пунической за счет Великой Отечественной.

КЛЕВЕТНИК ВО ДВОРЯНСТВЕ

ИЗ ЖИЗНИ ДВОРЯНИНА ТОЛСТУШКИНА

Писателю Борису Львовичу Васильеву, ветерану КПСС, лауреату премии Ленинского комсомола, исполнилось 85 лет. Радость-то какая! Да как же! Вот ведь что в эти лучезарные юбилейные дни мы услышали о нем с телеэкрана, прочитали в газетах и в интернете: «Чистый и добрый человек, русский потомственный интеллигент»... «русский классик, потомственный дворянин...» Чуете? Классик!.. Потомственный!.. Или: «То, что такой удивительный человек встретился мне на жизненном пути — это счастье. Человек с большой буквы». Слышите? Счастье! С большой!.. Это Василий Лановой. И дальше он же: «В наши меркантильно-продажные времена он сумел сохранить и честь и достоинство»... Сумел!.. А тут еще его прекрасное интервью американской газете The New Times. Как же! Цивилизованное сообщество должно знать.

Но вот что любопытно. Допустим, Маяковский — и это в годы-то разгула диктатуры пролетариата, когда, как рассказывают Радзинский и Млечин, расстреливали только за то, что на руках не было мозолей! — в ту ужасную пору поэт не скрывал своего дворянского происхождения и не то что в анкетах писал, а даже в стихах орал на всю страну:

Столбовой
отец мой
дворянин.
Кожа на руках моих
тонка...

Представляете, никаких мозолей, и он этим вроде бы даже хвастается. А вот от Михалковых, Юровских, Якубовских и множества других таковских, которые раньше совали нам в

нос свои мозолистые руки, теперь, когда им лет шестьдесят-семьдесят, мы вдруг услышали, что они дворяне из дворян. Проснулись! Будто новорожденные. А на днях мой читатель тов. Талберг сообщил мне, что и Эдвард Радзинский «чуть ли не из Рюриковичей». Вот с ними и Борис Львович. Странно.

А как о его родителях ныне пропели! «Мать Елена (Эли) — утонченная красавица с грустной улыбкой», видимо, никогда не сходившей с ее утонченного лица. Конечно, при такой увесистой утонченности Эли не могла не быть дворянкой. Мало того, как можно узнать из Интернета, она «происходила из старинного дворянского рода, в ветвях генеалогического древа которого сплетались родственные ветви Пушкиных и Толстых». Сказано как-то не очень внятно, но суть ясна: Борис Львович — в родстве и с Пушкиным, и с Толстым. Раньше подобную новость мы слышали из современных титанов только о Егоре Гайдаре: он-де потомок Лермонтова, хотя поэт, как известно, жениться не успел и потомства не оставил. А у Пушкина и Толстого были кучи детей. Какие тут могут быть сомнения! На месте Васильева я бы вместо такой заурядной фамилии взял бы псевдоним Толстушкин.

Да, трогательно пишут о матери, а вот об отце: «Лев Васильев — кадровый офицер, дворянин. Закончил юнкерское училище». Интересно какое? Их было тогда всего семь. Мой отец в 1916 году закончил Алексеевское, что было в Лефортове. А Лев Александрович? Если все выпускники юнкерских училищ становились потомственными дворянами, то, черт возьми, я тоже дворянин! Надо герб заказать Илье Глазунову, тоже вроде дворянину.

Но тут нельзя не вспомнить, что не так давно и сам Васильев и его биографы говорили о его дворянстве только со стороны матушки Эли, а у отца кратко указывали только профессию: военный. Как Жириновский: «Отец? Юрист». Например, в биографическом словаре С. Чупринина сказано о Борисе Львовиче: «Родился в семье офицера». И все. А вот теперь и батюшку пожаловали дворянством. Что ж, в демократической России жизнь не стоит на месте. Мне кто-то рассказывал, что поэтесса Людмила Щипахина, известная совет-

ская патриотка, член КПСС с 1972 года, по милости Божьей стала графией. Можно поверить. Ведь с каким умилением она рассказала в автобиографии о том, как где-то когда-то по какому-то случаю ее бабушке пожал руку или даже поцеловал сам Государь Император, помазанник Божий. До самой смерти она эту руку не мыла, так и в гроб положили.

Но читаем об отце дальше: «В Первую мировую дослужился до чина поручика». Ну, тут хвастаться нечем, ибо из училища он наверняка, как мой отец, вышел подпоручиком или даже прапорщиком. То есть по табели о рангах 1896 года за войну папа Васильев поднялся лишь на одну ступеньку: из 12-го класса перешел в 11-й.

Нельзя не обратить внимание читателя и на то, сколь драматична была судьба родителей! «Эли мечтала о сыне». Видимо, в надежде, что он станет классиком русской литературы? Но «у Эли была открытая форма туберкулеза, дни ее были сочтены». Какой ужас! Однако кто-то ей дал совет: роди, матушка! И туберкулезная дворянка Эли родила. И что же? Мечта сбылась: младенец стал классиком Толстускиным! А сама Эли дожила до 86 лет. И сынок дожил уже до 85 безо всякого туберкулеза. Дворянство унаследовал, а от туберкулеза отказался. Вот какие дивные истории бывают среди утонченных дворян.

Но не будем придираться. В общем и целом с родителями классика все прекрасно и даже трогательно, кроме отмеченных мелочей. А вот в облике самого Бориса Львовича меня кое-что несколько смущает. Например, объявив себя вроде бы олицетворением чести и достоинства, что подтверждают газеты, как, однако, их благородие изволят выражаться по адресу своих старших коллег — полководцев Гражданской и Великой Отечественной: «Шаркуны, а не вояки!.. Тупицы!.. Дураки!..» Вот так добрый человек, вот так потомственный. Можно подумать, это он разбил Колчака и Деникина, защитил Москву и взял Берлин, что и позволяет ему с этакой высоты вот так выражаться. Да еще — о своих соотечественниках в беседе с иностранцем для иностранной газеты... Тут я впервые несколько усомнился в его происхождении. В самом деле, не дворянское же это дело так буйно вопить. И о ком!

Презрительно и высокомерно вlepил «шаркуна» Семену Михайловичу Буденному, прошедшему в русской армии путь от рядового солдата до Маршала Советского Союза, восьмикратному Георгиевскому кавалеру (пять крестов и три медали), трижды Герою Советского Союза. Да перед ним мелкой дрожью дрожали все эти Деникины, Мамонтовы и Шкуро, которых они с Ворошиловым во главе легендарной Первой конной гоняли по российским просторам до полного их издыхания или бегства за море. Да ведь если по совести, вы, Борис Львович, со всеми вашими двадцатью томами не стоите хвоста кобылы Буденного, на которой он принимал парад на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Только послушайте, что он заявил американцу: «В первый же день войны Сталин назначил командующих фронтами: Южным — Буденного, Центральным — Тимошенко, Северным — Ворошилова». Помните, пять лет тому назад он твердил то же самое и за такой срок не осознал, что это малограмотная дворянская чушь.

И опять презрительность, высокомерие и невежество раздражают его: «Три маршала — рубаки времен Гражданской войны!» Ну и что тут достойно возмущения? Самые знаменитые полководцы Великой Отечественной — маршалы Жуков и Рокоссовский — были в Гражданскую кавалеристами, т.е. именно рубаками. В воспоминаниях Рокоссовского даже есть рассказ о том, как он однажды в бою рубанул белого есаула. Да и после Гражданской командовал кавалерией. И вообще среди наших военачальников Великой Отечественной было немало и кавалеристов, и участников не только Гражданской, но еще и Первой мировой, Германской. Так, среди 43 командующих фронтами участников первой — 40, а второй — 32 (ВИЖ №5'93. С.22-26). Такая же картина и в немецкой армии в 1941 году: и там было много рубак Первой мировой. Ведь от тех войн прошло-то всего 20-25 лет. И большинство их участников пребывали еще в хорошем строевом возрасте. Неужели это непонятно потомственному? Да ведь и сам он, по данным интернета, когда-то просился в кавалерийскую школу. И вдруг такое презрение к «рубакам»...

А он дальше с ухмылкой: «А почему мы меняли командующих фронтами в начале войны?» Какая, мол, кроется тут ужасная тайна? Да никакой тайны. Меняли не только в начале, но даже и в самом конце войны. Так, в ноябре 1944 года Рокоссовского на посту командующего 1-м Белорусским фронтом сменил Жуков, а даже 25 апреля 1945-го, за две недели до конца войны, на моем 3-м Белорусском фронте, уже взявшем Кенигсберг, маршала Василевского сменил генерал армии Баграмян. Почему? Ну, это уж Ставке и Верховному Главнокомандующему было виднее.

Тут надо иметь в виду еще и то, что, когда война началась, Буденному было уже без малого шестьдесят, Ворошилову — еще больше, возраст не самый подходящий для любой войны, особенно — той. А события развивались драматически, мы терпели жестокие неудачи, Ставка, естественно, искала среди других решений и кадровое, и вскоре на высшие командные должности вместо этих маршалов были выдвинуты более молодые талантливые военачальники. Обычное разумное дело. Никаких тайн.

Так нередко поступают всюду. Например, в мае 1940 года, когда французы терпели страшное поражение, даже Главнокомандующий генерал Гамелен был заменен генералом Вейганом. И Гитлер после поражения под Москвой отправил 19 декабря 1941 года в отставку фельдмаршала Браухича, ровесника Ворошилова, и вместо него стал сам Главнокомандующим. Одновременно намахал еще десятка три с лишним генералов, в том числе таких высокопоставленных, как фельдмаршалы Бок и Лееб, генерал-полковники Гудериан и Геппнер... Последнего не спасла даже дизентерия, которой внезапно заболел после поражения под Москвой, он был лишен звания и уволен из армии без права носить мундир. Ну, в самом деле, какой еще мундир, если его пронесло при первой же неудаче?

Это только в нынешней России отрицают мудрый сталинский афоризм «Кадры, овладевшие техникой, решают все» и держат в неприкосновенности да еще награждают таких фон Браухичей и фон Боков, как фон Черномырдин и фон Чубайс,

фон Кириенко и фон Лавров, — они же не владеют никакой техникой, кроме, как первые два, техникой грабежа.

Но самое примечательное в вопросе кадровых перемещений и увольнений вот что: французы в 1940 году поменяли Главногокомандующего и других военачальников, но это им, увы, не помогло: немцы пришли в Париж; в 1941-м и позже, всю войну, Гитлер без конца снимал и менял командующих корпусами, армиями, фронтами, но и немцам это ничуть не помогло: Красная Армия пришла в Берлин; а мы тоже кое-что поменяли и, как известно, притопали в Берлин. Помогло! В чем дело, Толстушкин? Да что спрашивать! Он никогда и не интересовался увольнениями во французской армии или в вермахте, он и не знает о них — ему это совершенно неинтересно, для него главное — бросить тень на свою армию.

Но надо добавить, что если престарелые фельдмаршалы Браухич, Бок, Лееб и другие после снятия в 1941 году уже вовсе или почти не играли никакой роли в армии, то их советские ровесники до конца войны оставались достаточно активными фигурами: Буденный был командующим Северо-Кавказским фронтом, командующим кавалерией Красной Армии, оставался заместителем наркома обороны; Ворошилов тоже командовал фронтом, был членом ГКО и Ставки, возглавлял штаб партизанского движения; и Тимошенко до марта 1943 года командовал фронтами, потом был представителем Ставки в войсках, награжден орденом Победа.

Изо всех наших военачальников Васильев сделал одно исключение: «С большим уважением я отношусь к Рокоссовскому, это мой кумир». Прекрасно. Однако ныне кое-кто клянется в любви к Рокоссовскому, чтобы противопоставить его Жукову, чтобы оболгать Жукова. Васильев именно из тех. А за что он так уважает Константина Константиновича? Оказывается, прежде всего за то, что «он единственный в мире дважды маршал»: Маршал Советского Союза и маршал Польши. Инженер человеческих душ считает, что это нечто равноценное, не видит тут разницы. Ну, как же так, добрый человек! Ведь первое звание было присвоено за блестящие победы во время войны, а второе — в мирное время по должности, ко-

гда наш маршал в 1949 году стал министром обороны Польши. Ну вот у вас есть орден Отечественной войны Второй степени. Это же не боевая награда, вы ее получили в 1985 году, как все участники войны, по случаю юбилея Победы, это памятный орден. Вот таким маршалом Польши был и Рокоссовский. А кроме того, мэтр, как военный писатель, историк, вы должны бы знать имя Фердинанда Фоша. Неужели не слышал? Так вот, этот Фош был маршалом Франции (1918), фельдмаршалом Англии (1919) да еще маршалом той же Польши (1923) — трижды маршал! Так что, извините, но вы опять немножко сели в лужу своим дворянским афедроном.

Маршала Жукова наш потомственный и столбовой, разумеется, презирует, ненавидит и клеветает на него: «Больше всего людей погибло у Жукова, который все твердил: «Бабы новых нарожают! Вперед!» Это кому же он твердил — не матушке ли вашей Эле? Очухайтесь, ваше благородие, ничего подобного Жуков не говорил, и говорить не мог, это приписал ему ваш побратим Эдуард Володарский на страницах «МК» в беседе с вашим побратимом Дейчем. При этом он сослался на воспоминания Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу». Я предлагал ему заехать ко мне и найти среди 525 страниц что-нибудь подобное. Не явился, ибо ведь наглецы чаще всего и трусы. Может, вы заедете, Борис Львович?

А вообще-то в воспоминаниях Эйзенхауэра есть о Жукове. Например, упомянув о личной дружбе с русским маршалом, автор отмечал: «Его обычно направляли на тот участок фронта, который в данный момент представлялся решающим. Это опытный солдат... Как ответственный руководитель в крупных сражениях Жуков за несколько лет войны получил больший опыт, чем любой другой военный нашего времени» (с.521). И добавил в другой раз: «Я восхищаюсь личностью и полководческим дарованием Жукова».

Тут, между прочим, Борис Львович, вам дается возможность задуматься над своей эманацией вздора о том, что-де у Жукова гораздо больше боевых потерь, чем у других военачальников. Поскольку, как справедливо писал Эйзенхауэр (это, впрочем, давно и так известно), Жукова посылали на

особенно важные участки фронта, а также, добавим, поручали командовать самыми крупными формированиями, и руководил он операциями больше всех и самыми масштабными, решающими, то, возможно, в итоге, если суммировать, окажется, что за всю войну, допустим, у Конева потери меньше. Взять контрнаступление под Москвой. В абсолютных цифрах потери Западного фронта, которым командовал Жуков, больше, чем Калининского, которым командовал Конев. Но, ваше высоколобое благородие, у Жукова было 700 тысяч войск, и его фронт, находясь в центре всей линии наступления, играл главную роль в операции, а у Конева — 190 тысяч войск и его фронт — это фланг наступления. Понимаете разницу? И тем не менее, относительные потери у первого — 13,5%, а у второго — 14,2%. Хоть теперь-то понял что-нибудь? Эти и многие другие цифры, разоблачающие помянутую эманацию, приводит генерал армии М.А.Гареев на странице 129 своей книги «Полководцы победы» (М., 2005). Может, и эту книжечку прислать или ваша супруга Зоря Альбертовна заедет?

Вообще же говоря, за исключением редких случаев, мне представляется нелепостью — оценивать полководцев «по потерям». Даниил Гранин мечтает всем им такой «рейтинг» вывести. Да как можно сравнивать! Ведь чаще всего под командованием разных военачальников одной армии сражаются силы разные и количественно и качественно, а противостоят им тоже разные силы противника, и театры военных действий, даже погода да и задачи могут сильно различаться. А о них судят, как о спортсменах, состязающихся в совершенно равных условиях, — допустим, по сигналу «Старт!» они одновременно срываются и бегут по гладкой гаревой дорожке одну и ту же дистанцию. Но это — между делом.

А вот что писал о Жукове еще один человек: «Когда история совершит свой мучительный процесс оценки, когда отсеются зерна истинных достижений от плевел известности, тогда над всеми остальными военачальниками засияет имя этого сурового решительного человека, полководца полководцев в ведении войны массовыми армиями». Кто это? Небось, думаете, Зюганов? Но, представьте себе, тоже амери-

канец — историк Гаррисон Солсбери. Так писал он в книге «Великие победы маршала Жукова». Могу прислать вам и эту книжечку. Но — с возвратом, и почтовые расходы за ваш счет. И пожалуйста, не слюните пальцы, когда будете переворачивать страницы. Знаю я вас, мелкопоместных.

А, впрочем, что нам заморские американцы! Своих, что ли, авторитетов нет? Вот хотя бы: «С Г.К.Жуковым мы дружим многие годы. Мы познакомились еще в 1924 году в Высшей кавалерийской школе в Ленинграде...Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — все ползает по карте, разложенной на полу... Он рос быстро. У него всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах». А это кто? Небось, думаете, что Анпилов? Нет, сударь, это Рокоссовский — ваш кумир. Мнение кумира надо уважать, а вы... Как такой же дворянин Веллер. У вас тоже, между прочим, многого через край, но об этом в другой раз.

Особенно свирепо, как все его братья по разуму, Васильев ненавидит, разумеется, Сталина. В один голос с Познером, Сванидзе, Млечиным вопит: «Он не понимал, что такое армия, карту читать не умел, ему Шапошников все объяснял по карте». Это — явная и успешная попытка перещеголять Хрущева, уверявшего, что Сталин «воевал по глобусу». Поди, сейчас кремлевский покойничек ворочается в гробу среди початков кукурузы. Досадно! Но вот вопрос: как же Шапошников мог что-то объяснять Сталину по карте, если тот в картах — ни бельмеса? В самом деле, как, например, вам, ваше благородие, можно объяснить, что такое приличие, порядочность, совесть, если вы в этом, как мне кажется, — ни в зуб ногой?

И смотрите, читатель, до какого исступления походит этот потомственный: «Легендами овевя «великий Сталин», а он был тупица, дурак похлеще Гитлера!» Что ж это вы себе позволяете, сударь, да еще в американской газете. Опровергать это смешно. Но подумайте, читатель: он уверяет, что мы отступали до Москвы не перед кем-нибудь, а перед тупицей, на следующий год до Волги — перед дураком? А потом гнали до Берлина опять же этого дурака-тупицу? Да чего же в таком

случае стоит победа над ним? Это клевета на всю Великую Отечественную войну. Сталин в речи 3 июля назвал Гитлера извергом и людоедом. И был совершенно прав. Но позже сказал: «Гитлер похож на Наполеона, как котенок на льва». Это не совсем так. И можно объяснить только отчаянностью борьбы, накалом ненависти. Лучше бы сказать «как шакал», но и это не точно. Гитлер все-таки «похож» на Бонапартия и тем, что покорил всю Европу, кроме Англии, Испании и России, и тем, что как тот двинул на Россию «дванадесать языков» Европы, так и Гитлер собрал дважды «дванадесать» и тоже бросил на нас почти в тот же самый день лета. И крах оба потерпели на русских полях. Как же не похожи! Другое дело, а Наполеон-то разве не изверг и людоед? И тут я должен во весь голос сказать: руки прочь, потомственный, от людоеда Гитлера!

15 июня известный Кремлевский фольклорист изрек об отпоре, который получил от белорусов его министр Кудрин на хамство по их адресу: «Кто как обзывается, тот так и называется». В универсальном применении это, разумеется, невозможная чушь, но лично к вам, Борис Львович, очень точно подходит. Вы дали характеристику не Сталину и Гитлеру, не Ворошилову и Буденному, а самому себе. Именно так! О Гитлере можно сказать много беспощадных слов — расист, маньяк, авантюрист, демагог... Когда маршал Жуков 30 апреля сообщил по телефону Сталину о самоубийстве Гитлера, тот бросил: «Доигрался, подлец!» Это была последняя и точная сталинская оценка. Да. Гитлер был именно азартный игрок, и играл он миллионами человеческих жизней. Однако не выбросить и того, что за 6-7 лет он без единого выстрела захватил Саарскую область и Клайпеду, Австрию и Чехословакию, поднял страну и армию до такого уровня, что в две недели разнес в пух Польшу, в три-четыре — Францию вместе с англичанами и захватил еще с десятков стран. Это тупица?

Константин Симонов еще в 1939 году на Халхин-Голе писал:

Да, нам далась победа нелегко.

Да, враг был храбр.

Тем больше наша слава!

А уж в Отечественную-то... Если вы еще раз скажете, что Гитлер тупица, я вам голову оторву. Или привлеку к ответственности — обращусь в только что созданную Комиссию при президенте по борьбе с фальсификаторами истории. А там сидит Сванидзе. Он влепит вам пять лет строгого режима с конфискацией имущества. Каково это будет Зоре Альбертовне!

Да, Гитлер преобразил страну за 6—7 лет. А посмотрите, чего добился нынешний режим за двадцать. С Грузией — война, с Чечней — две войны, с Украиной — на ножах, Белоруссию хотят задушить с помощью простокваши, свой народ вымирает, по всей стране пожары, взрывы, катастрофы, болезни, нищета... Вот о чем сейчас должен во весь голос кричать честный писатель, а вы сочиняете романы о князьях Святославе да Ярославе. Ведь за это спросится.

Так вот, говорю, как ярко фронтовик-дворянин Васильев изображает руководителей родной страны и армии в годы Великой Отечественной: шаркуны!..дураки!..тупицы!.. Ну, а как шла война? Как все-таки победили-то? Во-первых, говорит, «накануне войны Сталин расстрелял к чертовой матери всех талантливых людей». Всех! Оставил только Борю да Зорю с матушкой Эли. Им как-то удалось улизнуть от лап тирана. И что же дальше? А то, говорит, что «часто капитаны командовали дивизиями». Если часто, то назови хотя бы две-три таких дивизии. Не может! И ведь вот уже лет тридцать об этом долдонят на всех демократских перекрестках, но до сих пор никто не назвал ни одной дивизии. А я могу кое-что назвать. Например, вот что записал в дневнике начальник штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Ф.Гальдер 28 августа 1941-го: «Части 1-й танковой группы (генерал-полковник Э.Клейст) потеряли в среднем 50% танков, части 2-й танковой группы (генерал-полковник Г.Гудериан) — 55%, части 3-й группы (генерал-полковник Г.Гот) — в среднем 55% первоначального количества танков, а 7-й дивизия этой группы — 76%». Это после двух месяцев боев. А 20 ноября, после пяти месяцев, возможно, как раз о только что упомянутой дивизии записал: «В моей бывшей 7-й пехотной дивизии одним полком командует обер-лейтенант (а должен бы — подполковник или пол-

ковник. — В.Б.), батальонами командуют лейтенанты (а должны бы — капитаны или майоры. — В.Б.)». Запомните эти цифры, Борис Львович. Могут пригодиться.

А поскольку, говорит, капитаны командовали дивизиями, «отсюда и потери. Мы потеряли больше всех в войне». Да, больше всех, сударь, но совсем не потому, что у нас неведомыми дивизиями командовали неведомые поручики Кижж, вида не имеющие. В Польше правительство, бросив народ, бежало в Румынию через две с половиной недели после нападения Германии — вот и вся война. Какие ж тут потери? Правительство Франции сразу же все города с населением более 20 тысяч жителей и саму столицу объявило открытыми, а через месяц после немецкого вторжения подписало капитуляцию, — какая ж это война? А на землю Англии и США не ступала нога вражеского солдата. О чем тут говорить? А на нашей земле война бушевала три с половиной года, прокатилась до Волги и обратно до границы, больше двадцати городов несколько раз переходили из рук в руки — что не было ни в одной из дюжины захваченных немцами стран и в самой Германии. К тому же, как ни в одной стране, у нас фашисты имели специальной целью уничтожение населения.

Их благородие ни о чем этом не слышал своими дворянскими ушами. Он ищет причину наших больших потерь не в характере самой войны, не в немецких зверствах, а в нас самих, и вот нашел еще кое-что. В царское время, говорит, «армия шла в бой трезвая, а Красная Армия пьяной ходила в бой. Но под мухой нельзя воевать. Трезвый глаз нужен». Такое заявление можно объяснить только возрастом или собственным состоянием «под мухой» во время беседы с американцем. Так, мол, в пьяном виде, распевая «Шумел камыш» и до Берлина дошла, и в Берлин ввалилась...

Сводкой дело было по-разному, ее выдавали в разных войсках в разное время, но кто ж тебе поверит, что в пьяном виде летчик садился за штурвал, летел бомбить врага или вступал в бой, танкист бросал машину в сражение, артиллерист наводил орудие и вел огонь, сапер принимался минировать или разминировать дорогу да и автоматчик шел в атаку. Они что,

себе враги? Ведь на войне каждый хотел не только победить, но, между прочим, и выжить. Открыл Америку: «Под мухой воевать нельзя!» В каких войсках вы служили, Васильев?

И при этом юбиляр возмущается людьми, которые «пишут о войне, но не воевали, а если и воевали, то за награды». Да как это можно — идти в бой за награду? Это же вопрос жизни и смерти твоей собственной и твоей родины. Награды лишь прилагались к боевым делам, лишь отмечали их. Им, конечно, радовались, но невозможно представить, чтобы для настоящего фронтовика они были целью.

Нет, говорит, «обилие орденов было у нас совершенно непомерное». И вскрывает зловещую суть этого: «Сталин был щедр на ордена. Он ими прикрывал потери». Но как это возможно? Если один солдат погиб, а другой получил орден, значит, этим скрыта гибель первого? Совсем спятил.

Но вот что интересно. При всем обилии орденов, при всей щедрости награждений у самого Васильева-то после войны не оказалось ни одного не только боевого ордена, но даже и боевой медальки, а одни только памятные, которые давали в массовом порядке: «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др. Не в этом ли причина его негодования на «непомерное обилие орденов» спустя даже 65 лет после войны? Видимо, именно так. Ведь не вызывает же у него раздражение обилие своих собственных орденов и премий чисто литературного происхождения — от премии Ленинского комсомола и ордена Дружбы народов до Госпремии Ельцина и пенсии президента Путина, — всего числом десятка в два.

Много интересного узнали мы в эти дни и о собственном боевом пути юбиляра. Вот как драматически все начиналось: «Уже 12 июля 1941 года его взвод попал в окружение под Смоленском. Борис родился в этом городе, и все окрестности были знакомы с детства. И семнадцатилетний мальчишка вывел из окружения 10 человек. После этого бойцы назначили его командиром». Да уже за одно это он заслуживал если не орден Красной Звезды, то хотя бы медаль «За отвагу». Но — ничего! Тут кое-что и еще непонятно. Например, как это «ок-

ружили взвод»? Чего его окружать-то? Ведь это всего человек 30-40, лишь малая часть батальона, полка. А их не окружили? К тому же в армии командиров назначают не бойцы, как тимуровцы, а вышестоящее командование. И надо бы сказать, командиром чего стал мальчишка — отделения? взвода? А, может, и дивизии как раз той, давно искомой?

Правда, сам товарищ Васильев рассказал американцу об этом несколько иначе: «Я вообще везунчик. Повезло и на войне. Я попал в окружение, когда наш эшелон разбомбили. Нас везли через Смоленск на Западный фронт. Мы долго выходили, голодали. Но сумели пройти в город Слоним. Эти места я очень хорошо знал, потому что жил там у деда, который научил меня в четыре года читать. Я у него вырос». Значит, детство везунчик провел не в Смоленске, а в Слониме. Но как это могло быть? До сентября 1939 года Слоним был польским городом. И Васильев рос в Польше? Черт ногу сломит! Понять невозможно. «Но сумели пройти в Слоним» — значит, это было спасение? Странно. Можно подумать, что в Слониме находился штаб Западного фронта.

Собеседник из «Нью таймс» едва ли знает, что такое этот Слоним и где он. Но нам-то известно! Сейчас это маленький городок в Белоруссии. В конце прошлого века, когда там родился отец Бориса Львовича, он насчитывал 15—16 тысяч жителей, среди которых белорусов и русских было меньше 20%, жили и поляки, а евреи составляли 65%. Соответственно имелось 1 костел, 2 православных церкви и 7 синагог. Из таких белорусских и украинских городков вопреки черте оседлости как-то выпорхнули изрядные стайки: из Могилева — Могилевские, из Шклова — Шкловские, из Смелы — Смелянские, из Сарн — Сарновы... Но, кажется, больше всего оказалось Слонимов и Слонимских из Слонима, причем они попали не куда-нибудь, а в столицу, в Петербург. Дети некоторых из них стали известны: скульптор Илья Львович Слоним, зять наркома иностранных дел М.М.Литвинова; литературовед и публицист Марк Львович Слоним (1894—1964), после революции эмигрировавший на Запад; Слонимский Александр Леонидович (1881—1964), литературовед; Слонимский

Антони (1895 -?), поэт, в 1956—1963 годы возглавлявший Союз писателей Польши; Слонимский Михаил Леонидович (1897—1972), брат Александра Леонидовича; Слонимский Юрий Иосифович (1902-?). драматург, участник Великой Отечественной войны... Вот как много Слонимов и Слонимских обрело из этого маленького городка наше искусство.

Одного из Слонимских я знал: Александр Леонидович читал нам в Литературном институте спецкурс по Гоголю. В памяти осталась не суть лекций, а его увлеченность.

Но главное-то вот в чем. От Смоленска, под которым, как говорит писатель, он попал в окружение, до Слонима даже по прямой на самолете будет километров 500. И не к востоку, не к северу или югу, а почти прямехонько на запад. Что ж получается? Все, попадавшие в окружение, пробирались на восток к своим...

То была печаль большая,
Как брели мы на восток, —

писал Твардовский, и один лишь Васильев пробирался на запад к милому далекому дедушке, научившему его читать. И что там ждало везунчика? Город был захвачен немцами еще 26 июня, на четвертый день войны. Вероятно, там сразу начались расправы над евреями. И вот является туда Боря. Где дедушка? Где бабушка? Что делать?

А пока везунчик, по его словам, долго пробирался к дедушке, немцы 16 июля захватили Смоленск, фронт ушел еще дальше на восток. И вот о том, как он встретился, а потом простился с дедушкой, как из Слонима верст 600-700 потом пробирался все-таки на восток к своим, писатель почему-то американцу не рассказал, а сразу приступил к животрепещущему вопросу о том, что Сталин — тупица.

Просветив на сей счет заморского собеседника, перешел к рассуждениям о войне вообще в таком духе: «Война пахнет трупами, и больше ничем. Ни-чем!» Но так ли это? Нет, совершенно не так. Все войны имеют запах, но — разный. Конечно, без жертв не обходится ни одна война, но у каждой

есть основной, все перебивающий запах или даже два, а то и несколько. Когда, например, две, а то и десяток стран схватываются в жажде сцапать новые территории или богатства, то эти войны не пахнут ничем, кроме трупов и мерзости. Так пахли хотя бы войны за испанское наследство (1701—1714), за польское наследство (1733—1735), за австрийское наследство (1740—1748), за баварское наследство (1778—1779). Так же отвратительно пахли 9 (девять!) англо-испанских войн XVI—XVIII веков за морское владычество. Из позднейшего времени, разумеется, так пахла и англо-французская и американо-японская интервенция в Россию в 1918—1922 годы.

Но бывали войны, которые с разных воюющих сторон пахли по-разному. Например, три англо-афганские войны: в 1838—1842, в 1878—1880 и в 1919 годах. Во всех этих войнах над английскими войсками стоял душный запах жадности, высокомерия и злобы, а над афганцами — дух патриотизма, мужества и свободы. Потеряв сотни тысяч своих солдат, англичане три раза вынуждены были сматывать удочки. Такие же столь различные запахи витали над Мексикой во время американо-мексиканской войны 1846—1848 годов, в результате которой США оттяпали почти половину территории своего соседа. Подобных примеров можно привести множество. Совсем недавние — у всех в памяти: нападение НАТО во главе с США на Югославию, Афганистан, Ирак...

И Великая Отечественная война со стороны немцев пахла расизмом и высокомерием, разбоем и душегубками, грабежом и злобой, жадностью и человеконенавистничеством. А над Красной Армией, над всем Советским народом витал дух любви к родине и мужества, самоотверженности и свободы. Васильев, к сожалению, ничего этого не учуял, и дедушка ему не подсказал. Да, да, говорит, только запах трупов. Ведь и «остановили немцев только телами убитых, просто телами».

Возможно, американец и хотел тут спросить: «А что же делали танковые войска, авиация, артиллерия, «катюши»? Или их не было и это лишь сталинская пропаганда?» — но не решился: ведь перед ним сидел живой классик! А если бы спросил, то, вероятно, услышал бы: «Танковые войска? Они

как раз и подвозили трупы. И самолеты тоже загружались трупами и сбрасывали их на немецкие позиции, буквально заваливали, и немцы в страхе бежали от трупного запаха в свой фатерланд».

Но услышал американец вот что: «Мужчины рождены, чтобы умереть в бою». В устах 85-летнего везунчика эти мужественные слова прозвучали особенно выразительно. Тем более, если принять во внимание, что война оказалась для него в два с лишним раза короче, чем для всего народа. По данным интернета, из окружения Васильев выбрался каким-то образом в октябре 1941 года, т.е. месяца через три. Потом — «лагерь для перемещенных лиц», как сказано не совсем точно. Потом — сперва кавалерийская школа, а из нее — в пулеметную школу. На все это ушло, надо думать, немалое время, и зачислить его во «фронтовой стаж» едва ли представляется возможным. После окончания пулеметной школы Васильев направлен в некий «комсомольский истребительный батальон» (Отчизны верные сыны. М., 2000). А в марте 1943-го, по одним данным, «Васильев получает тяжелое ранение» (интернет), по другим — контужен (тоже интернет). И на этом война для него кончилась. Осенью этого года он уже курсант Бронетанковой академии. А война продолжалась еще почти два года.

Но — ранен или контужен? Все, кто имел ранения, в 1985 году получили орден Отечественной войны 1-й степени. А у Васильева — 2-й. Приходится сделать вывод, что была контузия и, судя по приему в академию, по долголетию и редкой активности всей жизни, серьезных последствий она не имела.

На героическом афоризме о смерти мужчины в бою беседа с американцем и закончилась, но из юбилейного фильма по телевидению мы узнали еще много интересного и драматического в жизни юбиляра. В частности, о том, что в жизни и в творчестве Васильева достойное место, естественно, заняла еврейская тема. Ну, прежде всего, жена писателя — еврейка. Я не стал бы этого касаться, если бы в этом телефильме он не был поднят и заострен самой Зорей Альбертовной, а продолжен и развит в интернете: «1953 год стал серьезным испытанием на прочность семьи Васильевых. После раздутого

Сталиным дела врачей в стране началась мощная антисемитская кампания. От Бориса требовали либо развестись с женой, либо сделать доклад о борьбе с космополитизмом. Он отказался. Его исключили из партии».

Странно... Во-первых, «борьба с космополитизмом» — это 1949 год, а «дело врачей» — 1953-й. Во-вторых, жена работала вместе с мужем — на испытательном танковом полигоне, и в первую очередь проклятые антисемиты должны бы уволить ее, но почему-то не уволили. Тем более странно, что ведь жена, как и муж, владела всеми «военными секретами»: она сама, как пишут, была испытателем танков. В-третьих, какой же смысл требовать развода с женой, считая ее потенциальной шпионкой, если она сама оставалась работать на полигоне, никто ее не гнал? В-четвертых, разве доклад о космополитизме мог помешать шпионажу, о возможности коего со стороны Васильева, как видно, подозревали проклятые антисемиты в отличие от тех антисемитов, которые приняли его и жену-еврейку в Бронетанковую академию, где они и познакомились? Наконец, если бы даже ее уволили, а он развелся с ней, то разве не мог он передавать ей шпионские сведения и при штампе в паспорте о разводе?

И вот за отказ развестись или сделать доклад героя-фронтовика исключили из партии? Извините, Зоря Альбертовна, может быть, Бориса Львовича когда-то за что-то действительно исключали из партии, членом которой он был с 1952 года, но — за развод? за недоклад? Тем более что ведь у вас, как ныне говорят, нет никаких реалий — ни одного имени проклятого антисемита, ни других конкретных данных. А чего мерзавцев жалеть? Да ведь, поди, уже и перемерли, у антисемитов ведь, согласно исследованиям критика Бенедикта Сарнова, средняя продолжительность жизни, как у кроликов.

Между прочим, тут есть одна аналогия. Женой В.М.Молотова была Полина Семеновна Жемчужина (Карповская), еврейка. У Вячеслава Михайловича с годами появилась странная для столь высокого государственного мужа слабость: все, что происходило на заседаниях Политбюро, он рассказывал

любимой супруге. А та — подружкам, в частности, киевлянке Голде Меир, послу Израиля в СССР (1948—1949). Несмотря на всю тяжесть антигосударственного деяния, никто не потребовал от Молотова развестись с избыточно коммуникабельной супругой или сделать в Верховном Совете доклад о борьбе с космополитизмом. Нет, вопрос был решен гораздо проще: Полине Семеновне дали возможность в Кустанайской области наедине спокойно обдумать особенность своей коммуникабельности. И никаких разводов. Вернувшись из уединения, Полина Семеновна, оставаясь сторонницей Сталина, прожила в любви и согласии с Вячеславом Михайловичем до самой своей смерти в 1960 году. Подружка Голда, которую в 1949 году тоже отправили домой, пережила ее почти двадцать лет.

Так вот, мне кажется, что Бориса Львовича не исключали из партии, а вот то, что он одним из первых вместе с Марком Захаровым и другими архаровцами демократии сбежал из партии при первом же шорохе прогресса еще в 1989 году, это известно достоверно.

Вот, пожалуй, и все, что хотелось сказать по поводу юбилея Б.Л.Васильева и его интервью американской газете. Чем же нам, читатель, закончить? Вы не против, если я просто еще раз повторю то, что было в начале? Ну, вот: «Дворянин, интеллигент, потомственный русский офицер, литературный классик, родственник Пушкина и Толстого, чистый и добрый человек, он сумел сохранить честь и достоинство, удивительный человек, Человек с большой буквы, встретиться с которым — счастье...» Что ж, никому не возбраняется думать именно так.

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ПУК

В дни празднования нашей великой Победы над фашистской Германией было много разного, всего и не охватишь, и не припомнишь. Поэтому мы хотим привлечь внимание читателей ко вкладу во всенародное торжество лишь одной небольшой, но мощной группы московских интеллектуалов. Вы их знаете: писатель Васильев, который Борис Львович, — член КПСС с 1952 года, лауреат-разлауреат, президентский пенсионер; его коллега Даниил Гранин — Герой, лауреат, помимо советских еще и немецких премий, президент Фонда какого-то Меншикова; Александр Яковлев, академик в особо крупных размерах, и, конечно же, бессмертный сибиряк-оклахомец Евгений Евтушенко, которому в Израиле уже стоит памятник. Кому-то из них, увы, перевалило за восемьдесят, одному под девяносто, и даже юному тираноборцу Евтушенко уже за семьдесят.

Вот собрались они накануне юбилея на страницах «Новой газеты» и дали дружный праздничный залп: пук!.. пук!.. пук!.. пук!

Перед началом пальбы и фейерверка Б.Васильев уверенно заявил: «Это последняя круглая дата». Как? Почему? Время исчезнет, что ли? Отмечали же мы даже тысячелетие христианства на Руси. Борис Львович уточняет: «До следующей круглой даты вряд ли доживут те, кто жертвовал собой в боях...» Ну, кто пожертвовал, тот и до первого Дня Победы не дожил. Писатель, к сожалению, не всегда умеет точно выразить свою мысль, но не будем придираться: годы! Смысл-то понятен: он нас, фронтовиков, заранее хоронит. И это некрасиво. Конечно, если принять во внимание, что ныне в результате ельцинско-путинских реформ средняя продолжительность жизни мужчин упала на 15 лет до уровня 58-ми, то писатель прав.

Однако же, с другой стороны, писателям-фронтовикам Анатолию Калинину и Михаилу Алексею под 90, Сергею Михалкову за 90, Игорю Моисееву под 100, Борису Ефимову за 100... Да продлят небеса их годы! И вот вместо того, чтобы пожелать фронтовикам ефимовского долголетия, тов. Васильев суетится насчет могилки для нас. Ах, как некрасиво... Впрочем, только ли этот «пассаж» удивляет и поражает? Прислушаемся и к другим изречениям Б. Васильева...

К теме Великой Отечественной, к юбилею Васильев подбегает издали — от Октябрьской революции, от Ленина, от Брестского мира. Один из его заходов выглядит так: «В конце прошлого века вышли воспоминания бывшего адъютанта генерала Людендорфа». Сразу ворох вопросов: когда именно вышли? Где? На каком языке? Как имя адъютанта? Как его воспоминания озаглавлены? Почему этот безымянный адъютант проснулся только недавно? Где он был со своими увлекательными, но безымянными воспоминаниями раньше? Неужели не понимаете, тов. Васильев, что в дни, когда кругом столько вранья и спекуляций, читатель, не получив ответа ни на один из поставленных вопросов, деликатно скажет вам: «Борис Львович, поищите дураков в другой деревне».

Но писатель трусит дальше: «Адъютант сообщает, что Ленин после отречения царя Николая обратился к германским властям с просьбой переправить его в Россию». К каким властям — к самому кайзеру, что ли? А если и так, что в этом плохого? Не просил же Ленин войск для захвата Петрограда или Москвы, а хотел использовать немцев всего лишь как средство своей репатриации. Право, застань меня в 41-м году война в Швейцарии, как Ленина в 14-м, я тоже мог бы обратиться с такой просьбой даже к Гитлеру.

Дальше: «Ленину был предоставлен поезд из четырех вагонов (спальный, ресторан, охрана и багажный)...» Как роскошно! Видно, уже известно было, что едет будущий глава правительства России. «В Берлине адъютант (тот самый, поручик Кижэ, вида не имеющий) на машине отвез Ленина к Людендорфу». О, это уже интересно, но как этот Кижэ узнал Ленина — по портретам в букваре?

«Свидание с Людендорфом происходило тет-а-тет. Адъютант не знает, о чем шла речь, зато знаем мы». Скажите, пожалуйста, какой провидец! Таинственный адъютант мог заглянуть в замочную скважину, мог подслушать — и ничего не знает. А Васильев, президентский пенсионер, спустя сто лет все разглядел и все разузнал. Что же именно? «Речь шла о плате за доставку в Россию». Да неужто нельзя было об этом договориться через того же поручика? И потом, о какой плате речь? Прозорливец уверяет: Ленин пообещал подписать кабальный Брестский мир.

Ну, хорошо, Ленин-то в его ни к чему не обязывающем положении политэмигранта мог еще и не то наобещать, в том числе, вот, мол, приеду в Петроград, сочиню «Апрельские тезисы», большевики возьмут власть, я стану главой правительства и заключу с Германией похабный мир, по которому отдам немцам всю Сибирь. Прекрасно! Но тут новый ворох вопросов: как всему этому мог поверить прожженный Людендорф, сын торговца? Или он был такой же ясновидец, как член ПЕН-центра Васильев, и знал, что в бушующем океане России после Февральской произойдет Октябрьская революция, и именно этот сидящий перед ним эмигрант Ульянов, а ни кто другой, возглавит русское правительство?

И наконец, что вы нам морочите голову загадочными воспоминаниями загадочного денщика, когда есть воспоминания самого Людендорфа. В отличие от вас указываем первое издание: General Ludendorf. My War Memories 1914—1918. London, 1919.

Члену Комитета «Милосердие» мало уже содеянного, он продолжает и дальше изыскивать и гвоздить пороки Ильича: «Ленин любил германский порядок, германские чистоту, аккуратность, старательность, честность в большей мере, нежели русский народ...» Оставим пока любовь Ленина к русскому народу, ибо никаких доказательств на сей счет у вас, как всегда, нет. Но все остальное, Борис Львович, представьте себе, я тоже люблю в большей мере, чем, допустим, русского писателя Васильева, члена редколлегии журнала «Литературные листки», я даже чищу зубы кажинный день, как делают это немцы.

У вас о Ленине еще и такая новость: «Едва дорвавшись до власти, он выслал из России цвет и основу русской интеллигенции». Да, да, мы читали об этом много раз, например, у Радзинского: «Знаменитые профессора, философы, поэты и писатели, весь духовный потенциал России — одним махом были выкинуты из России» (Сталин. М., 1997.С.194). Увы, было такое дело. Можно об этом сожалеть. Но, во-первых, тут не было ничего нового, специфически большевистского — власть всегда поступает подобным образом со своими противниками, а высланные были именно таковы. Во-вторых, согласитесь, батюшка Борис Львович, что среди высланных не оказалось ни одного Овидия, Вольтера или Гюго, ни одного Галилея, Джордано Бруно или Паганини, ни одного Пушкина, Достоевского или Горького, ни одного Гарсии Лорки, Пабло Неруды или Рафаэля Альберти... А ведь этих, как и многих других, составляющих цвет нации, власти преследовали, высылали, ссылали, сдавали в солдаты, бросали в тюрьмы, а то и убивали.

Во-вторых, Радзинский уверяет, что было выслано 160 человек. Допустим. А вот сейчас при власти, которая утвердилась при вашем, сударь, моральном содействии, не высланы принудительно, а добровольно укатили из страны около 100 тысяч одних только ученых. Сопоставьте эти факты и обмозгуйте, если можете.

В-третьих, любезный, Советская власть немало сделала, чтобы вернуть на родину тех, кто уехал, и многие вернулись: Горький, Куприн, Цветаева, Прокофьев, Коненков, Эрьзя, Вертинский... Какие имена! А ныне власть не только ничего не делает, чтобы возвратить уехавших, но президент Путин еще и ликует по поводу бегства ученых: «Значит, наша наука высоко ценится за границей. Ура!» Это же полоумие на троне.

Заклеймив вечным позором Ленина, кавалер серебряной медали им. А.Фадеева принимается, как у них принято, оплевывать тень Сталина. Как? Очень разнообразно! Например, заявляет, что Сталин унаследовал от Ленина любовь к Германии. Странно, что при этом не осудил его известные слова, сказанные в трудную пору войны, когда немецкая армия стояла со-

всем недалеко от Москвы: «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское остаются».

И вот, неутешно сокрушается Борис Львович, из-за этой порочной любви «хлынули к нам немецкие специалисты разного профиля. Гудериан учился в Казанском танковом училище». Да, хлынули. Но ведь и наши ребятки в ту пору кое-куда хлынули. П.Л.Капица — в Англию, Л.Д.Ландау — в Данию, Н.Н.Семенов — в Германию, Н.В. Тимофеев-Ресовский — туда же... Могу к этому списку добавить мужа моей сестры В.А.Иванова, впоследствии директора Ростсельмаша. Он с сослуживцами хлынул в США. И если твой Гудериан побывал всего лишь на краткосрочных курсах «Кама», то мой зять набирался ума в США года три, Капица работал в Англии тринадцать лет, Тимофеев — все двадцать... Нормальное дело для мирного времени. И только держимордам это не нравится.

Но все держиморды отличаются большим упрямством: «Если добавить, что Тухачевский и Гудериан на полигоне отработывали тактику и стратегию танковых корпусов для окружения противника, то станет ясным, что мы сами отковали то оружие, которое чудом не сокрушило Советскую империю». Ну, о чудесах потом, но интересно! Однако ж ведь при этом не только немец мог учиться у наших танкистов, но и наши могли что-то перенять у немца. Так что еще неизвестно, кто кому ковал оружие. Не хватает соображения понять это? С другой стороны, а почему вы, Борис Львович, сейчас не протестуете, когда наши военные отработывают тактику борьбы с террористами то в компании с американцами, то с японцами, а то и с теми же немцами? И это притом, что НАТО можете уже из окна видеть.

И опять — пук! «Недоверие Сталина к армии доходило до анекдота. В 1939 году Дегтярев показал военным свой автомат. Он понравился. Но когда вождь узнал, что автомат стреляет очередями (а раньше не ведал?!), он запретил его производство, сказав, что надо прежде всего беречь патроны».

Борис Львович, признайтесь честно, у кого вы слямзили эту жемчужину тупоумия — у Э. Радзинского? Л. Млечина? Б. Соколова? Вы же все перманентно друг у друга воруете ма-

лограмотный вздор и потом принародно голосите: «Удалось стереть еще одно белое пятно истории!». И за кого вы держите читателя — за полного идиота?

Вот же первоисточник вашего вранья: «В конце 30-х годов Наркомат вооружения предложил оснастить армию автоматической винтовкой. Но Сталин выбрал самозарядную. Дескать, в бою солдат будет вести непрерывную стрельбу, расходуя слишком много патронов». Ну а патроны надо беречь. Это Млечин. Точно, как у вас! Значит, Сталин не только анекдотически не доверял военным и конструкторам оружия, но был еще и анекдотическим тупицей. Но очухайтесь хоть на минутку, Борис Львович! Вы же были на фронте, потом окончили военное училище, носили офицерские погоны, т.е. считались профессионалом. И потому обязаны знать, что В.А.Дегтярев еще в 1929 году создал автомат с диском на 40 патронов. А в 1935 году улучшенный вариант этого автомата был принят на вооружение. Позднее диск стал вмещать уже 71 патрон. И модернизированный автомат Дегтярева образца 1940 года (ППД-40) был принят на вооружение. И ведь все это, как и ППШ, знаменитый автомат Г.С.Шпагина, не могло пройти мимо Сталина. Другое дело, что автоматов в начале войны было еще мало.

Как бы еще уколупнуть Сталина, думает лауреат премии им. К. Симонова? И нашел: Финская война! «Это малопочтенная война...» Оказывается, есть войны почтенные, малопочтенные, видимо, полупочтенные и совсем непочтенные. Запомним. Но чем же, однако, Финская война малопочтенна? Разве в обстановке уже бушевавшей в Европе войны отодвинуть очень близкую границу враждебного государства от второго стольного города страны, т.е. принять меры для его безопасности — это малопочтенное дело, а не святой долг? Или план провалился и нам не удалось задуманное? Еще как все удалось! Через три месяца финны запросили мира, прислали в Москву делегацию и удовлетворили все наши требования, включая создание военной базы на полуострове Ханко...

Еще со скрежетом зубным о Сталине: «Его роль во время гражданской войны была ничтожна по сравнению с истин-

ными героями...» Конечно, Борис Львович, все относительно, ведь можно сказать и так: «Роль Васильева в русской литературе была и есть ничтожна по сравнению с истинными писателями: Горьким, Шолоховым, Леоновым, Булгаковым...» А? Но все же в годы Гражданской войны Сталин был членом Реввоенсовета Республики и Совета обороны страны и его почему-то постоянно бросали с одного фронта на другой: Царицын, Пермь (Восточный фронт), Петроград (против угрозы Юденича), Западный фронт, Южный, Юго-Западный... А ведь это совсем не то, что быть, как вы, членом Союза писателей, Союза кинематографистов, членом редсовета журнала «Читающая Россия». И на военных должностях Сталину удавалось немало сделать. Чего стоят хотя бы организованные им оборона Царицына или взятие фортов Красная Горка и Серая Лошадь на подступах к Петрограду. Мне кажется, что в 1919 году Иосиф Виссарионович с гораздо большим основанием получил орден Красного Знамени, чем, скажем, вы, Борис Львович, в 1984 году по случаю шестидесятилетия — орден Трудового Красного Знамени. По юбилеям-то у нас всем давали и дают.

Но вот вы уже вплотную приступаете к теме Великой Отечественной, ее важнейших причин. Одну из них вы усматриваете в договоре 1939 года. Немцы, мол, «правильно взвесили азиатскую страсть Сталина к приобретению территорий» и умело использовали ее: «выманили нас на предполье обороны... Сталин выдвинул на это предполье более чем двухмиллионную армию и ждал дальнейших указаний германского командования».

Борис Львович, голубчик, что же с вами делать-то? По чьему указанию страсть приобретения чужих земель вы называете азиатской? Вон же хотя бы милейшие англичане когда-то во всех концах мира наприобретали земель раз в пятьдесят больше, чем сама Англия. А прекрасная Франция, а Испания и Португалия, Голландия и Бельгия, а США? Сколько они всюду нахватали, а ведь вовсе не азиаты. Не слышали? Нет, вам только бы колупнуть родную страну, до остального дела нет.

Что же до Сталина, то он, в отличие от вышеназванных, не хапал чужое, у него была другая и притом благородная

страсть — он лишь возвращал то, что спокон веку принадлежало России. Соображаете, какая разница? Да еще и не все вернул: получили независимость и Польша и Финляндия.

Позорной страсти приобретательства. Сталин поддался позже, а перед войной, говорите, сидел он на пеньке, курил свою трубку и ждал дальнейших указаний Гитлера. При этом время от времени его охватывали «судороги собственного разоружения». Этого я даже у Резуна не читал и от Новодворской не слышал. Вы их превзошли, вам — пальму первенства!

Эти судороги вы, маэстро, изображаете, в частности, так: «танковые корпуса разогнали». Что ж, так и вступили в войну без танковых частей и соединений? Но вот что, представьте, писал об этом один человек, знавший и Сталина, и всю предвоенную обстановку несколько лучше, чем вы с милашкой Новодворской: «В 1940 году начинается формирование новых мехкорпусов, танковых и моторизованных дивизий. Было создано 9 мехкорпусов. В феврале 1941 года Генштаб разработал еще более широкий план создания бронетанковых и моторизованных войск».

Но вы все свое: «Десантные войска, которые начал любовно формировать Тухачевский, были ликвидированы». Значит, и без них мы воевали? Такое впечатление, право, что это вас любовно сформировал Тухачевский, ставленник Троцкого. Так вот, запишите. За время войны было высажено более 100 морских десантов. Наиболее крупные — Керченско-Феодосийская десантная операция 1941-42 года, Керченско-Эльтигенская 1943 года, моряки-десантники участвовали в освобождении Новороссийска в 1943 году, Моонзундских островов в 1944-м, Южного Сахалина и Курильских островов в 1945-м. А воздушных десантов было выброшено в тыл врага свыше 50. Наиболее крупные — Вяземская воздушно-десантная операция 1942 года, Днепровская 1943-го... Существовало централизованное командование ВДВ. Его возглавил генерал-майор Глазунов В.А., впоследствии генерал-лейтенант и дважды Герой Советского Союза. И еще запишите, маэстро: все воздушно-десантные войска были гвардейскими. Все!

А 196 десантников стали Героями Советского Союза. Ей-ей, даже загадочно, почему вы так много пишете о войне, но ничего этого не знаете. Вы чем на войне-то занимались? В какую сторону стреляли? Не носили ли на груди портрет Тухачевского, как Солженицын — Троицкого?

Читаем дальше о «судорогах разоружения». Не дождавись указаний Гитлера, «И.В.Сталин сам вел большую работу с оборонными предприятиями, хорошо знал десятки директоров заводов, парторгов, главных инженеров, часто встречался с ними, добивался с присущей ему настойчивостью выполнения намеченных планов». Встречался, как надо теперь понимать, у пенька, на опушке леса.

И вот очередной приступ «судороги»: «В 1939-41 годах было сформировано 125 новых дивизий... Накануне войны Красная Армия получила дополнительно около 800 тысяч человек... 13 мая Генеральный штаб дал директиву выдвигать войска на запад из внутренних округов... Всего в мае перебрасывалось ближе к западной границе 28 стрелковых дивизий и 4 армейских управления».

Этот же человек приводит еще и внушительные данные по вооружению, военной технике, но все, кто интересуется, знают эти данные, повторять их утомительно. А итог таков: «Дело обороны страны в своих основных, главных чертах велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношении делалось все или почти все, что было возможно. Что же касается периода с 1939 до середины 1941 года, то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств». А Сталин все сидел на пеньке и читал книжки Васильева...

Кто же автор приведенных выше цитат? Маршал Жуков Георгий Константинович, во время войны — заместитель Верховного Главнокомандующего. Слышали о нем?

Но вернемся к причинам войны. После шестидесяти лет размышлений, к восьмидесятому году своей жизни вы пришли к выводу, что причин было две: Финская война и договор с Германией 1939 года. Дорогой товарищ Васильев, не-

ужели вам за все эти годы ни разу не попалась вот эта давно замусоленная цитатка: «Когда мы говорим о новых землях в Европе, то мы должны в первую(!) очередь иметь в виду лишь(!) Россию... Сама судьба указывает нам этот путь». Сама судьба! А вы про какие-то локальные войны и договоры. Чьи же это слова? Да ведь опять самого Гитлера, который ровно через десять лет после этого афоризма в своем «Майн кампф» возглавил Германию, а потом стал и Верховным главнокомандующим немецкой армии.

Перед тем, как уж вплотную взяться за тему Великой Отечественной вы вдруг заявляете, что когда ее фронтовики перемрут (голубая мечта писателя-гуманиста!), вот «тогда-то и придет время анализа. Настанет время ПОЧЕМУ». Господь с вами, касатик, те, кому нужно, начали анализ войны сразу после ее окончания, даже раньше. Но вы упрямо твердите, что только тогда будут возможны ответы на многие очень важные вопросы. Вот некоторые из них.

«Почему мы меняли командующих фронтами в начале войны?» И это для вас загадка? И вы не понимаете почему? Дальше сказано: «В первый же день войны Сталин назначил командующих тремя фронтами. Южным командовал Буденный, Центральным — Тимошенко, Северным — Ворошилов».

Во-первых, как офицер, вы должны знать, что в таких случаях перечисление ведут с правого фланга на левый, а у вас — наоборот, это неграмотно. Во-вторых, как военный писатель, вы должны знать, что тогда были созданы не фронты, а «стратегические направления». В-третьих, они назывались совсем не так, как пишете: не Южный фр., а Юго-Западное стратегическое направление, не Центральный фр., а Западное с. н., не Северный фр., а Северо-Западное с.н. В-четвертых, направления были созданы, а командующие их назначены не Сталиным, который тогда еще не был ни наркомом обороны, ни Верховным главнокомандующим, а постановлением Государственного Комитета Обороны. В-пятых, это произошло 10 июля, т.е. не «в первый же день войны», как уверяете, а на 19-й день. Что ж это вы, ваше благородие, — в одной фразе столько опять чепухи!

А уж дальше с презрением даже: «Три маршала — рубаки времен гражданской войны. Воевали, как умели». А как иначе? Все воюют, как умеют, да и все так. Вот и вы пишете, как умеете. Двое из названных вами воевали не только в Гражданскую, но еще и в Германскую. А Буденный к тому же пять Георгиевских крестов там заработал. За что ж вы о них так высокомерно? Тем паче, что сами-то пришли с войны без единой медальки, это уж потом вам надавали к разным юбилеям — Октябрьской революции, Союза писателей, к собственным. К тому же, надо бы вам знать, что Жуков и Рокоссовский тоже были рубаками-кавалеристами времен и Германской и Гражданской. Тоже воевали, как умели.

Война вот-вот начнется, и мы читаем: «У нас было в восемь раз больше танков и самолетов, в десять раз больше артиллерии, мы численно превосходили германскую армию едва ли не в семь раз!» Боже милосердный, да откуда же все это взялось, если, как вы уверяли, страна и ее вождь долгое время корчились в «судорогах собственного разоружения»? Когда же вы ввали — тогда или теперь? Увы, и тогда и теперь. Вот данные из только что вышедшей «Книги памяти», которую дарили фронтовикам в дни юбилея Победы: «Группировка советских войск на Западном театре военных действий с учетом 16 дивизий РККА насчитывала 3 миллиона человек, около 39,4 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков, 9,1 тыс. боевых самолетов. Германия и ее союзники сосредоточили на границе с СССР 4,4 млн. человек, 39 тыс. орудий и минометов, 4 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,4 тыс. самолетов» (с.33). Если тут и не все точно, то уж одно бесспорно: говорить о нашем семи-восьми-десятикратном превосходстве можно только за крупную взятку или по причине полоумия. Наоборот, имея полную возможность выбрать место и направления удара, немцы на этих участках фронта организовывали трех-четырёхкратное превосходство.

И вот началось вторжение. Как это видится фронтовику-патриоту Васильеву? «В первые же дни германские войска окружили и взяли в плен свыше двух миллионов советских бой-

цов и командиров». Помните о «более чем двухмиллионной армии», которую Сталин «выдвинул на предполье»? Ее немцы и взяли в плен в первые же дни. Что дальше? Как что! Дальше, естественно, — «триумфальный марш немцев на Москву».

Да почему же все это? А потому, говорит, что в результате репрессий на места командующих фронтами, армиями, корпусами «были назначены вчерашние командиры полков, батальонов и даже рот», т.е. полковники да подполковники, капитаны да лейтенанты.

И тут, говорит, перетрусивший Сталин «дал указание разыскать недорасстрелянных командиров высшего звена. Всех перечислять не имеет смысла, достаточно одного: Рокоссовский. Тот убедил Сталина (в личной беседе, да?) создать механизированные корпуса».

Все это Васильев опять не сам придумал, а у кого-то сдул. У кого? Да у любого замшелого антисоветчика, писавшего о войне, например, у грамотея Академии наук Яковлева...

Что же касается Рокоссовского, то, во-первых, он вовсе не принадлежал к «высшему звену», а был всего-то комдивом, то бишь генерал-майором, которого Сталин и не знал. К тому же, освободили его не в октябре — ноябре 41-го и сразу — на беседу к Сталину, как уверяет Васильев, а еще в марте 40-го. Вернули награды, он съездил с семьей в Сочи отдохнуть, и вскоре его назначили командовать 9-м механизированным корпусом.

Всю эту невежественную бодягу о знаменитом полководце Васильев почерпнул, скорей всего, из тухло знаменитой «Московской саги» — либо трехтомника В.Аксенова, либо из 22-серийной телемахиды Д.Барщевского с супругой? Там все именно так.

Не перечислить всех «открытий» Васильева... Зато — ни слова о том, чем закончился для немцев в декабре 41-го их полугодовой «триумфальный» трюх-трюх на Москву. Ни словечка! Как и о том, чем кончился Брестский мир. Вот шулерская манера! Прочитает все это молодой читатель и в лучшем случае ничего не поймет.

И если о разгроме немцев под Москвой — ни слова, то о победе в Курской битве — сквозь зубы: «устояли». И только? А что же дальше было? В честь чего 5 августа 1943 года был дан первый салют в Москве, потом еще 353 салюта? Молчание. Победный марш Красной Армии на Берлин ему неинтересен. А ведь статью-то газета заказала к большому юбилею Победы. А он написал лишь о начале войны, да еще и наврал с три короба.

Опять же с чужих слов долдонит: «Мы научились воевать, только поверив в победу под Сталинградом». Во-первых, народ верил в победу даже в те дни, когда немцы стояли в 27 верстах от Москвы, а потом — на Волге. Иначе борьба была бы невозможна. Во-вторых, естественно, что такой мыслитель соглашается признать умение Красной Армии воевать только с той поры, как настало время ее побед. Но понять, что и умелая, храбрая армия может терпеть неудачи, как мы в 1941—1942 годах, он неспособен.

И вот при столь необъятном военно-историческом невежестве и безразличии к победам родной армии, смотрите, как он старается щегольнуть знанием таких, например, подробностей армии врага: «Капитан-лейтенант Плинт потопил лидера английского флота линкор «Ройял-Ок» и первым получил Рыцарский крест». Какое почтение! Упомянуть, кто у нас первым получил, допустим, орден «Победа» или орден Суворова, ему и в голову не приходит, а тут... И ведь не понимает, что это холуйство. Впрочем, тут же обнаруживается, что это и не знание, а его притворство, щегольство без штанов. Какой Плинт? Видно, еще с детства застрял в мозгу одноглазый Флинт из «Острова сокровищ». Никакого Плинта-Флинта с Рыцарским крестом №1 не существовало. А того, о ком он слышал звон, но не знает, кто он, звали Гюнтер Прин (Prien). Да, отменный был вояка. Как не знать!

Скажите, читатель, что делать нам с этим пустозвоном? Я лично предложил бы изгнать его из Союза писателей, но он же в каком-то другом Союзе. Тогда придется мне послать в Кремль такое письмо:

«Президенту и Верховному главнокомандующему В.В.Путину.

Товарищ Путин, вот уже немало лет писатель Васильев Б.Л. получает персональную пенсию из президентского фонда. В дни празднования Шестидесятилетия нашей Победы над фашистской Германией в «Новой газете» за 5 мая с.г. он опубликовал статью «Последний парад». Она невежественна и лжива по отношению к Ленину, Сталину, Ворошилову, Тимошенко, Буденному, ко всей Красной Армии и ее победам. В частности, подпевая известной г. Боннэр, он заявил, что Красная Армия «была освободительницей только в наших газетах да киножурналах», но переступив в ходе войны границы СССР, она оказалась не чем иным, как «армией оккупантов», что, например, «Польша и Прибалтика с полным основанием считали Красную Армию оккупационной». В связи с этим было бы справедливо не только лишить Васильева Б.Л. президентской пенсии, но и взыскать с него сумму за все прошлые годы. Пусть ему платят (если еще не...) поляки и прибалты. А взысканную сумму целесообразно направить на поддержание патриотической прессы.

2005

ДЫРЯВАЯ КОШЕЛКА

Очень давно, когда «Литературная Россия» еще называлась «Литература и жизнь», мне довелось напечатать там статью о языке романа Даниила Гранина «После свадьбы». Я писал, что язык бедноват, порой неточен, неряшлив, избытует однообразными речениями уж очень простецкого пошиба, а иногда автор употребляет просто не те слова, что нужно. Например: «слезы затопили(!) все ее лицо»... жена «потакает каждому слову(!) мужа» (потакают поступкам, желаниям, а слову можно лишь поддакивать) ... «он приехал напрочь(?) в деревню»... «невозможно понять эту женскую аппаратуру(?)» и т.п.

Читая и слушая Гранина в нынешнюю пору, не могу отделаться от мысли, что с возрастом болезнь молодости у него обострилась, и писатель иногда либо говорит не то, что хочет сказать, либо не понимает, что говорит.

Например, в январе прошлого года со страниц «Литгазеты» он заявил: «Советская жизнь исчезает, не оставляя о себе воспоминаний, примет, даже материальных памятников». Крайне странно! Почему — «не оставляя»? Да зашел бы в любой книжный магазин — все полки забиты воспоминаниями. Кто их только не пишет теперь?! Вон даже критик Б.Сарнов, мой однокашник по Литинституту, накопил несколько томов по 600-700 несъедобных страниц. А куда девались хотя бы такие «материальные памятники» советской жизни, как заводы, железные дороги, метро, больницы, театры? Хотя многое сцапали волосатые лапы хищников, но не исчезло же это, и час придет, все вернем.

Дальше еще удивительней: «И мы этот уход советской жизни воспринимаем с удовольствием — мол, слава Богу!» Кто «мы» — Гранин с Новодворской? Где он видит удовольствие — на ряшке Чубайса?

Но в ноябре того же года в той же «ЛГ» друг Новодворской писал совсем иное: «Советская жизнь ушла. Ушла во многом не от разума. Мы глупо поступаем в отношении к советской жизни...» Что, прозрел человек за десять месяцев или просто уже забыл свои недавние заявления? «Стыдно, что мы перечеркнули советскую власть и оттолкнули от себя». И опять — кто «мы»? Если вы отталкивали вместе с Горбачевым и Яковлевым, перечеркивали заодно с Ельциным и Путиным, то так и признайся, а народ мой и меня лично к этому подлому делу не приплетайте. И вовсе не стыдно вам, а страшно, ибо вездие рано или поздно настанет.

И странное дело, подобные противоречия в мыслях, словах и оценках, такие «нестыковки» и сумбур особенно часто случаются у Гранина в рассуждениях о Великой Отечественной войне, о наших победах и поражениях, о судьбе солдат.

В свое время вездесущая телебалаболка Сорокина вздумала сварганить фильм о войне. А почему нет? Пишут же об этом ее друзья Радзинский и Млечин, из коих первый не знает даже, кто был во время войны наркомом обороны, а второй патроны называет пулями. Рассуждают же о том, как надлежит реформировать армию, ее собратья Немцов и Явлинский, никогда в армии не служившие. И она смастачила чудо-фильмок.

Там в первом же кадре появляется Даниил Гранин и уверенно объявляет: «По всем данным, войну с Германией мы должны были проиграть». Я сразу и подумал: понимает он, что сказал? Это по каким же «данным»? По историческим? Но Россия всегда изгоняла захватчиков. По экономическим? Но СССР к 1941 году стал могучей мировой державой. По отсутствию патриотизма в народе? Об этом и говорить смешно. Остается разве что один довод — арифметический: коли Германия разбила войска чуть ли не дюжины стран Европы, в том числе Дании, потеряв при этом одного солдата, то как же она может не одолеть еще одну, 13-ю по счету, — Россию?! Это излюбленная мысль Гранина, он и на страницах нынешнего юбилейного номера «Новой газеты» вложил ее в уста ка-

кого-то безымянного «старика с кошелкой»: «Как мы сумели победить, ума не приложу!»

Да, мы победили. Как же это случилось? Гранин уверяет: «Войну выиграла не армия, а народ!» И опять вопрос: он сообщает, что вытащил из дырявой кошелки своей памяти? Ведь это разделение и противопоставление нелепо! Разве армия — не народ? Или она у нас состояла из наемных швейцарцев? Или Жуков, Василевский и Рокоссовский командовали толпами с вилами, косами и серпами? Представьте себе, Гранин уверяет, что сам видел, как ленинградцы шли на фронт с косами. Ну подумал бы старче хотя бы о том, где взять кос пусть на один батальон в большом современном городе? И что можно было делать косами на фронте — танки косить?

«Всегда (!), — говорит писатель, — правда о войне меняется». И дополняет это открытие еще и таким всеохватным афоризмом: «Каждая (!) война рано или поздно становится грязной». По поводу второго афоризма, полагая бесполезным углубляться в него, заметим только, что, следовательно, Гранин считает себя участником Грязной войны, а я, как и миллионы моих сограждан, был на Великой Отечественной.

Что же до первого афоризма, то как его понимать — меняется правда о войне, т.е. сама суть, или ее оценка, восприятие? За два века, что кардинально изменилось в правде, допустим, о войне двенадцатого года? Я знаю только два факта. Первый: Солженицын в своем полубессмертном «Архипелаге» уверяет, что «из-за полесских болот и лесов Наполеон так и не нашел Москвы». Ну, это кардинально! Второй — вот у Гранина. Но это, точнее, не о войне, а о романе «Война и мир»: «Французы для Толстого были не только оккупантами, но и людьми, которые страдали, мучились». Сударь, назовите хоть одного француза из романа, который, грабя и убивая русских, страдал бы да мучился. «Толстой относился к французам как к несчастным людям, втянутым в кровопролитие». Хоть один пример несчастного захватчика! Хоть одну цитатку о сочувствии Толстого ко втянутому супостату! Право, такое впечатление, что человек до 85 лет так и не прочитал вели-

кий роман, но где-то нахватался благостно-розовых, умильно-пошлых представлений о нем. Не у Хакамады ли?

На этот случай я выпишу для них краткие реплики двух главных, самых дорогих Толстому персонажей его эпопеи — Кутузова и князя Андрея. Первый говорит второму: «Верь моему слову, будут у меня французы лошадиное мясо есть!» И ели. Мучились, страдали, втянутые, но ели. Второй говорит другу Пьеру Безухову: «Одно, что бы я сделал, ежели бы имел власть, я не брал бы пленных. Что такое пленные? Это рыцарство. Французы разорили мой дом и идут разорить Москву, оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники все...». Вот что такое Толстой и его отношение к несчастным французским захватчикам.

Гранин написал предисловие к книге немецкого «писателя-солдата» по фамилии Х.Стахов. Чем книга его привлекла и умилила? А тем, что «в ней отсутствует ненависть к русским». Вы только подумайте, как трогательно: разорвав все договоры, вломились в наш дом, грабили, жгли, угоняли в рабство, истребляли, и, оказывается, при этом были среди них такие, что не испытывали никакой ненависти, а просто исполняли приказы. Как же не порадоваться! Как не написать благостное предисловие в полной уверенности, что и Толстой написал бы.

А что важное, основополагающее изменилось в правде о Великой Отечественной? История войны, говорит, «бесстыдно обросла враньем». Но тут же, опровергая себя, показывает на конкретных данных, как со временем уточнялись цифры наших утрат. Наконец, называет 27 миллионов. И однако: «Но и к этой цифре доверия нет! Расчеты не приведены...» Ну что с ним делать! Ему, видно, для полной веры требуется 47 миллионов. А вы, сударь, верите цифрам холокоста? — спрошу я его, как спрашивал Бориса Васильева. Почему не требуете и тут расчетов? А ведь они есть, и очень впечатляющие: с 200 тысяч число жертв со временем выросло до 6 миллионов. Почему не протестуете?

Есть, конечно, старатели вроде Аксенова-старшего, чуда заморского, или Климова-младшего, туземца, которые пытаются внедрить в массы такую, например, «новую правду»

о Великой Отечественной войне: «схлестнулись два тирана и обрекли свои народы на массовую гибель» (ЛГ.6.5.05). Но что взять с этого Аксенова, который, как помянутый Млечин, тоже патроны называет пулями и не ведает, где Катюнь, где Хатынь и какая тут разница. А что ожидать от этого Климова, родители которого учились в школе имени Достоевского, и он считает это невероятным, ибо ему кто-то из сванидзей внушил, что после революции Достоевского едва ли не запретили. А огромные тиражи его книг? Спектакли и фильмы по произведениям? Музей? Памятник? Не может быть! Сталинская пропаганда!

Другие старатели уверяют, что СССР сыграл в разгроме Гитлера лишь подсобную роль, правда, отрицать, что Берлин взяли мы, пока не решаются. Третьи — что Красная Армия изнасиловала 3.857.395 немцев. Четвертые, как видим, уверяют, что на фронт шли с косами. Пятые додумались на страницах все той же «Литературки» до того, что Сталин явился на Тегеранскую конференцию трех держав с коровой в самолете, не мог, мол, три дня без парного молочка и т.д. Вы это, что ли, товарищ Гранин, считаете новой правдой?

Писатель уверяет: «У нас до сих пор нет истории Великой Отечественной войны». С чего взял? Да, видно, только с того, что нет ее у него на книжной полке или нет такой истории, которая ему нравилась бы. «Вот, скажем, книга Астафьева о войне». Он сожалеет, что она «не всколыхнула общественность». Ах, если бы история войны была написана астафьевским пером! Но ведь Астафьев всегда лгал о войне. В советское время он на страницах «Правды» заливался соловьем о победных сражениях, в которых-де соотношение потерь было 1:10 в нашу пользу, а в пору ельцинщины каркал уже со страниц «Московских новостей» о таком соотношении в пользу немцев. К тому же он был в военном отношении человеком загадочно невежественным: даже не умел читать военную карту или схему, о чем мне когда-то приходилось упоминать.

Или Гранин опять не понял, что слетело с его языка? Ведь на самом-то деле, книг о войне в целом и об отдельных сражениях множество, в том числе — иностранных, немецких, есть

и наша 6-томная «История Великой Отечественной войны», есть и 12-томная «История Второй мировой войны». Разумеется, в этих «Историях» можно найти немало недостатков, но главное там сказано. А Гранину они просто неинтересны, он и не читал их, ему бы только о наших неудачах да потерях.

Так и говорит: «У нас «скрывали правду потерь и поражений». Что, писали, будто мы на западной границе отбили врага и триумфальным маршем без потерь дошли до Берлина? Как без наших поражений и побед врага он мог дойти до Москвы? Или мы и это скрывали? Как без наших неудач и его успехов враг мог дойти до Волги? Как все это можно было скрыть? Любая дубина понимает: немыслимо.

«Мы не публиковали до самых последних лет потери по фронтам, по годам, по(!) полководцам». До самых последних? Да ведь еще в 1992 году вышли книги «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР» и «Россия и СССР в войнах XX века». Там писатель может много найти для души. Но, видимо, его особенно интересуют «потери по полководцам». Он бы вывел им «рейтинг по потерям». Как сегодня без рейтинга? Возьмите, Гранин, книгу генерала армии М.Гареева о Жукове. Там есть и «по полководцам». Выводите свой рейтинг, разложите все по полочкам. У писателя взгляд на войну как на спортивное состязание при равных для всех условиях, например, как на бег, допустим, на стометровку даже при одинаковом ветре в лицо или в спину. А ведь в каждом сражении условия разные по многим данным. Не сечет!

Но тот, кто хотел знать, еще задолго до названных книг знал, например, что при освобождении Польши погибло около 600 тысяч наших солдат и офицеров, в Чехословакии — свыше 140 тысяч и т.д. Нет, вы ему непременно дайте с точностью до единицы, сколько погибло при освобождении Сычевки и при взятии Алленштейна. Гуго Пекторалис без этого 60 лет спать не может.

Особенно проникновенно и назойливо из статьи в статью Гранин жалуется на то, что «слово ленд-лиз начисто забылось». Да никто на фронте и не знал этого слова. «Мы до сих пор не говорим о том, чем и как нам помогли союзни-

ки». Лютая чушь! У нас даже издали книгу об этом госсекретаря Эдварда Стеттиниуса, руководившего ленд-лизом. Помним и о том, что с марта 1941 года по август 1945-го американские поставки по ленд-лизу 42 странам составили 46 млрд. долларов, в том числе Англии — больше 30 млрд., Советскому Союзу — менее 10 млрд., т.е. в три раза меньше. А вы, надеюсь, все-таки знаете, Гранин, какой кровавый груз войны волокла Россия и с какой авоськой трусила Англия. Об этом можете прочитать у самого Черчилля, не говоря уж о Рузвельте. Знаете, кто это?

«Со вторым фронтом союзники тянули, мы их поносили последними словами...» Что ж вы так уклончиво и невнятно: тянули? Можно сказать четко: была договоренность об открытии второго фронта в 42-м году, но не открыли, обманули; обещали в 43-м, и опять надули; посулили весной 44-го, и открыли только летом. Тянули-то, сберегая свои шкуры, до крайней возможности. И тем не менее вы, гуманист, за них в обиде: «поносили...» Ах, бедненькие... Да кто ж их поносил? Где и когда? Сталин очень вежливо выражал в письмах Черчиллю и Рузвельту свое презрение к лживости и шкурничеству.

«...поносили, зато(!) консервы ихние, витамины, глыбы шоколада поддерживали нашу жизнь. Почему мы об этом не пишем в истории войны?» И опять я сомневаюсь: соображает ли человек, что ляпнул? Ведь, с одной стороны — консервы и шоколад, а с другой-то — кровь и смерть миллионов. Потери США во Второй мировой войне почти в 100 раз меньше наших. И вранье, что об этих консервах не написано.

Судя по всему, у Гранина есть только одна книга о войне — однотомная «Энциклопедия Великой Отечественной войны», и он беспощадно ее поносит. Да, в ней кое-чего нет и кое-что лишнее, так ведь она вышла двадцать лет тому назад. Но статья «Ленд-лиз» как раз имеется. В ней все перечислено: американцы поставили нам 14 795 самолетов, 7056 танков, 8218 орудий и т.д. И все это не превышало 4% отечественного производства (с.400). Как же назвать это стенание: «Мы до сих пор молчим...»?

Считая историю войны то извращенной, а то даже и не-написанной, Гранин сам восполняет пробелы. Рассказывает такую, например, историю: «Самое начало войны. Мы наткнулись на четырех немецких солдат. Они, уставшие, грязные, свалились в кусты и спали». Странно, конечно. Что за солдаты? Почему они отбились от своей части? Почему так беззаботно, без охраны, дрыхнут на чужой земле, в которую вторглись? И где это случилось? Объяснить бы надо. Ну да ладно, допустим, на войне все бывает. Что дальше? «Командир сказал: «Не будем стрелять в спящих». Его тогда чуть не отдали под суд». Да, я думаю, что и князь Андрей не стал бы стрелять в спящих. Но с другой стороны, ведь это взрослые солдаты, пришедшие разорить твою землю, а среди тысяч и тысяч спящих жителей Минска, Киева, Севастополя были ни в чем не повинные спящие дети, но это не остановило немцев в ночь на 22 июня 41-го года бросить на них бомбы, погибли не четыре человека, а сотни, тысячи спящих... А разве не было спящих среди 135 тысяч мирных жителей Дрездена, погибших под англо-американскими бомбами 13 и 14 февраля 45-го; а в те августовские ночи 45-го года неужели никто не спал среди всех возрастов мирных жителей Хиросимы и Нагасаки, неужели все бодрствовали, ожидая американскую атомную бомбу?..

Но что дальше-то было с теми странными немецкими солдатами — взяли их в плен или хотя бы разоружили, допросили? Неужто только полюбовались спящими оккупантами, согнали с них комаров и пошли дальше? Об этом Гранин молчит, ему и это неинтересно, для него главное — нарисовать драматическую ситуацию сомнительной достоверности и демагогического оттенка.

Еще одна загадочная история: «Был 41-й год, конец августа, мы(?) выходили из окружения. Шли несколько дней. И самое трудное было — выбираться...» Откуда, из чего выбираться? И хотелось бы знать, с какого именно участка фронта шли так долго? Ведь все крупные окружения известны. Назвал хотя бы армию или ближайший город. Опять никаких данных! «Немцы наступали на Ленинград. Мимо нас шло

огромное количество транспорта, бронемшины, мотоциклисты, велосипедисты». Шли мимо и не трогали? Интересно. Другим так не везло. «Днем мы часами лежали в кюветах, ожидая паузы». Крайне странная картина! Группа советских солдат, как увидим, даже с оружием, в дневное время часами лежит в придорожных кюветах, а по дорогам валом валят немцы и на этих солдат, судя по всему, еще и в форме, не обращают ни малейшего внимания. Может, вы, Даниил Александрович, хотели сказать что-то другое? Или не знаете, что такое кювет?

И вот, говорит, как сейчас помню, однажды лежим мы, полеживаем в кювете, ничто нас не колышет, вдруг видим: «...идет колонна наших пленных, человек пятьсот. Черные от грязи, изможденные. А впереди немецкий велосипедист и сзади немецкий велосипедист — все! 500 человек идут покорно». Поверить в это еще трудней, чем в безмятежное лежание при свете дня в кювете на глазах немцев. Во-первых, чтобы велосипед не повалился, надо ехать с некоторой скоростью, и она выше, чем движение пешехода, тем более изможденного. Так что передний велосипедист непременно укатил бы от колонны, а задний врезался в нее. Во-вторых, не составляло никакой проблемы налететь сзади на переднего велосипедиста, руки которого заняты рулем, сбить его на землю и прикончить, причем так, что задний из-за колонны ничего и не услышал бы и не увидел. Да и с ним расправиться можно. Ведь чтобы защититься, немцу надо соскочить с велосипеда, снять из-за спины винтовку или автомат и открыть стрельбу — времени и возможности на это у него не было бы. И велосипедисты не могли не понимать такой простой вещи.

Но самое глубокомысленное дальше. Кюветчики «решили подстрелить охрану (почему «под», а не снять вообще? Ведь тут не спящие. — В.Б.), но Саша Ермолаев сказал: «Думаете, они разбегутся?» В лицах их читалось поражение». И основываясь на анализе выражения лиц пленных, кюветчики ничего не предприняли для их освобождения. А один из компашки через 65 лет не стесняется изобразить нам поведение собратьев шкурников как некий увлекательный психо-

логический феномен одних наших солдат на фоне комплекса поражения и безнадёги других. И это в самом начале войны, в дни Брестской крепости и обороны Одессы. «Неправда в деталях разрушает представление о войне», — в этом-то Гранин прав.

Итак, тема пленных. Писатель видит причину того, что наши солдаты и офицеры «претерпели голод, нечеловеческие условия в немецком плену» только по той причине, что «не были защищены Женевской конвенцией». Давненько я не встречал сей замшелый довод, когда-то не сходявший со страниц сочинений самых тупых антисоветчиков. Видимо, даже они все-таки в конце концов сообразили, что это разоблачает их как людей, ни уха ни рыла не смыслящих в том, какой и чем была война со стороны германского фашизма. И вот на тебе — патриарх Гранин эксгумировал дохлятину и подает как новейший деликатес к празднику Победы!

Во-первых, что такое конвенция? Это собираются мужики иностранных дел из разных стран и «между шампанским и клико» говорят друг другу: «Ребята, давайте жить дружно!» Например, Женевскую конвенцию 1925 года о запрещении отравляющих веществ сразу подписали 37 стран, позже — 93, в том числе СССР. И это не помешало Японии в начале 30-х годов использовать газы в войне против Китая, немного позже — Италии против Абиссинии, а в 60-е годы США всю применяли дефолианты во Вьетнаме. Женевскую конвенцию 1949 года по защите жертв войны подписали 120 стран. И неужели вам неизвестно, писатель Гранин, что после этого вытворяли американцы сперва в Корее в 1950 году, потом — во Вьетнаме?

Другое дело — конкретный договор между двумя конкретными государствами, какими и были два советско-германских договора 1939 года. В этом случае степень ответственности, мера прочности неизмеримо выше. Так вот, если немцы наплевали на два конкретных межгосударственных договора с нами, то откуда у вас, Гранин, уверенность, что они стали бы считаться с решением какой-то благой международной конференции о пленных и обращались бы

с советскими солдатами и офицерами, как с французами или датчанами?

Приведу лишь один фкт. Впрочем, давно и хорошо известный всем, кто интересовался историей Второй мировой войны. Еще в 1934 году, за пять лет до войны, Гитлер говорил тогда близкому писателю и президенту сената Данцига Герману Раушнингу: «Нам надо изыскать методы депопуляции, т.е. уничтожения целых расовых единиц. Именно это я намерен осуществить... Если я могу послать цвет немецкой нации в ад войны без малейшего сожаления по поводу того, что будет пролита драгоценная немецкая кровь, то я, конечно, вправе уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как паразиты» (The voice of distruction. London. 1940. p.137). Такого же рода заявления во множестве делались Герингом, Гиммлером, Геббельсом, Йодлем и другими главари-ми фашистской Германии. И было сделано ими все, чтобы в СССР реализовать свои планы.

Короче говоря, писатель Гранин, этими «расовыми единицами», «людьми низшей расы», «паразитами», подлежащими по плану Гитлера «депопуляции», были прежде всего я — как русский, вы — как еврей и наши народы. Словом, со стороны немцев их агрессия против Советского Союза была войной на истребление. А вы лепечете о Женевской конвенции! Это можно объяснить только либо полным невежеством в данном вопросе, весьма странном в вашем возрасте, либо сознательным намерением обелить фашистов: коли Советский Союз не подписал конвенцию, то истребление его граждан вполне законно. И этому гуманисту и мысль не приходит в голову, что ведь с пленными надо обходиться по-человечески и безо всяких конвенций.

Обеление фашистов дополняется клеветой на советскую власть: «Одно из тяжких и постыдных последствий войны — отношение к пленным. Плен у нас карался как преступление... Бывших пленных подвергали репрессиям, они пребывали отверженными, бесправными». Тут самое малое — бесправными. И что за высокомерная манера — всегда вещать об ужа-

сах, не приводя никаких данных, ни одного доказательства! Я, мол, такая личность, что мне вы все обязаны верить на слово.

Хотя бы в «Энциклопедии», которая у вас есть, Гранин, вы можете прочитать, например, про генерал-лейтенанта М.Ф.Лукина, коммуниста, разумеется, не имеющего ничего общего с нынешним Лукиным-правозащитником и губошлепом. Михаил Федорович как раз командовал войсками в упомянутом окружении под Вязьмой в октябре 1941 года. Там он был ранен и попал в плен, где и пробыл до конца войны. В плену держался мужественно. После освобождения продолжал службу в армии. Был награжден, как вы, орденом Ленина (впрочем, у вас их даже больше, чем у генерала — два), пятью орденами Красного Знамени и опять же, как вы — орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. Умер в 1970 году, не дожив, слава Богу, до Горбачева, Путина и ваших размышлизмов о войне.

Я и лично знал многих побывавших в плену. Приятель мой Николай Войткевич, член партии, попал в плен в 42-м под Севастополем. После освобождения вернулся в столицу, поступил в элитный, как ныне говорят, Литературный институт им. Горького, все пять лет был старостой нашего курса, а потом, будучи восстановлен в партии, до пенсии работал на радио, которое вещало на границу. Идеологический фронт! Тоже не дожил он до вашего вранья о репрессиях против него. Он бы вам ответил.

Еще в Литинституте учились со мной побывавшие в плену Борис Бедный и Юрий Пиляр. И что? Да разве мало уже того, что приняты были в такой московский вуз! А они потом еще и успешно работали, печатались, помню хороший фильм «Девчата» по повести Бориса Бедного. Был в институте даже преподаватель из числа пленных — А.Н.Власенко. Да продлят небеса его дни!

В «Дружбе народов» я работал дверь в дверь с большим поэтом Ярославом Смеляковым. Тоже прошел плен, у финнов. И что? Не замечая своей отверженности, бесправия и репрессий, работал, издавал книги, был председателем секции поэзии МО Союза писателей, а однажды, как военному

преступнику, ему вручили Государственную премию за книгу «День России». Уж Ярослав-то тоже за словом в карман не полез бы, чтобы просветить вас, гражданин Гранин, по вопросу о пленных.

А слышали вы, правдоискатель, о Степане Злобине? Он попал в плен в том же Вяземском котле. Несколько раз пытался бежать, но в январе 45-го пришло освобождение, и он продолжает службу в армии, работает в дивизионной газете, дошел до Берлина. После войны возвращается в Москву, восстанавливается в Союзе писателей, становится председателем секции прозы МО ССП. Вот ведь как интересно: две самые большие и важные секции возглавляют бывшие пленные, которых, как уверяет Гранин, считали преступниками! Мало того, роман Злобина «Степан Разин» по личному предложению вождя был отмечен Сталинской премией первой степени. Мало того, что оба преступника возглавляли секции, но еще и оба большие государственные премии получили!

Хватит или назвать еще репрессированных пленных? Можно: Г.Бедняев, Ф.Бирюков, К.Воробьев, И.Дроздов, В.Саблин, Л.Семин, А.Стрыгин, Н.Трифонов, В.Кочетков, Н.Щербаков... Это только писатели и только России. За полноту списка не ручаюсь, но ручаюсь, что почти все были награждены и работали, печатались после войны. Разумеется, все они проходили соответствующую проверку, как во всех странах и армиях.

Но Гранину плевать на все это, он свое: «После победы многих военнопленных отправили в лагеря, уже наши». Да, отправили. И.Пыхалов в книге «Время Сталина» (Ленинград, 2001), приведя обстоятельные аналитические таблицы, пишет, что на 1 октября 1944 года, т.е. за семь месяцев до конца войны, в фильтрационных лагерях прошли проверку 312 594 бывших пленнх и окруженцев. Из них 75,1% — кто был направлен опять в армию, кто в народное хозяйство, кто на лечение, а в штрафроты или арестовано — 6,2% (с.65).

К 1 марта 1946 года, т.е. уже после войны, было репатрировано 1 539 475 пленнх. Из них направлены в распоряжение НКВД, т.е. могли после разбора их дел подвергнуться

репрессиям, 14,69%. «Как правило, это были власовцы и пособники оккупантов» (с.69). Подумайте над этими цифрами, мыслитель Гранин.

Конечно, были тут и прискорбные факты разных ошибок и злоупотреблений, но ЦК и Совет Министров приняли специальное постановление: «Осудить практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или в окружении противника, как противоречащую интересам Советского государства» (Цит. по: «Правда», 19 мая 2005).

Но вот странно: почему Гранин, вкось и вкривь рассуждая о бесправии и репрессиях тех, кто побывал в плену, ни слова не сказал об окруженцах? А ведь какой истовый любитель правды истории! В чем дело? Да очень просто: он же сам, если, конечно, верить, побывал в окружении, что не помешало ему не только избежать всяких притеснений и репрессий, но получить орденов больше, чем у иных генералов, а о премиях и званиях я уж и не говорю.

Нет у писателя Гранина конца обидам и претензиям к советской власти. И ведь где только он их не изыскивает. Смотрите: «Ни разу Сталин не помянул погибших за Родину». Ни разу! Объясните, как нормальный человек его возраста может не помнить, что все приказы Сталина о взятии городов кончались словами: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!» Все! И в обращении к народу 9 мая 1945 года: «Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим жизнь за свободу и счастье нашего народа!» И в обращении 2 сентября 1945 года по случаю победы над Японией: «Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!» А разве салюты не имели к памяти погибших никакого отношения? Тут опять одно из двух: или человек сознательно лжет, или, увы, не понимает, что лепечет.

А вот еще какая жуткая несправедливость и бездушие советской власти: «Только спустя двадцать лет после войны, в 1965 году, отметили солдат медалью в честь Победы». Вранье или маразм? В 65-м году была медаль не в честь Победы, а в

честь ее двадцатилетия. Медаль же в честь Победы — «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»— была учреждена сразу, 9 мая 1945 года. Ею наградили около 15 миллионов человек.

А медали за освобождение наших городов и за взятие иностранных столиц — разве это не медали в честь Победы? Как иначе могу я смотреть на мою медаль «За взятие Кенигсберга» или «За победу над Японией»?

Но скулежный список гранинских претензий продолжается: «Нечто странное: в 1946 году сняли выплату пенсии(?) за ордена. Деньги шли маленькие: в месяц за Красную Звезду — 15 рублей, за Красное Знамя — на десятку больше. Ликвиднули, ничего не объясняя».

Ну, и явление этот живой классик... У народа ныне, ничего не объясняя, а мороча голову прелестями демократии, ликвиднули социалистический строй, страну развалили, и он, Герой-суперлауреат, не протестовал, но не может забыть, что шестьдесят лет тому назад ему перестали платить 15 рублей за Красную Звезду. Ну, фигура...

А что тогда надо было объяснять? В каком положении находились мы в 46-м году? Полстраны лежало в развалинах. А за время войны всего за боевые отличия было произведено около 13 миллионов награждений. В тылу же одной лишь медалью «За доблестный труд» — свыше 16 миллионов человек. А платили не только за ордена, как пишет Гранин, но и за медали. У меня, скажем, медаль «За отвагу» № 3241244. И это была вовсе не последняя медаль войны, всего их около 5 миллионов. И до войны ведь тоже награждали. За орден Ленина платили, кажется, 50 рублей. А ему, высоколобому, требуется объяснение, какие тут суммы для послевоенного бюджета страны... И особенно скорбно, что все это крохоборство, вся ложь — из уст благополучно прожившего жизнь человека, до пупа увешанного орденами, медалями, премиями.

Как уже сказано, на писателя Гранина порой накатывают приступы безумной любви к Советской власти, ко всему советскому. Вот один из таких приступов. Писатель, представьте себе, решительно осуждает тех, кто пытается опорочить и

даже перечеркнуть советское искусство: «Именно советская литература, советское кино, советский театр, советская музыка оказались наиболее ценными в истории русского и мирового искусства». И приводит перечни имен действительно замечательных советских писателей, композиторов, режиссеров... И добавляет: «Стоит положить на весы советскую часть искусства и постсоветскую и сравнить». И еще: «Был Серебряный век в поэзии, но был и Золотой век в кино, в литературе. Разве не так?». Восхищается и советской наукой: «Мы были в первых рядах!»

Казалось бы, какой убежденный советский патриот! Но вот что читаем на этой же странице по поводу присуждения Нобелевских премий: «Против советской и нынешней России (на Западе) есть предубеждение. Мы зарабатывали его 70 лет», т.е. все советское время, за которое-де и сейчас приходится расплачиваться.

Это чем же мы «зарабатывали» — названными передовыми позициями в физике, в биологии? замечательным искусством? всеобщим ростом культуры народа? или вскрытым Граниным искажением истории войны? репрессиями против наших военнопленных? отменой платы за ордена?.. Нет ответа.

И вот новый извив мысли в связи с вопросом о переименовании улиц в Ленинграде. Одна из них носила имя Куйбышева, теперь названа иначе. И писатель уверяет: «Даже если вы будете восстанавливать старое название, все равно не поймете — кто этот деятель». Какое высокомерие! И это почему же «не поймете»? В.В.Куйбышев (1888—1935) — крупнейший деятель партии и государства, занимал самые высокие посты: был членом Политбюро, Первым заместителем главы правительства и председателем Совета труда и обороны (СТО), председателем Всесоюзного совета народного хозяйства (ВСНХ), — как же можно «не понимать», кто этот деятель? Он был одним из крупнейших строителей той самой советской жизни, советского общества, советской науки и культуры, что порой припадочно восхищают Гранина.

И понимает же он, кто были, скажем, Меншиков Александр Данилович, сподвижник царя Петра, или Потемкин Гри-

горий Александрович, помощник и любимец Екатерины, или хотя бы Плеве Вячеслав Константинович, николаевский министр внутренних дел... Попробуй сказать, что он не знает и не понимает, кто сии фигуры уже далекого прошлого! Это обвинение в невежестве. А вот кто такой его современник Куйбышев, не желает знать. В чем же дело? Почему?

Думается, у Куйбышева гораздо больше оснований остаться в памяти народа, в нашей истории, чем у самого Гранина — в истории нашей литературы. Мне кажется, что вскоре после того, как Даниил Александрович исчезнет со страниц газет и с экрана телевидения, многие перестанут понимать, кто был этот деятель.

ЯБЛОЧКО ОТ ЯБЛОНИ...

Читатель Н. прислал мне 11(413) номер газеты «Вестник Замоскворечья». Главный редактор — Андрей Востриков, считающий В. Резуна «военным историком».

Самый большой материал номера — две с половиной полосы — беседа главного редактора с жителем Замоскворечья генерал-лейтенантом авиации Степаном Микояном, сыном Анастаса Ивановича Микояна (1895—1978). Номер посвящен годовщине начала Великой Отечественной войны.

С. Микоян не только сын известного советского политического деятеля, члена Политбюро, Героя Социалистического Труда, но и племянник знаменитого авиаконструктора Артема Ивановича Микояна (1905—1970), члена партии с 1925 года, тоже Героя, лауреата Ленинской и шестикратно лауреата Сталинской премий, а сам Степан Анастасович в детские годы был пионером, лет десять пребывал в комсомоле и лет сорок в партии. И вот при таком-то биографическом антураже, советском-пресоветском, генерал вдруг на старости лет заскучал, затосковал, загрустил, закручинился. Да о чем же? Оказывается, о далеком прошлом, которого он и не видел, и не нюхал. Вот, говорит, живу я на улице Большая Пионерская. Как мне, бывшему пионеру, бывшему коммунисту отвратительно это! «Ведь раньше-то она называлась Дворянской. Надо бы вернуть прежнее имя».

Ну, что ж, сейчас много расплодилось печальников о прошлом. Особенно в литературно-художественной среде. Вот, скажем, писатель Дмитрий Жуков, отец многолетнего вице-премьера. Представьте себе, потеряли — оказался дворянин! Будучи уверен, что манифест Петра Третьего от 18 февраля 1762 года «О вольности дворянства» не утратил силу, он позволяет себе отменные дворянские вольности. Так, однажды

в юбилейный год Победы написал в «Литгазете», что Сталин явился на Тегеранскую конференцию со своей дойной короной. Тиран, говорит, очень любил перед схваткой с акулами империализма выпить стаканчик парного молока. Без этого не мог... А еще поведал в той же «Литературке» в День Победы, что наши солдаты, сидя в окопах (в которых сам-то он никогда не сиживал), прямо тут же и оправлялись... И на этом не остановились их благородие. Счел также нужным просветить соотечественников о том, что во время войны некоторые церкви пострадали от огня Красной Армии, а вот фашистские оккупанты, видите ли, открывали церкви. Ну, для отдохновения от грабежей и расстрелов пленных, партизан, всех, кто не нравился. Вот такие дворяне у нас пошли...

Но в случае с С.Микояном еще вот что примечательно. В свое время Советская власть в лице Управления делами Совмина дала ему роскошную квартиру в известном правительственном Доме на набережной. (Надо ли говорить, что бесплатно!). Но в 1978 году там начался капитальный ремонт и Микояну в не названных им упомянутых выше правительственных инстанциях предложили другую квартиру. Выбор ему предложили, конечно, богатый. Покидая прежние хоромы (уж поверьте, что хоромы: я бывал там в квартире №6, в которой жили адмирал Арсений Головкин с женой Кириллой Ивановой, известной артисткой МХАТа), иные жильцы оставляли свои хоромы родственникам. Мы, говорит Микоян, «долго выбирали из предлагавшихся вариантов...» Еще бы! Чей сынок-то... И нам, говорит, понравилась квартира на Большой Пионерской. Тогда, при Советской власти, название улицы никого в семье Микояна не смущало. О чем речь! Ведь квартирка-то была роскошней, чем прежняя. (Надо ли напоминать, что и ее дали бесплатно.). И однако же человек теперь мучается, мечтает жить на Дворянской. Жуков, ну возьмите вы дядю Степу в дворянство!.. А не переехать ли вам, драгоценный Степам Анастасович, допустим, на улицу Солженицына, бывшую Большую Коммунистическую? Там очень было бы по душе, очень!.. Интересно, а что стало с московским мясокомбинатом имени А.И. Микояна — как ныне именуется? Вполне могли дать ему имя Чубайса или Радзинского.

Так как во многих суждениях и оценках отец и сын Микояны весьма единодушны, а порой сын просто пересказывает воспоминания отца, кое в чем и обгоняет, превосходит его, то, видимо, целесообразно сперва сказать кое-что об отце.

А.И.Микоян в двадцать пять лет уже был секретарем Нижегородского губкома партии, в двадцать семь — член ЦК, в тридцать и последующие двадцать пять лет — нарком внешней и внутренней торговли, пищевой промышленности, одновременно с 1937 года — заместитель главы правительства, после смерти Сталина с 1955 года — 1-й заместитель, в 1964—1965 годы — Председатель, потом член (1965 — 1974) Президиума Верховного Совета СССР. Словом, с молодых лет человек долгие годы занимал самые важные, даже важнейшие и высокие, даже высочайшие партийные и государственные должности: депутатом Верховного Совета был с 1937 года — 36 лет, в Политбюро с 1926 года до 1976 — 50 лет, т.е. гораздо дольше, чем даже Сталин, а членом ЦК — 54 года, тут рядом с ним никого и близко нет. Разумеется, все эти посты, должности и награды получены были не без содействия Сталина.

Работал он на всех постах, надо думать, добросовестно, энергично, со знанием дела, о чем свидетельствуют и длительность пребывания на этих постах, и обилие полученных орденов, и звание Героя. Однако при всем этом Анастасу Ивановичу не удалось избежать меткого прозвища: от Ильича до Ильича — без инфаркта и паралича. Рассказывали о нем и такой анекдот (один из его вариантов приводит Рой Медведев в книге «Они окружали Сталина». — М., 1990), который я слышал в таком варианте. Однажды на заседание Политбюро все его члены явились в мокрой одежде — на улице шел проливной дождь, гроза. И только один Микоян пришел абсолютно сухим. Его спрашивают: Анастас Иванович, как удалось? А я, говорит, — между капельками, между струйками, между молниями. Тот же Медведев пишет, что американский историк А.Улам в книге о Сталине заметил: «Размышляя об искусстве политического продвижения, мы обращаемся обычно к примеру Талейрана. Но Талейран был дилетантом по сравнению с профессионалом Микояном» (Цит. соч., с. 218). Тут мне вспомнилось, что когда-то, работая в «Литгазете», я получил письмо

из Армении, автор которого уверял, что настоящая фамилия Талейрана — Талейрян. Однако нельзя не заметить, что Анастас Иванович занимался отнюдь не только своим «политическим продвижением». Он славно поработал для страны.

Но был, похоже, еще и такой прискорбный факт, о котором В.П.Пронин, председатель Моссовета (1939—1945), рассказал в беседе с заместителем главного редактора «Военно-исторического журнала» С.Г.Ющенко: «В октябре 1941 года Микоян сбежал из Москвы. Я узнал об этом так. 18 октября часов в 12 дня мне позвонил Сталин. Грубо ругая работников Наркомвнешторга и Микояна, который ведал работой этого ведомства, Сталин сообщил, что эти люди покинули Москву и бросили на таможне несколько сот тонн редких металлов: молибден, вольфрам и т.д. Сталин спросил, не может ли Моссовет организовать погрузку этих металлов... В течение двух дней ценные металлы были отправлены на восток.

Сталин ничего не забывал. Когда в 1952 году на XIX съезде Микояна исключали из состава Политбюро, он ему этот случай припомнил» (ВИЖ №10'91, с. 40)*.

А последующие годы выявили одну поистине драматическую сторону его долгой политической жизни. С молодых лет работая под руководством Сталина, будучи, по сути, близким ему человеком, как тогда говорили, соратником, Микоян едва ли не громче всех нахваливал Сталина. Его усердие в этом уж так зашкаливало, что просто поверить трудно. Так, в 1934 году назначили Микояна наркомом пищевой промышленности. Прекрасно! А в 1935-м на Первом Всесоюзном совещании стахановцев Микоян счел нужным привести такой пример дара предвидения вождя: «Товарищ Сталин давно нас предупреждал, что с культурным ростом страны уровень потребления водки будет падать, а расти будет значение кино и радио». Понимаете, мол, какой гений?

— — —
* В последней фразе Пронин неточен. На пленуме ЦК сразу после XIX съезда Сталин критиковал Микояна, но его не исключили из Политбюро. Тогда вместо Политбюро ЦК стал Президиум ЦК и образовано Бюро Президиума. Микоян не был избран членом Бюро, но членом Президиума оставался. — *Примеч. ред.*

Тогда же, в середине тридцатых, стараниями Микояна вышла первая в советское время «Книга о вкусной и здоровой пище». И тут нарком уж так постарался для расцвета культа личности, уж так... К каждому разделу книги — его маленькое предисловие. Например, в предисловии к разделу «Мясо, птица, дичь» читатель извещался, что еще в 1918 году во время героической обороны Царицына «товарищ Сталин с гениальной прозорливостью вплотную подошел к проблеме создания пищевой индустрии». В частности, он мечтал: «Было хорошо бы организовать по крайней мере одну консервную фабрику». И что же? Нарком радостно доводил до сведения домохозяйек, что мечта вождя перевыполнена: «Уже построено шесть мощных консервных фабрик там, где товарищ Сталин требовал (мечтал! — В.Б.) построить хотя бы одну» (Цит. соч. С.181).

В предисловии к разделу «Рыба» нарком осветил выдающуюся роль товарища Сталина в организации торговли живыми судаками, лещами, карасями и кильками. В предисловии «Холодные блюда и закуски» говорилось: «Некоторые могут думать, что товарищ Сталин, загруженный большими вопросами международной и внутренней политики, не в состоянии уделить внимание таким делам, как производство сосисок. Это неверно...» (Там же). Нет, нет и нет! Творчески претворяя бессмертное учение Маркса — Энгельса — Ленина, товарищ Сталин гениально предугадал великую роль сосисок в построении коммунизма в отдельно взятой стране, чем был нанесен смертельный удар троцкизму.

И вот, зная все это, историк Медведев в красивом литературном портрете Микояна все-таки пишет: «Жизнь и потребности простых людей мало интересовали Сталина и его окружение. Микоян был здесь редким исключением» (Там же. С.180). Ну как же мало, если даже до сосисок добирался!

Но что особенно поразительно: оказывается, прославляя Сталина даже как гения пищевой промышленности, Микоян при этом люто ненавидел его, гения-то. Подумайте, каково это — холуйствовать ненавядя! В высшем руководстве страны время обнаружило двух таких — Хрущева и Микояна. Много-

опытный Молотов и раньше все понимал. Он говорил Феликсу Чуеву: «Хрущев изображал из себя архисталинца и Микоян — архисталинца, но в душе они были другие... Хрущев и Микоян дошли в свое время до того, что пытались доказать, будто Сталин был агентом царской охранки. Но таких документов сфабриковать не удалось... Микоян подлую роль сыграл. Приспособленец! Всю жизнь приспособлялся... Сталин его недолюбливал, а иногда и крепко прижимал» (Ф. Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991. С. 366-367). Каков диапазон — от сосисочного гения до агента царской охранки!

Сын-генерал сейчас уверяет, что отношение его отца к Сталину начало меняться «уже в 30-е годы». Однако на самом деле вот что говорил дорогой родитель в эти самые 30-е-то: «Товарищ Сталин своей гениальной прозорливостью и стальной твердостью поднял дух и волю нашей партии и всех трудящихся. Он великий полководец великой партии великой страны!» Это было сказано в 1934 году с трибуны XVII съезда партии. Конечно, и другие ораторы упоминали имя Сталина, ну, раза по 3-4, 5-6. А вот Хрущев еще на XVI съезде (1930 г.) — 32 раза и все в таком роде: «Сталин — величайший гений человечества, учитель и вождь, который ведет нас...» и т.п. Но на съезде Микоян превзошел и хрущевский рекорд: по подсчетам историка К.А. Залесского, он упомянул Сталина в своей речи 41 раз, и все в таком духе: «Великий полководец великой партии великой страны» (Империя Сталина. М. 2000. С. 315). А в июне 1945-го он, разумеется, был среди тех, кто предложил учредить орден Сталина. На этом предложении Сталин поставил резолюцию: «В мой архив».

Генерал особо подчеркивает, что перемена отношения его отца к Сталину была вызвана репрессиями 30-х годов. Но Залесский напоминает, что когда на февральско-мартовском пленуме ЦК (1937) была создана комиссия по делу Бухарина и Рыкова, то ее председателем был назначен тов. Микоян. Устно он поддержал обвинения, но при голосовании каким-то образом сумел увильнуть. Между молниями, без инфаркта...

В декабре 1937 года сделать доклад на торжественном заседании партактива Москвы, посвященном 20-летию ВЧК,

было поручено не кому-нибудь, а именно Анастасу Ивановичу. Казалось бы, с какой стати? Он же по основной должности — нарком то пищевой промышленности, то торговли. Однако... А в этом докладе оратор, между прочим, сказал: «Каждый гражданин СССР — сотрудник НКВД» (Там же). Разве это не было прямым призывом ко всем гражданам? Анастас Иванович назвал Ежова «любимцем советского народа» и выразил радость по поводу того, как «славно поработал НКВД за это время» (Там же). Без паралича... Рой Медведев присовокупляет: он поносил при этом «врагов народа» и хвалил Ежова: «Учитесь у товарища Ежова...» (Цит. соч., с.185).

Однако, стараясь хоть где-то, хоть как-то обелить собрата по сталинофобии, демократ Медведев пишет: «Непосредственного участия в карательных акциях Микоян не принимал...» (Там же, с.178). А кто из высшего руководства принимал? Даже Ежов, Ягода и Берия непосредственного участия не принимали. «Микоян не был инициатором репрессий, но и не выступал против них открыто» (Там же). И закрыто не выступал тоже — вплоть до XX съезда, на котором выступил с дозволенной храбростью и безопасной беспощадностью.

Но все же Медведев вынужден отметить, что, призывая других учиться у Ежова, Микоян сам уже был его старательным учеником. Незадолго до упомянутой юбилейной речи он ездил в родную Армению, где под его руководством была проведена чистка кадров: «Это была жестокая репрессивная кампания, в которой погибли тысячи ни в чем не повинных людей» (Там же, с.184). И автор цитирует армянские газеты тех дней. Одна писала: «Товарищ Микоян оказал огромную помощь в выкорчевывании врагов армянского народа...» Другая вторила: «Страстно ненавидя врагов социализма, товарищ Микоян оказал огромную помощь армянскому народу, лично помог разоблачить и разгромить подлых врагов... Товарищ Микоян выявил и вышвырнул заклятых врагов трудящихся...» (Там же). Так что же такое «непосредственное участие»?

Владимир Добров в книге «Убийство социализма» (М.,2003) рассказывает, что и в 1938 году ЦК партии направил Микояна в Армению проверить жалобы на несправед-

ливость привлечения к суду как «врагов народа» группу партийных и хозяйственных работников. Микоян полностью подтвердил их виновность и подписал соответствующий документ. Но позже выяснилось, что ряд обвинений был сфабрикован. А ученик Ежова не пожелал идти против, предпочел уклониться от конфликта с Берия (с. 189—190).

А когда Хрущев уже в 1956-м на XX съезде начал широкомасштабный антисталинский шабаш, то Микоян и тут оказался в нужный час на нужном месте — впереди всех. В этом он сам с гордостью признавался: «К концу съезда мы решили, чтобы доклад о культе личности Сталина был сделан на закрытом заседании. Был небольшой спор по этому вопросу. Молотов, Каганович и Ворошилов сделали попытку, чтобы доклад вообще не делать (Ничего себе «небольшой спор»! — В.Б.). Хрущев и больше всего я (больше Хрущева. — В.Б.) активно выступали за то, чтобы доклад состоялся». Будто и не он, прославляя гения пищевой индустрии, был в первых рядах тружеников «культа личности». И насквозь лживый, имевший катастрофические последствия и для партии, и для страны, и для мирового коммунистического движения доклад, к радости двух правдолюбов состоялся. Американский историк Гровер Ферр в недавно вышедшей у нас книге «Антисталинская подлость» пишет об этом хрущевско-микояновском творении: «Из всех утверждений «закрытого доклада», напрямую «разоблачающих» Сталина и Берия, не оказалось ни одного правдивого. Точнее так: среди всех тех из них, которые поддаются проверке, лживыми оказались все до единого» (с.6). Американец! Какое ему дело до наших страстей...

Феликс Чуев — царство ему небесное! — в книге «Так говорил Каганович» (М.,1992) писал: «Степан Микоян говорил мне, что не Хрущев придумал выступить против Сталина, а Микоян подсказал, это, мол, его заслуга. Сам Хрущев до этого не додумался бы» (с.32). Так что, по собственным признаниям отца и сына истинный-то закоперщик — Анастас. За это и чтят его до сих пор демократы, о чем свидетельствует хотя бы благостная передача о нем ленинградского телевидения 17 августа с.г. Там, например, было сказано, что бедный Анастас Ива-

нович всю жизнь каждый день, каждый час ждал ареста. Это на той самой извилистой тропке — от Ильича до Ильича.

Вот такое крепкое, глубокое и трогательное единодушие было у Микояна с Хрущевы, но, как сказал поэт, «час настал и ты ушла к другому». Кто — ты? Единодушие. В июле 1964 года Хрущев выдвинул и посадил Микояна на должность Председателя Президиума Верховного Совета, т.е. сделал президентом, а через три месяца, в октябре, Никиту скovyрнули, и Микоян подписал об этом соответствующий Указ. Теперь о вчерашнем друге он заговорил по-другому: конечно, то, что им удалось повернуть вместе, он назвал «заслугой», но «чем дальше, тем больше у тов. Хрущева накапливались ошибки и серьезные недостатки в работе». Это какие же? «Хрущев стал раздражителен, суетлив, несдержан, неспокоен... Нетерпимость к критике, склонность к импровизациям, к решению задач с ходу...» (Р. Медведев. Цит. соч. С.210). Каких задач? Неизвестно... А не была импровизацией «борьба против культа личности»? Молчание... «Хрущев страдал организационным зудом...» (Там же). И одновременно — страстью к Золотым Звездам Героя и отхватил аж четыре штуки.

А чем все это вызвано? Как объяснить? «Влияние возраста, склеротическое состояние...» (Там же). Ах так! А Сталин-то был старше на пятнадцать лет и, когда умер, был старше Хрущева в 1964 году. Что ж вы о его-то возрасте не вспомнили? Некогда было, спешили народ ошарашить. Но сейчас, когда дело сделано, Микоян и о Сталине запел по-другому, заодно похвалив нового Генсека: «Брежнев совершенно правильно сказал о Сталине. Он играл выдающуюся роль. Это соответствует исторической правде» (Там же, с.213). Едва ли Анастас Иванович мог предположить, что родной сын будет в этом вопросе опровергать его. И что еще? «С Хрущевым поступили по Уставу. Сделано хорошее дело. Сейчас в ЦК создана нормальная обстановка, все высказываются свободно. А раньше говорил один Хрущев» (Там же, с. 210).

В рассказе генерала Микояна немало интересного. Так, он рассказал, что сыновья многих высших советских руководителей были на фронте, воевали, а некоторые и погиб-

ли. Тут и три сына Микояна, один из которых погиб, и сыновья Ворошилова, Андреева, Хрущева, Булганина, Щербакова... Не были исключением и три сына Сталина. Старший сын Яков погиб в плену. Побывал в плену, был многократно ранен и приемный сын Артем, в глубокой старости умерший в прошлом году.

Тут к слову можно заметить, что в разного рода публикациях утверждается, будто немцы предлагали обменять Якова на взятого в плен генерал-фельдмаршала Паулюса, но Сталине отказался. Он будто бы ответил председателю шведского Красного Креста графу Бернадоту: «Я солдат на фельдмаршалов не меняю». Эта фраза приводится часто. Между тем, она лишь усугубляет сомнение. Действительно, Сталин просто не мог так сказать, ибо в случае обмена ему предстояло бы обменять не солдата на фельдмаршала, а наоборот — фельдмаршала на «солдата», который, кстати, был старшим лейтенантом. Сталин всегда выражал свои мысли точно и четко. В данном случае он сказал бы: «Я фельдмаршалов на лейтенантов не меняю». Кроме того, если к нему обращалось официальное лицо от имени Красного Креста, то должен бы остаться документ об этом. А ни единого документа, относящегося к вопросу об обмене, нет.

Единственным достоверным источником в этом деле можно считать лишь строки в воспоминаниях маршала Жукова. Который однажды на даче прямо спросил Сталина, есть ли какие сведения о Якове. «Он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом: «Не выбираться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, агитируют его за измену родине». Помолчав минуту, твердо добавил: «Нет, Яков предпочтет любую смерть измене». И ни слова о Красном Кресте, о графе Бернадоте.

Интересно было узнать от генерала Микояна и о том, что Сталин за разгульное поведение дважды снимал с командных должностей своего сына Василия, генерал-лейтенанта авиации. И в то же время, когда Микоян служил в 32-м гвардейском авиационном полку, которым командовал Василий, тот имел личное указание отца оберегать его вплоть до за-

прета участвовать в боях. Об одном таком случае генерал поведал. Видимо, этим и объясняется, что за войну он получил всего два ордена, что весьма нехарактерно для летчика. Но зато вручение — не на фронте, как большинству, а в Кремле — из рук самого Калинина.

Может быть, из-за этих двух орденов Микоян охотно рассказывает, как получил Звезду Героя. Меня, говорит, дважды представляли к званию еще в конце 60-х годов. Но почему не наградили, неизвестно. Звезду получил только в 1975 году. Но и тогда Микоян тревожился: «Я опасался, что Брежнев не пропустит меня — фамилия помешает. Но он пропустил». Странное опасение. Ведь после того, как в 1964 году убрали Хрущева и Первым секретарем ЦК стал Брежнев, на самую высокую государственную должность председателя Президиума Верховного Совета был назначен не кто-нибудь, а А.И.Микоян, отец генерала Микояна. Его фамилия этому не помешала. И надо полагать, произошло это назначение уж никак не вопреки желанию Первого секретаря ЦК. Так с какой же стати он стал бы препятствовать награждению сына? Разве только из тех соображений, что и Анастас — Герой, и брат его Артем — дважды Герой, а теперь вот еще и Степан будет Герой. Четыре Звезды на одну семью — не слишком ли? Но Брежнев игнорировал это соображение.

Примечательно: Микоян-отец тридцать лет работал рука об руку со Сталиным под его руководством, безусловно, пользовался его поддержкой и никогда не возражал ему, — наоборот, как мы видели, громогласно прославлял. А внимание и забота Сталина о Микояне-сыне, как видим, доходили до сбережения его на фронте. Понятно, что это была забота и об отце. На фоне таких фактов и обстоятельств особенно выразительно выглядят и воспоминания отца, в которых он порочит Сталина, и то, что ныне говорит сын-орденоносец.

Очередные воспоминания Микояна-старшего (начались они печататься еще в 1971 году) были опубликованы в журнале «Политическое образование» №9 за 1988 год, когда костер сталинофобского шаша разгорался. Сам Микоян уже десять лет, как умер. Кто же позаботился подбросить в пламя

еще одно сухое смолистое поленце? Ашхен Лазаревна, жена покойного, умерла, брат Артем — тоже еще в 1970 году, да и едва ли они стали бы это делать. Году в 75-м Микоян приезжал в Литературный институт, выступал перед студентами и о новых воспоминаниях — ни слова. Скорее всего, эти самые его «мемуары» напечатал именно сын Степан, абориген Замоскворечья. А еще через одиннадцать лет воспоминания вышли в издательстве «Вагриус». Но почему так долго ждал? Не потому ли, что многие члены Политбюро и другие руководители страны, близко знавшие Сталина, были еще живы, а вот в 1986 году умер 96-летний Молотов, долгие годы самый близкий к Сталину человек, в 1988-м — 86-летний Маленков, многие другие, и уж теперь можно было рассчитывать, что никто не возразит, не схватит за руку — поэтому? Едва ли. Хотя еще был жив 95-летний Каганович, но кто дал бы в те дни ему слово для защиты Сталина! Я с двумя приятелями был у Лазаря Моисеевича дома на Фрунзенской набережной, 50 в его последний день рождения незадолго до смерти. Он лежал в постели со сломанной ногой и мысли его были заняты уже не Сталиным, а Гавриилом Поповым. «Вот кто сегодня самый гнусный и опасный негодяй!» — повторял твердокаменный старец.

Думаю, что все эти соображения, в том числе боязнь отповеди, сыграли свою роль в столь долгой задержке публикации воспоминаний Микояна, но все-таки главное тут, видимо, — желание, о котором сказано: дорого яичко к Христову дню, т.е. быть в нужном месте в нужный час.

Надо заметить, что Микоян — единственный из членов Политбюро, из высших политических руководителей страны, написавший воспоминания. Да еще какие пространные! У Молотова, Кагановича, Хрущева это все-таки не воспоминания в чистом виде, а записи бесед с ними. Если бы Феликс Чуев не обратился к двум первым, а сын Хрущева не позаботился об отце, то никаких воспоминаний их и не было бы. А Микоян сам по собственному желанию сочинил несколько фолиантов. Как же! Ведь надо было разъяснить свою выдающуюся и безукоризненную роль в истории. Но мало того, и сынок Сте-

пан не удержался, тоже подарил человечеству страниц 600. А теперь еще и другой сын, Сергей, пишет книгу об отце. Уникальный факт — в одной семье не только один член Политбюро, два генерала, четыре Золотых Звезды (уж это-то ладно), но еще и три мемуариста! Воспоминания Микояна-сына появились на Божий свет в конце 90-х годов в Англии. Это почему же советский генерал, Герой и член партии предпочел туманный Альбион? А в 2006 году, когда стало уж все дозволено, — на любимой родине.

Беседы с Микояном вошли существенной частью в книгу Г.Куманева «Рядом со Сталиным» (М.1999). К сожалению, в этой книге немало ошибок, неточностей, искажений, сомнительных новостей, иные из коих неизвестно на чей счет следует отнести — автора книги или Микояна, с которым он встречался, беседовал и которого много цитирует. Например, читаем: «В мае 1941 года германский посол в СССР граф Фридрих Шуленбург на обеде в честь посла В.Г.Деканозова в присутствии двух переводчиков Г.Хильгера и В.Д.Павлова предупредил Кремль о фашистском нападении» (с.23). Даже если допустить, что немецкий аристократ уж так болел за Советскую Россию, все же трудно поверить, что он предпринял такой необыкновенный шаг, который был бы не чем иным, как выдачей врагу важнейшего государственного секрета, на светском приеме при столь опасных свидетелях. Или он был уверен, что Хильгер с ним заодно и готов разделить с ним ответственность? Кроме того, посол-русофил имел прекрасную возможность встретиться наедине и с нашим послом в Германии Деканозовым, и с самим наркомом иностранных дел Молтовым, да в конце концов по такому случаю — и со Сталиным. А как именно предупредил он на приеме — во время тоста за дружбу, что ли? Или кого-то конкретно? Но кого — никто не называет. Сказано уж слишком аморфно: «предупредил Кремль». И почему же граф-русофил не повторил свой русофильский жест более энергично и настойчиво, допустим, еще и в июне? Ведь, естественно, его предупреждение под звон бокалов могли расценить как сумасбродную выходку, если не провокацию, что, вероятно, и было в действитель-

ности, если факт не выдуман. Почему, наконец, Шуленбург сделал заявление Молотову об объявлении войны через два с половиной часа после того, как немцы начали вторжение и обрушили бомбы на наши города? Все это крайне странно и не внушает доверия. Да и просто — как можно было верить немецкому послу, назначенному Гитлером?

Или вот куманевский Микоян несколько раз говорит, что в первые дни войны «на Украине дела шли пока не плохо, там в районе Перемышля хорошо воевал Конев». Действительно, там имели место примечательные события. Перемышль немцы захватили в первый же день войны, но 23 июня 99-я дивизия их оттуда вышибла и удерживала город до 27 июня, когда оставила его по приказу командования фронтом. Но И.С.Конов не имел к этому никакого отношения. 99-й сд командовал полковник Н.И.Дементьев. А будущий маршал еще не воевал. 19-я армия, которую он возглавил, только в июне была сформирована в Северо-Кавказском военном округе, и в эти дни лишь направлялась на фронт и вступила в бои в составе Западного фронта на витебском направлении, — это Белоруссия, а не Украина.

Дальше — больше... Когда Микоян беседовал с Куманевым и писал воспоминания, он не ведал, что будет опубликован журнал, в котором еще с 1925 года регистрировались все посетители кремлевского кабинета Сталина. А теперь этот журнал не редко одно проясняет, а другое ставит под сомнение. Так, Микоян у Куманева говорит: «21 июня 1941 года поздно вечером мы, члены Политбюро, собрались у Сталина на его кремлевской квартире. Обменивались мнениями по внутренним и международным вопросам... Затем в Кремль приехали Тимошенко, Жуков, Ватутин. Они сообщили: только что получены сведения от перебежчика, что германские войска утром 22 июня перейдут (! Как деликатно сказано. — В.Б.) нашу границу». Тут кое-что не соответствует другим данным.

Во-первых, Жуков пишет, что о перебежчике доложил Сталину 21-го не при встрече, а по телефону, когда действительно «только что» стало о нем известно. Сталин сказал, что бы они с Тимошенко немедленно приехали в Кремль. И это

отражено в журнале: они двое и Буденный прибыли не «поздно вечером» и не на квартиру Сталина, а в 20.50 и в служебный кабинет, и ушли все трое в 22.20. В своем кабинете «Сталин встретил нас один. Потом вошли члены Политбюро», — замечает Жуков. Но тут он не точен: несколько членов ПБ уже находились в кабинете, Микояна среди них не наблюдалось.

Именно тогда была составлена директива №1, предупреждавшая: «В течение 22-23 июня 41г. возможно внезапное нападение немцев». И предписывавшая «быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников».

Отсутствовавший при этом Микоян, однако, живописал: «Поскольку все мы были крайне встревожены и настаивали на необходимости принять неотложные меры, Сталин согласился «на всякий случай» (!) дать директиву войскам». Мы, дескать, уговорили... Это не единственный факт «заочного свидетельства» Микояна.

Вот еще: «Хорошо запомнил день 18 мая сорок второго года, когда возникла опасность провала нашей Харьковской наступательной операции. Поздно вечером несколько членов Политбюро: Молотов, Берия, Калинин, Маленков, кажется, Андреев и я находились в кабинете Сталина...». Вранье начинается. На самом деле в этот день Сталин работал в своем кабинете с 15.30 до 3.40 утра уже 19 мая. За это время у него побывало 14 человек (вернее, 12, поскольку Молотов и Маленков заходили дважды). Микояна среди них, увы, опять не было, как, впрочем, и упомянутых им Калинина с Андреевым. Об этом же дне врал в своем докладе на XX съезде и Хрущев, но у того дело происходит не в служебном кабинете, а на даче.

А Микоян продолжает рисовать: «Мы уже знали, что Сталин отклонил просьбу Военного совета Юго-Западного направления прекратить дальнейшее наступление на Харьков из-за угрозы окружения». На самом деле никакой «просьбы» не было. Однако начать надо издалека.

Главкомандование Юго-Западного направления 22 марта 1942 года за подписями Главкомандующего Тимошен-

ко, члена Военного совета Хрущева и начальника опергруппы Баграмяна (вскоре начальника штаба) представила в Ставку чрезвычайно оптимистический доклад об обстановке на фронтах направления, которых было три. Доклад очень большой. Поэтому я ограничусь цитированием лишь отдельных фраз, характерных для его сути и духа: «Мы взяли в свои руки инициативу, нанесли противнику чувствительные потери, освободили значительную территорию... Особенно эффективными оказались действия на стыке ЮЗФ и ЮФ, где удалось прорвать укрепленную полосу противника и нанести ему значительные потери... Одновременно наши войска заняли выгодные позиции для развития наступления на Харьков. Только недостаток сил и средств не позволил добиться окончательного разгрома врага и освобождения Харькова... Противник доведен до такого состояния, что неспособен предпринять операцию с решительной целью. Учитывая упадок наступательного духа пехоты противника...». И в таком бодром духе весь доклад.

А вывод такой: «Войска ЮЗ направления должны стремиться разгромить противника и выйти на средний Днепр (Гомель, Киев, Черкассы) и далее на фронт Черкассы, Первомайск, Николаев». То есть общей протяженностью направления в 1073 километра прорваться на глубину до 600 километров. Каков размах! И для этого требовалось только одно — еще около 30 дивизий.

Ставка отклонила план Военного совета ЮЗ направления: возможности дать дополнительно 30 дивизий не было. Не утвердила и несколько более скромный план. А утвердила в конце концов операцию по освобождению только Харькова. Это не 600 километров, а всего 40-45, и по фронту не тысяча с лишним, а раз в пять короче.

А дело обернулось так: вечером 17 мая Василевский, докладывая Сталину о критичности обстановки, предложил прекратить наступление. Василевский, а не Военный совет направления. На другой день, 18-го, Генштаб еще раз предложил прекратить наступление. Генштаб, а не ВС. А Тимошенко и Хрущев, наоборот, продолжали слать бодрые доклады.

Например, именно за этот день 18 мая полковой комиссар П.Н.Гапочка, порученец Хрущева, по его поручению доносил в Ставку: «Войска Юго-Западного фронта с утра 18.5 продолжали наступление... 21 армия перешла в наступление... Подбито 8 танков... 28 армия перешла в наступление... 38 армия перешла в наступление... 6 армия перешла в наступление, отражая контратаки пехоты и танков противника... Группа Бобкина перерезала дорогу Красноград-Полтава... ВВС фронта произвели 322 самолетовылета. Рассеяно и уничтожено до 150 человек пехоты. Выведено из строя 20 танков, разбито 24 автомашины, 8 орудий, подожжен один эшелон (50 вагонов), сбито 7 самолетов... Части 9 армии с боями организованно отходят на новые рубежи» (ВИЖ №2'90, с.35). Это донесение было отправлено 19 мая в 02.00 часов. А в 13.35 того же дня состоялись переговоры по прямому проводу между Тимошенко с Хрущевым и Василевским. Первый, в частности, заявил: «Мы решили взять для удара с целью разгрома группировки противника, наступающего на Изюм, все, что только можно... Всеми силами и средствами обрушиться на южную группировку противника и разгромить ее».

В 19.00 этого же дня Тимошенко, Хрущев и начальник штаба направления Баграмян подписывают приказ войскам Юго-Западного фронта — «с целью разгрома противника на изюмском направлении и обеспечения дальнейшего наступления на Харьков» и приказ войскам Южного фронта — «с задачей окружить и уничтожить барвенковскую группировку противника», и опять же — «с целью обеспечения дальнейшего развития наступления на Харьков» (Там же, с.37-38). И даже в донесении, посланном в Ставку 21 мая в 19.00, говорилось: «подготавливаем удар по чугуевско-балаклеевской группировке противника. Ориентировочное начало наступления с утра 23.5». (Там же, с. 39).

И во всех этих документах — ни слова с просьбой о прекращении наступления на Харьков.

Да, Тимошенко, Хрущев и Баграмян «сумели убедить И.В.Сталина, что опасность сильно преувеличена и нет оснований прекращать операцию» (ИВМВ, т.5, с.130). То есть они

действовали обратно тому, что говорил об этом Микоян, выгораживая своего друга. И маршал Жуков позже вспоминал: «Ссылаясь на эти доклады (Тимошенко и Хрущева) о необходимости продолжать наступление, Верховный отклонил соображения Генштаба». Действительно, непросто решить, чью позицию поддержать — офицеров Генштаба, сидящих в Москве, или многоопытных военных специалистов, все происходящее видящих своими глазами? Увы, в данном случае издаleка оказалось виднее.

Только во второй половине дня 19 мая Тимошенко отдал приказ о переходе некоторых частей к обороне, но было уже поздно: 23 мая немцам удалось окружить наши войска. В плен попали 207 тысяч солдат и офицеров. Вырвались из окружения только 22 тысячи.

Над глупостью и несуразностью жанровой сценки, будто бы имевшей место 18 мая и изображенной дальше, можно было бы только посмеяться, если бы речь не шла о столь драматических событиях: «Внезапно раздался телефонный сигнал.

— Узнай, кто и что надо, — сказал Сталин Маленкову.

Тот взял трубку и сообщил, что звонит Хрущев.

— Чего он хочет?

— Просит разрешения прекратить наступление на Харьков.

— Передай ему, что приказы не обсуждаются, а выполняются. И повесь трубку.

Маленков так и сделал».

Хоть стой, хоть падай, хоть оперу ставь!

Но вот как завершается юмористический пассаж на трагическую тему: «Меня тогда просто поразило. — подчеркнул Микоян. — Человек звонит из самого пекла, надо срочно принять экстренные меры — и такое барско-пренебрежительное отношение со стороны лица, несущего столь высокую ответственность». Вот ведь что при большом желании можно увидеть там, где сам не был.

Особенно тягостно видеть, что в докладе Ставке от 30 мая об итогах операции Военный совет направления всю вину за

катастрофу свалил на подчиненных: «Командование армий и часть командиров корпусов и дивизий со своими штабами оказались несостоятельными руководить войсками в сложных условиях боя...Самоустранение(!) от руководства войсками армий — это одна из основных причин поражения» (Там же, с.42). Тем более тягостно это видеть, что многие командиры, которых обвиняли, погибли — Л.Б.Бобкин, А.И.Власов, А.М.Городнянский, Ф.Я.Костенко, К.П.Подлас... На их крови спекулировал и Микоян.

Но Сталин не позволил свалить вину на покойников. В директивном письме Военному Совету Юго-Западного фронта от 26 июня 1942 года с оценкой командования фронта по результатам Харьковской операции он писал: «В течение каких-то трех недель Юго-Западный фронт, благодаря своему легкомыслию, не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18-20 дивизий. Эта катастрофа по своим пагубным результатам равносильна катастрофе с Ренненкампомфом и Самсоновым в Восточной Пруссии» (в 1914 году. — В.Б.). Осудив командование фронта в целом, Сталин особенно выделил начальника штаба: «Тов. Баграмян не удовлетворяет Ставку даже как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать о положении на фронте». Действительно, это же он, окончивший две военных академии, как правило, составлял необоснованно оптимистические донесения в Ставку.

И дальше — для Тимошенко с Хрущевым: «Вы очень сочувствуете и высоко цените т.Баграмяна. Я думаю, однако, что вы здесь ошибаетесь, как и во многом другом... Тов.Баграмян назначается начальником штаба 28 армии. Если тов.Баграмян покажет себя с хорошей стороны, то я поставлю вопрос о том, чтобы дать ему потом возможность двигаться дальше.

Понятно, что дело здесь не только в тов. Баграмяне. Речь также идет об ошибках всех членов Военного совета и прежде всего тов. Тимошенко и тов.Хрущева. Если бы мы сообщили стране во всей полноте об этой катастрофе, то я боюсь, что с вами поступили бы очень круто...» (М., 1996. Русский архив. Великая Отечественная. Т.5(2). С. 264).

Нет, не позволил Верховный Главнокомандующий свалить вину на убитых.

Ну, а Баграмяну, как известно, удалось в дальнейшем «показать себя с хорошей стороны» и жесткая характеристика Сталина не помешала ему в два последующие года войны стать командующим фронта, получить звание генерала армии и Золотую Звезду Героя.

Гровер Ферр пишет, что, когда в 1956 году, вскоре после «осуждения культа личности», Микоян во главе делегации КПСС приехал в Китай на VIII съезд КПК, Пэн Дэхуай, министр оборон КНР, спросил его, почему же только сейчас осудили Сталина. Микоян, говорят, ответил: «Мы не осмеливались выступить со своим мнением в то время. Поступить так означало смерть». Китайский министр возразил: «Что же это за коммунист, если он боится смерти» (Цит. соч., с.26). Микоян лгал. Есть множество свидетельств того, как люди не соглашались и спорили со Сталиным. Даже о военном времени, когда он был не только Генсеком, но и главой правительства, председателем Ставки, ГКО, наркомом обороны и Верховным Главнокомандующим, когда вся полнота власти была в его руках, а положение на фронте доходило до отчаянной остроты, — даже о той поре маршал Жуков писал: «Стиль работы Ставки был, как правило, деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. И.В. Сталин умел слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Как я убедился за долгие годы войны, он вовсе не был таким человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы, с которым нельзя было спорить и даже твердо отстаивать свою точку зрения. Если кто-нибудь утверждает обратное, прямо скажу: их утверждения неправильные». Микоян утверждал обратное. Да еще какое!..

В конце беседы редактор Востриков спрашивает генерала Микояна: «Как вы относитесь к лозунгу(!): войну мы выиграли благодаря Сталину?» Где вы, сударь, слышали такой «лозунг»? На каком митинге? На какой демонстрации? Не можете сказать. А вот я могу сказать, где и от кого слышал такой лозунг — от Пушкина. Ну, не о Сталине, конечно, а о Кутузове:

...Народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди. Спасай!» Ты встал — и спас...

Кутузов спас Россию — да, в поэзии так можно говорить. И на митинге можно сказать, что Сталин спас Россию. Но все разумные люди понимают, что войну мы... Я не терплю тут слово «выиграли». Это не картишки и не футбол. Мы победили в войне против фашистской Германии благодаря героизму народа и его армии, которой командовали командиры-коммунисты во главе со Сталиным, благодаря силе Советской власти во главе с тем же Сталиным, благодаря организующей роли партии, во главе которой стоял все тот же Сталин, ну, и конечно, благодаря могучей советской экономике, созданной под его же руководством. Словом, роль Сталина в нашей Победе — огромна. И все не полоумные люди это понимают.

А у генерала на устах заученный ответ мечтателя о Дворянской улице: «Категорически не согласен с этим лозунгом. Войну мы выиграли не благодаря, а вопреки Сталину!» А немецкие генералы говорят: «Мы проиграли войну не вопреки, а благодаря Гитлеру!»

И вот первый микояновский довод: «Сталин — исключительно вредная для страны фигура. Он сделал много таких вещей, которые привели к тяжелой затяжной войне». А генералу хочется, чтобы война была легкой, как, допустим, война Германии против Дании 9 апреля 1940 года, в ходе которой немцы потеряли 2 солдата убитыми и 10 ранеными (ИВМВ. Т.3.С.71), и скоротечной, как пятидневная война с Грузией в прошлом году. Увы, тогда так не получилось. Война действительно оказалась тяжелой и долгой, но, уважаемый, — неужели не заметил? — ведь еще и победоносной. И вот для этого Сталин действительно «сделал много вещей».

Но Микоян упрям: «Мы совершенно не были готовы ни к какой войне!» Ну, как это ни к какой? Были же у нас и Наркомат обороны, и Генеральный штаб, и войска в двенадцати округах, и военная техника... И если бы на нас вероломно напала та же кровожадная Дания, мы разнесли бы ее в пух, может быть, даже с еще меньшими потерями, чем немцы.

А он опять: «Около 60 тысяч командиров репрессированы, из них только 9% вернулись». Любезный, надо говорить внятно, четко. Это инвалиду Гражданской войны Радзинскому простительно невнятно брехать что вздумается, а вы же генерал, Герой, да и годы почти уже мафусаиловы. Что значить репрессированы — расстреляны, посажены, сосланы? Ведь при желании и отставку, и увольнение можно отнести к репрессиям, что и делают ваши единомышленники.

Вот сейчас в стране 8 миллионов безработных. Разве это не жертвы путинских репрессий? И ведь какой масштаб! И дело доходит до самоубийств. О молодой стюардессе, по причине увольнения выбросившейся в окно, слышали? А потом — ее мать... Как же не жертвы репрессий! Или нужны еще примеры?

Сиял на заре новой жизни, кто помнит, некто Волкогон, замначальника ПУРа. Так вот был он великим мыслителем, трижды доктором наук, генерал-полковником, а все-таки не позволял себе так врать, называл лишь 36 тысяч репрессированных, а тут всего-то генерал-майор, а хватил аж 60 тысяч. Не по чину брешешь, милостивый государь. На самом деле арестовано было тогда лишь около 8 тысяч. Это следует из давно известного доклада от 5 мая 1940 года начальника Главного управления кадров Красной Армии генерал-лейтенанта Е.А.Щаденко. Так вот, 8 и 60. Коэффициент вранья 7,5. Ну, генерал...

Но он неумолим, как истинный сын своего отца: «Сталин не принимал меры по подготовке отпора агрессору». А кто еще в 1931 году, за десять лет до войны, предупредил народ: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет...» Прервемся: почему отстали? А потому именно, что веками страной правили вот эти самые дворяне, их благородия и величества, о которых вы вдруг так затосковали на исходе девятого десятка. Дальше: «Мы должны пробежать это расстояние в десять лет — иначе нас сомнут». И все было сделано, чтобы пробежать, и пробежали — опять же под руководством тирана, погонявшего нас бичом.

Но вот интересные факты, имеющие прямое отношение к вопросу о «непринятии мер». Вы сами пишете, тов. Микоян,

что нарком ВМФ адмирал Н.Г.Кузнецов приказом от 21 июня привел все флоты и флотилии в состояние боевой готовности, в результате чего в первый день войны наш флот встретил врага во всеоружии и не понес никаких потерь. Дальше вы пишете, что и «командующий Одесским военным округом генерал-полковник Я.Т.Черевиченко, не дожидаясь приказа из Москвы привел в полную боевую готовность все войска около 23 часов 21 июня». Тоже верно, только командующим был не Черевиченко (он командовал 9-й армией этого округа), а генерал-лейтенант Н.Е.Чибисов, впоследствии генерал-полковник, Герой Советского Союза. И тут результат был налицо: немцам и румынам удалось захватить Бельцы только 7 июля, Кишинев — 16-го, Измаил — 19-го, Аккерман — 28-го, а Тирасполь и вовсе — лишь 8 августа, т.е. через полтора месяца после вторжения.

А вот что имело место в соседнем Киевском округе, как писал Маршал Советского Союза И.Х.Баграмян, тогда — полковник, начальник Оперативного отдела штаба этого военного округа (вскоре — Юго-Западного фронта) в книге «Так начиналась война» (М, 1984): «Командующим армиями был отдан приказ занять небольшими подразделениями войск полевые позиции, подготовленные в предполье» (с.68). Примечательно и то, что писал генерал-полковник Л.М.Сандалов, в начале войны — полковник, начштаба 4-й армии Белорусского округа (вскоре — Западного фронта) в книге «Пережитое» (М., 1966): «С мая 1941 года все стрелковые полки дивизий первого эшелона стали выделять по одному батальону, которые посменно 1-2 недели неотлучно находились на отведенном полку рубеже в полном боевом составе и занимались усовершенствованием оборонительных позиций» (с.71). С мая!.. А еще и генерал-полковник Н.М.Хлебников, тогда полковник, начальник артиллерии 27-й армии Прибалтийского военного округа (вскоре — Северо-Западного фронта) в книге «Под грохот сотен батарей»: «Оборонительные сооружения близ границы, предназначенные для дивизий первого эшелона, были заняты небольшими дежурными подразделениями... К 20 июня полки бригады Полянского заняли и полностью оборудова-

ли назначенные им районы обороны. По фронту участок каждого полка достигал 8 километров. Оборона строилась в два эшелона. Да и на других участках артиллерия была заранее выведена на огневые позиции» (с.116).

Итак, в боевую готовность были приведены весь флот, целый военный округ и еще в трех округах заранее принимались оборонительные меры. Есть основания полагать, что Сталин имел к этому некоторое отношение. А наши неудачи в первую пору войны объясняются не только определенной неготовностью и непринятием некоторых мер, а прежде всего просто большим превосходством немцев на направлении главного удара, где против полка, оборонявшего 8 километров границы, они бросали дивизию, а также — выгоднейшим для них моментом внезапного начала агрессии и, конечно, двухлетним опытом современной войны. Между прочим, операция по захвату Дании и Норвегии имела кодовое название *Veserubung* — «Учения на Везере». Да, они учились, тренировались, отрабатывали волчью хватку, готовясь к войне с нами.

И еще: «Около года Сталин получал донесения, что Гитлер готовится к войне. Знали даже точную дату нападения — 22 июня». А он... Ну кто же мог знать точную дату да еще за год до нападения, если сам Гитлер несколько раз менял ее, пока не остановился на почти наполеоновской. И ведь информация-то была обильна и разноречива, а источники ее — порой весьма сомнительны. Вспоминается мне министр железнодорожного транспорта Н.С.Конарев, с которым мы соседствовали на даче. Он тоже негодовал: «Сталина сам Черчилль предупреждал, а он не верил!» Я спрашивал: «Николай Семенович, а кто Черчилль-то?» — «Как кто?» — недоумевал старик. Я разъяснял: Черчилль всего двадцать лет тому назад был главным организатором интервенции в Советскую Россию. Он, как позже Горбачев и Новодворская, говорил: «Цель моей жизни — уничтожение коммунизма». К тому же в те дни, когда писал Сталину, Англия уже год в одиночестве противостояла Германии, и Черчилль мог со дня на день ждать вторжения, а потому distinguished лорд был жизненно заинтересован сравнить Германию и СССР. Можно было верить тако-

му источнику? Конарев сопел и молчал. А разве можно было игнорировать тот факт, что Зорге был немцем и, как потом выяснилось, двойным агентом. Национальность — это не выдумка мракобесов.

«Сталин даже запретил сбивать немецкие самолеты-разведчики, которые свободно летали над нашей территорией». Да, летали, но кто помнил присягу и хотел сбивать, тот сбивал. Например, Ю.Г. Кисловский в книге «От первого до последнего дня» свидетельствует: «11-я линейная застава в начале 1941 года сбила ружейно-пулеметным огнем 5 (пять) из 28 низко пролетавших над ней немецких самолетов. А один самолет этой группы был подбит и совершил вынужденную посадку в районе города Сувалки» (с.38). Ах, если бы в первом из этих самолетов за штурвалом оказался Горбачев, во втором — Яковлев, в третьем — Ельцин, в четвертом — Собчак со своими учениками... Если бы так, то ведь мы сейчас опять были бы впереди планеты всей по всем пунктам!

Но вот немцы напали, и что? Да как же! «22 июня многие офицеры были в отпусках, гуляли». Правильно, было это, например, в Западном военном округе. Так что ж, Сталин или нарком обороны должны были следить за отпусками? Это дело командующего округом, в данном случае генерала Павлова, и его штаба, его заместителей. А Сталин тогда не был ни наркомом обороны, ни начальником Ставки, на Верховным Главнокомандующим.

А сам Сталин, что, тоже в отпуск ушел — как Путин накануне нападения Грузии укатил в Пекин на Олимпиаду или как Медведев в этот день бороздил воды Енисея на теплоходе? Ну, это, говорит, всем известно, «Сталин не занимался делами, не работал несколько недель. Мой брат Серго, доктор исторических наук (Еще не Герой? — В.Б.), сейчас готовит книгу об отце, тоже подтверждает: несколько недель». Это, надо думать, неделя пять-шесть? Конечно, конечно! Очень интересно...

А кто же на другой день, 23 июня, стал членом Ставки, а через две недели и возглавил ее, — может, ваш батюшка Анастас Иванович? Кто 3 июля произнес по радио великую речь, призвав народ к борьбе за честь и независимость ро-

дины — может, ваша матушка Ахшен Лазаревна? Кто 19 июля, т.е. на исходе четвертой недели войны стал наркомом обороны,- может, ваш братец Алеша? А 8 августа, как раз на шестой неделе, кто был назначен Верховным Главнокомандующим Красной Армии, — может, именно доктор исторических наук Серго, воспитанник МИМО?

А еще, чтоб вы, Микояны, знали, за одну только первую неделю войны и только в служебном кабинете у Сталина состоялось 173 встречи, беседы, совещания с политическими, военными и хозяйственными руководителями страны. А ведь разного рода встречи и совещания могли происходить и на квартире у Сталина, и на даче, в ЦК, в Совнаркоме. Ваш родной батюшка побывал за эту неделю у Сталина в кабинете восемь раз.

Из этих дней особенно увлекателен и духовит рассказ генерала о 30 июня. Накануне, говорит, Сталин приезжал в Наркомат обороны и дал там взбучку наркому Тимошенко и начальнику Генштаба Жукову. Это действительно так. Да ведь и было за что! Связь с войсками нарушена, достоверных сведений о положении дел нет... А после этого, говорит, укатил на дачу и там лег на диван и «впал в прострацию». Это генерал пересказывает своего батюшку.

Тот рассказывал Г. Куманеву: «30 июня у меня в кабинете был Вознесенский. Около четырех часов звонят от Молотова, просят зайти. Идем. У Молотова были уже Маленков, Ворошилов и Берия». Вранье начинается: Ворошилов не мог быть, он с 27 июня по 1 июля находится на Западном фронте в районе Могилева.

«Вот, — сказал Молотов, — Лаврентий Павлович предлагает создать Комитет обороны и наделить его всей полнотой власти в стране.

Мы согласились. Решили, что возглавит его Сталин. Молотов, правда, сказал, что Сталин в такой прострации, что ничем не интересуется, потерял инициативу(!), на звонки не отвечает».

Это загадочно. Какая прострация? Как это ничем не интересуется и где-то выронил и потерял инициативу? Ведь всего

несколько часов тому назад все они были свидетелями взбучки, что Сталин устроил Тимошенко и Жукову. И откуда Молотов мог знать, в каком состоянии именно теперь Сталин, если он на даче и не отвечает на звонки?

«Ни у кого из нас упадочного настроения не было» — сказал Микоян. Вот только один Сталин подкачал: прострация.

Поехали к нему на дачу. Безо всякого звонка и предупреждения — вот как я могу, скажем, зайти к соседу Куняеву? Ну, допустим. Война же... Приехали, вошли в дом. И что видят? Сталин сидит в столовой и с удовольствием ест прострацию. «Увидев нас, он буквально окаменел. Голова ушла в плечи, в расширенных глазах явный испуг. Он, конечно, решил, что мы пришли его арестовать». Вместе с прострацией.

И вот, видя человека в таком маразматическом состоянии, государственные мудрецы предлагают ему взять в свои руки всю полноту власти в такой отчаянный для страны момент. Ну не полоумие ли?

Берия перечисляет состав ГКО: «Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем — Молотов, Ворошилов, Маленков и я». Сталин сразу встrepенулся: «А Микоян? Надо включить!»

Но председателя не послушали, не включили. Почему? Думается, есть основание полагать, что Молотов или кто-то еще предвидели и гнусную роль, которую Микоян сыграет в проталкивании на XX съезде хрущевского доклада, и его гнусные воспоминания, а, быть может, и вот это интервью его сына в «Вестнике Замоскворечья». Но потом-то, в сорок втором году, Микоян, конечно стал членом ГКО. И оставался им до конца войны — без инфаркта и паралича.

В МИРЕ ТОЛОКОННЫХ ЛБОВ

Разумеется, в минувшем году, как и раньше, было много публикаций о Великой Отечественной войне, приуроченных к разным датам ее истории. Разумеется, как и раньше, при этом было явлено много нелепостей, невежества и прямой злобной клеветы. До сих пор этим в разной мере отличались покойный Д.Волкогонов, благополучно здравствующие А.Чубайс, В.Правдюк, Э.Радзинский, Н.Сванидзе, Л.Млечин, Л.Жуховицкий, С.Медведев, С.Сорокина и некоторые другие известные, даже популярные лица... Об этих толоконных лбах патриотизма, из коих никто не только не был ни на какой войне, но и в армии-то едва ли кто служил, я здесь говорить не буду. Ну, во-первых, сколько можно? Обрыдли. Во-вторых, объявились новые имена в этой теме — одни довольно известные, другие — только что с иголочки.

Вот статья «Почему ровно в четыре часа?» в «Новой газете» Акрама Муртазаева, как я понимаю, ее бывшего главного редактора. Ждать от этой газеты честное слово о войне, о Сталине, о ее героях не приходится. Судите сами. Станислав Рассадин — активный и многолетний сотрудник газеты, ее штатный обозреватель. И вот его творческий метод. Он цитирует стихи Пастернака о Сталине:

А в эти дни на расстоянье
за древней каменной стеной
живет не человек...

И критик прыгает от восторга, бьет себя по ляжкам и визжит: «Пастернак сказал о Сталине главное: не человек!..» А у Пастернака дальше так:

...живет не человек — деянье,
поступок ростом с шар земной.

Но можно ли газете, долгие годы имеющей в штате такого сотрудника, верить? Если они так выворачивает наизнанку Пастернака, в любви к которому клянутся, то что им стоит, допустим, Бушина изобразить мракобесом, как это и делает другой любимец газеты безразмерный малыш Дима Быков, которого, впрочем, именуют еще Кругом Шестнадцать..

Но все же почитаем статью Муртазова, ибо, во-первых, кажется, он уже не работает в «НГ», а, во-вторых, когда-то трудился в военном отделе уважаемой в ту пору «Комсомолки».

Часть статьи посвящена рассказу о газетной стенографистке Екатерине Благодаревой, которая долгие годы по личному почину и совершенно бескорыстно занималась розыском воинов, объявленных без вести пропавшими, и очень в этом преуспела. Замечательная женщина, благородный пример! Спасибо, месть Муртазаев, за память о ней.

Но заголовок статьи, да еще и не совсем внятный подзаголовок «Если приглаживать историю, то морщится время» никак не связаны с патриотическим деянием Е. Благодаревой, как и с сожалением автора о том, что для нынешних школьников иные знаменитые участники и когда-то известные современники войны — «неведомая планета». Значит, суть статьи в другом.

И действительно, прямо связано с заголовком вот что: «Не 22 июня 1941 года «ровно в четыре часа» мы вступили в эту войну». После того, как об этом многие годы талдычили почти все вышеназванные, автор решил внести и свою лепту: «Германия напала на Польшу, и буквально через две недели в тыл братьям-славянам ударила Красная Армия». Ну, во-первых, если уж буквально, то не через две, а почти через две с половиной. Во-вторых, почему же только славяне? В осуждаемом вами походе принимали участие соплеменники и ваши, Акрам Каюмович, и ваших коллег по «НГ» — С.Асриянца, Н.Микеладзе, А.Липского, А.Боссарт и т.д. Дурно это пахнет — все, что не нравится, валить на славян! В-третьих,

не интересовались ли вы, кому в тыл в 1920 году ударила недавно получившая независимость Польша и захватила Киев? Приходится напомнить: в тыл России и Красной Армии, которой еще предстояло разгромить Врангеля. В-четвертых, неужели вы, работник военного отдела и уже далеко не молодой человек, многоопытный (да?) журналист, не понимаете, что произошло бы, если Красная Армия не выступила и не заняла бы именно ту российскую территорию, которую Польша, пользуясь, тем, что нам еще предстояла борьба за сохранение страны в Закавказье, на Дальнем Востоке и в Средней Азии, оттяпала у нас по Рижскому договору 1921 года? Приходится объяснить: всю Польшу заняли бы немцы, на сотни километров приблизившись к нашим жизненным центрам. Как вы сожалеете, что этого не произошло!

Перед войной во всей Европе панская Польша вела самую близорукую и тупую, самую подлую и позорную политику. Вместе с фашистской Германией и Венгрией она приняла участие в разделе и грабеже Чехословакии, за что даже бесстыжий Черчилль назвал ее гиеной, а через несколько месяцев ухитрилась со своей кавалерией остаться один на один против танковых армий вермахта. Она, видите ли, уповала на заступничество Франции и Англии, с которыми имелись соответствующие договоры. Ну, совершенно, как ныне тов. Зюганов уповает на помощь церкви. А франко-англичане и не шелохнулись, с интересом глядя, как Германия кромсает Польшу. Не шелохнулась и РПЦ в ответ на призыв Геннадия Андреевича. Что ж вы, Муртазаев, даже не упомянули о предательстве западной демократии?

На пятый день с начала войны польское правительство, бросив народ, бежало из столицы в Краков, а 16 сентября — в Румынию, затем — в Лондон. В стране воцарился полный хаос. И Красная Армия выступила 17-го, т.е. только после того, как правительство, сверкая пятками, удрало за границу. Главнокомандующим у них был генерал Рыдз-Смиглы. Его стали называть Рыдз-Сбиглы.

Очень негодует автор по поводу совместного парада советских и немецких войск в Бресте. Ни время, ни участники

его не называются, и все сомнительно. Но, допустим, был парад. И жаль, конечно. Но что такое парад в масштабе не то полка, не то батальона? Спектакль. А ведь еще были и телеграммы друг к другу Сталина и Гитлера по поводу их юбилеев. Это, дядя, политика, дипломатия. Александр Невский наносил визиты вежливости с дорогими дарами в Золотую Орду. Александр Первый любезничал в Тильзите с «корсиканским чудовищем» да еще подписал оборонительно-наступательный договор с ним. Молотов жал ручку Гитлеру в Берлине. Что, вам неведомы такие дела? Где вы росли? Где окончили среднюю школу? С кем дружили? Какие книги читали, кроме исторических трудов Радзинского?

А вот вам не спектакль, не декорации, не юбилейные формальности, а реальные дела: разгромленные немцами поляки, французы, чехи, истребляемые немцами евреи воевали в рядах вермахта против СССР. Вам нужны цифры? Возьмите хотя бы это: в германской армии погибло около 50 тысяч французов («РФ сегодня» №12'06). Только погибло! Прикиньте, сколько могло быть всего. А только в плену у нас оказалось 69 977 чехов и словаков, 602 880 поляков и даже 10 173 еврея (ВИЖ № № 9'90 и 10'91). А в плен, как должен соотноситься работник военного отдела, попадают не все. Есть еще убитые, раза в три больше раненых, многие из которых вернулись домой, есть умершие от болезней, от несчастных случаев и т.д. Опять — работа мозгам. Пошевелите. Не все ж талдычить то, что другие уже давно отталдычили — об ударе в тыл дорогим братьям-славянам, о параде в Бресте и т.д.

Незадолго до 22 июня один известный и многолауреатный писатель сказал корреспонденту «Правды»: «Мы помним, как Анна Ахматова взывала из осажденного Ленинграда:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не страшно остаться без крова,
Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Я не стал бы об этом вспоминать, если бы тут не совершалась подмена и не заслонялся истинный голос осажденно-

го Ленинграда — Ольга Берггольц. Ахматова же написала это 23 февраля 1942 года к Дню Красной Армии в Ташкенте, где пули не свистели, кровли не горели и смерть от бомб никому не грозила и от голода тоже: пайки писатели получали неплохие.

А на решительное и бодрое «не страшно» вскоре достойно ответила сандружинница Юлия Друнина:

Я только раз видала рукопашный.
Раз наяву. А сколько раз во сне!
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Анна Андреевна пережила на своем веку много войн, но ничего, кроме некоторых бытовых неудобств и ограничений, ничего не знала о них. На ее долю выпали другие испытания.

Да и по существу это стихотворение неверно. В войне речь шла о сохранении, спасении всей нашей жизни, всего народа, а не только «русского слова». Оно, между прочим, и не запрещалось оккупантами. Под их контролем выходили газеты на русском языке, издавались книги, велись радиопередачи. По-другому и быть не могло: люди не знали же немецкого.

Прошло много лет. Иосифа Бродского, любимца Ахматовой, спрашивают, как он относится в гибели Советского Союза. Он недоумевает: «А что? Ведь язык-то остался». Ему только это и надо для своих сочинений.

Такую же подмену, как «Правда» с Ольгой Берггольц и Ахматовой, совершил и т. Муртазаев. Оказывается, он пошел в школу, где Е.Благодарева училась, а потом организовала музей войны. Зачем пошел? А чтобы просветить ребятушек об этой самой войне, поскольку она «оказалась закрашенной яркими красками, за которыми почти не видны великие трагедии и боль».

И вот просветитель за работой, мокрой половой тряпкой стирает яркие краски: «Мы рассказали о маршале Рокоссовском, которому следователь выбил все зубы и расплющил

молотком пальцы на ногах. И который в страшный год был выпущен на волю и ушел на войну... Он стоял на параде Победы и сиял орденами и стальными зубами».

Странно, что школьники не знают сей ужасный факт, ибо я лично читал и слышал об этом множество раз. Но странно, сведения всегда были разными. Так, большой ученый К.А.Залесский в своем дымящемся ненавистью труде «Империя Сталина» (М., 2000) уверяет, что Рокоссовскому, да, отбили пальцы, но выбили не все зубы, как пишет наш Акрам, а только 9 из 32-х, но зато, о чем Акрам подло умалчивает, — еще сломали три ребра. Со ссылкой на всеведущего мудреца Залесского это повторил знаменитый доктор исторических наук и профессор кислых щей Илизаров Борис Семенович в своем гениальном труде «Тайная жизнь Сталина» (М., 2002. С.410). Этот историк не знает даже имени Рокоссовского, пишет, что оно начиналось на букву «Г», не знает и того, как звали маршала Василевского, уверяет, что А.В. — видимо, спутал с Суворовым. И при всем том, точно знает о зубах и ребрах Рокоссовского и пишет о войне.

Кроме того, с великим изумлением я прочитал однажды у С.К-М., что вовсе не на следствии, а уже сразу при аресте Рокоссовскому выбили глаз, а насчет зубов и ребер — почему-то никаких сведений. В целом картина возникала очень похожая на ту, что Никита Михалков могучей кистью мастера изобразил в своем великом фильме «Утомленные солнцем»: среди бела дня да еще в какой-то праздник прикатили на дачу подозреваемого комдива два страхолюдных типа, схватили его, бросили в машину, избивали до полусмерти, превратив лицо в кровавую лепешку, по дороге зачем-то укокошили шофера встречной машины и т.д. Ну как было за такой фильмок не дать долгожданного Оскара! Дали. Надо же было еще добивать Советскую власть.

И ведь в его шибко дворянскую голову не приходит, что всегда и везде аресты стараются производить без шума, скрытно, предпочтительно ночью. А делают это оперативные работники в небольших званиях, думаю, не старше капитана. И скорее всего, кроме адреса, многое им совершенно не-

ведомо об арестанте: в чем подозревается и т.д. Они выполняют чисто «техническое задание»: задержать гражданина, а и в целости, сохранности доставить в пункт Б. Все! Да им же крепко несдобровать, если они доставят полутруп, как у Михалкова, или одноглазого, как у К.-М. Ведь следствию нужен человек, способный давать внятные ответы.

В последнем случае я не выдержал. Взял большую фотографию Рокоссовского и послал автору с вежливой просьбой указать, какой глаз ему выбили, а теперь там стекляшка — правый? левый? Ответа я не получил никакого. Автор так на меня осерчал, что порвал всякие отношения, до этого весьма дружеские.

Если бы знал адрес дорогого Акрама, послал бы портрет смеющегося Рокоссовского, например, в день двадцатилетия Победы рядом с Жуковым и Вершининым. Стальные зубы его так и сверкают!.. Кстати, а неужели маршал не мог вставить золотые?

Тут, Акрамчик, хуже, чем ошибка. Тут незнание масштаба фигуры Рокоссовского. Если все, что вы лепечете, было бы правдой, это давным-давно, еще во время войны, когда имя его гремело, стало бы широко известно. Как известно нам, что Кутузов был одноглаз, адмирал Исаков — без одной ноги и т.д.

Но ведь и дальше все, что написано о Рокоссовском, суший вздор. Во-первых, освободили его не в «страшный год», т.е. не в 41-м, а 22 марта еще 1940-го. И вернули звание, все награды, все гражданские права. И он сразу укатил с семьей в Сочи. Разумеется, надо было подышать морским воздухом. И смешно читать, что одноглазый, беззубый и без трех ребер Рокоссовский на изуродованных ногах «ушел на войну». Ушел!.. Он был профессиональным военным, комдивом, и его сразу назначили командиром кавалерийского, а потом механизированного корпуса.

И не «стоял он на Параде Победы», а командовал им. Неужто и этого не знаете? Неужто не видели маршала на вороном коне во время Парада? Даже фашистское телевидение иногда показывает это.

Но педагог-патриот продолжает воспитание школьников. И вот она, главная-то подмена. Оказывается, «для школьников Левитан, Кожедуб, Покрышкин, Рокоссовский — неведомая планета». Да, ужасно. Но Кожедуб сбил 62 немецких самолета, трижды Герой Советского Союза, Покрышкин — тоже трижды, Рокоссовский командовал фронтами, маршал, дважды Герой, кавалер ордена Победа. А сколько самолетов сбил Левитан? Каким фронтом командовал? Есть ли у него хотя бы, как у писателя Дмитрия Жукова, медаль «За боевые заслуги»?

Вы, т. Муртазаев, и те, кто имел отношение к публикации вашей статьи, своим невежеством, демагогией и недоумием ставите в неловкое положение хороших людей, вернее, их имена, за которые они сами, увы, не могут уж постоять. В частности, и Левитана.

Юрий Борисович Левитан был прекрасным, талантливым диктором радио, во время войны он очень выразительно читал сводки Совинформбюро о событиях на фронте и другие важные документы времени. Его голос знала вся страна, он был одной из «примет» тех дней. Но никаких подвигов он не совершил. Ежедневно приходил на работу и посредством не автомата, а голосовых связок умело делал свое дело, жизнью рисковать у него не было необходимости. Опасаться за нее он мог не больше, чем все москвичи. А вы ставите его в один ряд, даже первым в ряду действительно выдающихся героев войны, которые делали настоящие великие боевые дела и ежедневно рисковали жизнью.

После него не осталось ни книг, ни песен, ни картин. И разве можно незнание школьниками его имени ставить в один ряд с незнанием имен Жукова, Рокоссовского, Покрышкина... Ему присвоили звание Народного артиста СССР, что не идет ни в какое сравнение со званием народного артиста России, допустим, шутника Якубовича, кукурузного початка на поле чудес. На доме, где жил Левитан, повесили мемориальную доску, еще и назвали его именем морской корабль — все вполне заслуженно, и что еще можно? И надо ли что-то еще?

Но вот есть энергичные люди, которые стараются раздуть скромную фигуру заслуженного труженика эфира до

невероятных героических размеров. Так, в «Комсомольской правде», может быть, как раз, когда А.Муртазаев работал там в военном отделе, появилась статья Юрия Белкина «Победно звучал его голос». Уже заголовок — напыщенная и лживая чепуха: в иные дни войны голос Левитана звучал и драматично, и скорбно, и трагически.

Ю.Белкин писал: «Юрий Левитан рассказывал мне, что 22 июня 1941 года вызвали его на радио и сказали: «Готовьтесь. В 12 часов вам предстоит читать важное правительственное сообщение». Дальше — рассказ будто бы самого Левитана: «Заявление — несколько страничек, а читать его нет сил, к горлу подкатил комок... Собрал всю волю, включаю микрофон: «Внимание! Говорит Москва!...».

И так страна узнала о войне. Как живописно! Сколько волнующих подробностей! Какое беспардонное вранье!.. Ничего подобного всем известный тогда Левитан не мог рассказывать никому неведомому Белкину по той причине, что в 12 часов с заявлением о нападении Германии выступил по радио не диктор, естественно, а член Политбюро ЦК ВКП(б), первый заместитель председателя Правительства, Народный комиссар иностранных дел В.М.Молотов.

Несуразную чушь о том, что страна узнала о войне из уст диктора, ваша «Комсомольская правда», Муртазаев, повторяла многократно. Вот вы и решили, что Левитан в истории Отечественной войны фигура едва ли не №1. Тем более что тот же Белкин уверял, будто Гитлер объявил Левитана своим личным врагом, внес в расстрельный список первой очереди, «предлагал своим подручным сто тысяч за то, чтобы вывезти Левитана в Берлин», а «немецкая разведка разработала операцию по уничтожению или похищению Левитана, но наши чекисты сорвали планы фашистской разведки».

Я не удивлюсь, если на нашем телевидении скоро появится сериал «Гитлер и его личный враг №1». Действительно, ведь каков сюжетец для володарских! Ни Сталин, ни Жуков, ни Василевский немецкую разведку и Гитлера не интересовали, а вот кровь из носа — подай им Левитана!

Никакого списка «личных врагов фюрера», разумеется, не существовало. А если бы Геббельс вздумал составить его, то из деятелей нашей культуры первым стоял бы там Илья Эренбург за свои едва ли не ежедневные пламенные антифашистские статьи в «Правде» и «Красной звезде», которые читали все — и на фронте и в тылу, вторым — Константин Симонов хотя бы за стихотворение «Убей его!», третьей — Ольга Берггольц...

От конкретных личностей гражданин Муртазаев порой переходит к новостям о целых сражениях. И вот они, его новости: «Мы рассказали школьникам, что здесь под Москвой обороняющиеся войска потеряли солдат втрое больше, чем наступающие». Оцените политкорректность воспитателя-патриота: не «защитники родины», «не ваши отцы и деды», а — «обороняющиеся», не «фашистские захватчики», не «гитлеровские оккупанты», а «наступающие». Как Виктор Гусев о футбольном матче.

И дальше: «Хотя по всем военным законам все должно быть наоборот». Ах, законник!.. Никаких цифр он не знает, они его никогда не интересовали, но вот военные законы — тут он знаток. А лучше подумал бы, по каким законам с такими познаниями о войне стал сотрудником военного отдела популярнейшей столичной газеты, по каким законам с таким содержимым черепной коробки стал главным редактором «Новой газеты».

И в заключение вот что: тебя, милок, судить надо за профессиональное невежество, лживость и нравственное расщепление малолетних.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ ВНЕПОЛОВЫМ ПУТЕМ – 1

Мой давний товарищ М., зная, что я написал книгу об А.Солженицыне («Гений первого плевка». Алгоритм, 2003, 2005 и 2006) прислал мне статью известного писателя Григория Бакланова «Кумир», напечатанную в «Международной еврейской газете». В статье речь идет о Солженицыне. А у меня на столе в это время как раз лежали только что вышедшие в том же «Алгоритме» две книги неизвестного мне Якова Рабиновича — «Быть евреем в России: спасибо Солженицыну» (700 стр.) и «Россия еврейская» (382 стр.). И в них тоже о моем персонаже: это как бы ответы еврея на его двухтомник «Двести лет вместе», посвященный русско-еврейским взаимоотношениям.

Понятно, что статья и книги сразу заинтересовали меня уже одним присутствием в них моего героя, но по мере чтения обнаружилось, что все в них на сей счет мне давно и хорошо известно, кое в чем даже лучше, чем им, однако у обоих авторов оказалось немало увлекательного и помимо темы Солженицына. Судите сами.

Кто написал «Архипелаг»?

Г. Бакланов уже не первый раз замечает: «Литература опасный род занятий: пишешь про кого-то, а сам ты виден на просвет». Правильно. И дальше: «Солженицын, проявляя поразительное невежество, пишет...» Да, невежество нобелевского лауреата столь поразительно, так изумляет и ошарашивает, что закрадывается сомнение: да он ли, русский человек, имеющий за плечами Ростовский университет и два или три курса знаменитого Московского института философии, литературы и истории,

сам ли писал, допустим, «Архипелаг ГУЛАГ»? Ведь чего стоит там одно лишь утверждение, что «из-за болот и лесов Наполеон не нашел Москвы» (Архипелаг ГУЛАГ. УМСА-PRESS, Париж, 1973, Т.1, с.387). Какой русский хотя бы с семилетним образованием в шестидесятых годах прошлого века мог написать такое? А там — вороха подобных сведений! Уж не говорю об орфографических нелепостях. Как тут не прислушаться к голосам, уверяющим в иностранном происхождении «Архипелага». Например, в книгах Н.Федя «Литература мятежного века» (М., 2003), А.Огнева «Контрреволюция и литература» (Тверь, 2007). В этих публикациях есть такие вот строки из мемуаров американского посла в СССР Д. Бима: «Когда мои сотрудники в Москве принесли мне ворох листов за подписью Солженицына, я сначала не знал, что с ними делать. Когда же засадил за редактирование и доработку этих материалов своих редакторов, то получил «Архипелаг ГУЛАГ». Проведенная по всему миру реклама этой книги нанесла мощный удар по СССР» (Н. Федь, с.512; А. Огнев, с.145; Правда, 25.2.1997). А сей Бим вот как упоминается в секретной записке председателя КГБ Ю.В.Андропова от 10 апреля 1972 года в ЦК КПСС: «Полученным данным, РОСТРОПОВИЧ, на даче которого продолжает проживать СОЛЖЕНИЦЫН, 27 марта посетил посла США Бима и беседовал с ним в течение двух часов. А 9 апреля он посетил посольство ФРГ» (Кремлевский самосуд. М., 1994 с. 221). Конечно, среди американских «редакторов» могли найтись такие, что не ведали о Наполеоне в Москве и могли насовать в книгу таких вот красот: Вячеслав, Керилл, Кишенев. воспоминания, карикатура, в Поволжье и т.д. Да, дремучесть жуткая.

Но Бакланов-то, воспитанник Литературного института, державный лауреат и многократный орденосец тоже, знаете ли... Конечно, слово «невежество» тяжеловесно, если я приложу его к Григорию Яковлевичу, то немедленно буду объявлен антисемитом. А вот его коллега и брат Я. Рабинович изобрел и навешивает на противников весьма деликатное украшение — «забавные детали антинаучности». И, следуя его примеру, смело можно сказать, что в статье Бакла-

нова «Кумир» немало таких забавных деталей. Причем они разбросаны по самым разным сферам человеческой деятельности и знаний, по разным эпохам — от древнейших времен до наших дней. Есть, к сожалению, и не очень забавные.

Писатель Бакланов и матрос Железняк по дороге в Рим и Одессу

Г. Бакланов писатель в основном военный, и военная тема интересует его всегда, а в этой статье он упоминает даже об Иудейской войне первого века нашей эры. Казалось бы, за давностью времен нам тут можно молча пройти мимо, но есть в этом упоминании одна уж очень характерная деталька антинаучности: «2000 лет назад римляне победили не покорившихся им иудеев и по дороге от Иерусалима до Рима распяли на крестах воинов-иудеев». Никто, разумеется, не намерен оправдывать свирепость римлян, но из сказанного видно, что писатель-воин просто не представляет себе, где Рим, а где Иерусалим и как могла пролегать между ними та кровавая дорога.

Во-первых, сплошь сухопутной дороги не было и нет. Если двинуть из Иерусалима на север через нынешнюю Сирию, потом — почти через всю Турцию на запад, то дальше надо преодолеть Босфорский пролив и добраться по территории нынешней Греции до Албании, которую от Италии отделяет Адриатическое море. Но как ставить кресты на проливах и морях? К тому же это тысячи километров. А если от Иерусалима двинуть на юг, потом по Северной Африке — на запад через нынешний Египет, Ливию, Алжир, Марокко, то опять же на пути водная преграда — Гибралтарский пролив, а затем — Испания и Франция. Этот путь раза в три-четыре длиннее северного. Нет, не были римляне такими кровавыми показушниками, чтобы чуть не весь тогдашний мир опоясывать крестами с распятыми. Да и в плен они захватили всего несколько тысяч воинов. Как ими разукрасить такую длинную дорогу?

Видимо, писатель спутал Иудейскую войну (66 — 73 годы) с восстанием гладиаторов и рабов под руководством Спартака (74—71 годы до н.э.). Тогда, с великим трудом подавив восстание, римляне действительно утыкали одну дорогу крестами с распятыми, но она была всего в несколько десятков километров — от Капуи, где в школе гладиаторов зародилось восстание, до Рима. Пожалуй, сей пассаж с превращением такой дороги в тысячекилометровый крестный путь еврейских воинов стоит солженицынского Наполеона, который, как матрос Железняк, что «шел на Одессу, а вышел к Херсону», заблудился в русском лесу и чуть не утонул в русских болотах. Метаморфозы, подобные многократному преувеличению крестного пути евреев-воинов, не есть ли одна из причин того, что кое-кто сомневается в достоверности цифрового выражения Холокоста?

Звонок из инстанций

Игнорирование реальных обстоятельств, простой и здравой житейской логики весьма характерно для Г.Бакланова. Вот пример совсем из другой области. Он писал, что в 1973 году, когда вышел солженицынский «Архипелаг», некие высокие инстанции очень упорно добивались его подписи под осуждающим книгу заявлением и без конца названивали по телефону, а он вскоре перестал отвечать. Но однажды, говорит, телефон трещал 21 минуту, и только на 22-й я снял трубку. Очень увлекательная деталька! Но, во-первых, никак не доказано, что это звонили именно некие «инстанции» и именно по данному поводу. Во-вторых, невозможно представить, чтобы на том конце провода кто-то столько времени ждал ответа. В-третьих, ну как поверить, что и сам Бакланов по часам следил, сколько минут длится звонок. И наконец, так ли уж нужен был инстанциям непременно Бакланов, когда и без него хватало писателей, которых возмутил «Архипелаг», и они откровенно объявляли об этом в статьях и коллективных заявлениях. Так что, дотошные подробности вплоть до 21 минуты работают против автора и рождают сомнение.

Черта оседлости и крепостное право

Из невоенных суждений Бакланова можно отметить его замечание о том, что-де, в отличие от украинцев и грузин, башкир или калмыков, «евреи в состав России не просились, их присоединили». Что значит «не просились»? А как они могли проситься, если не имели своего единого «состава», т.е. хоть какого-то подобия государственного образования, как названные выше народы? А вот, так сказать, в частно-индивидуальном порядке приходили из дальних земель, селились, делали свое дело... На сей счет есть сведения даже времен седой страны — от летописца Нестора, монаха Киево-Печерской лавры, современника Владимира Мономаха (1053—1125).

Вполне возможно, как очевидец, он рассказывает об одном бурном событии того времени: «Киевляне, не хотя иметь Святославичев, возмутились и разграбили дома тех, которые о Святославичах старались. Первее дом Путяты тысяцкого, потом жидов многих побили и дома их разграбили за то, что сии многие обиды в торговых делах Христианам и вред чинили. Множество же их, собрався в их синагоге, огородея, оборонялись, елико могли, прося времени до прихода Владимира. Вельможи киевские, видя такое великое смятение, и большего опасаясь, послали ко Владимиру, прося, чтобы немедля пришел и народ мятущийся успокоил...» Когда князь явился, «просили его всенародно об управе на жидов, что отняли все промыслы и при Святополке имели великую свободу и власть, через что многие купцы и ремесленники разорились, за что хотели всех побить и дома их разграбить».

Здесь упомянут тот самый князь Святополк, старший сын Владимира Святого, который убил своих трех братьев, чтобы завладеть их уделами, а потом с помощью поляков и печенегов захватил Киев и княжил в нем с 1015 года до 1019-го, когда, был изгнан Ярославом Мудрым. Народ не забыл мерзавца и дал ему прозвище Окаянный. Тем более, помнили его киевляне той поры.

А Владимир Мономах тогда ответил киевлянам: «Понеже жидов всюду и в разных княжествах вошло и населилось много и мне не пристойно без совета князей, паче же против правости, что они допущены прежними князи, на убивство и грабление их позволить, где могут многие невинные погибнуть. Для того немедленно созову князей на совет». Да, чтобы все было демократично.

И вот князья съехались. Это был Первый антиссионистский конгресс на Руси. Князья тоже не с кондачка, а «по долгом рассуждении установили закон таков: «Ныне из всей Русской земли всех жидов со всех их именем выслать и впредь не впускать; и если тайно войдут, вольно их грабить и убивать».

И Нестор заключает: «И послали по всем градам о том грамоты, по которым жидов немедленно выслали, но многих по градам и на путях своевольные люди разграбили и побили». И вывод: «С сего времени жидов на Руси нет, и когда который приедет, народ грабит и убивает».

Но мы знаем, что, несмотря на такую суровость закона Первого антиссионистского конгресса русских князей, евреи однако же приезжали в Россию, селились, имели и имеют здесь «великую власть и свободу», завладевали промыслами и газетами, потом — телевидением, и творили многие обиды Христианам, — такие, например, как эта статья Григория Бакланова, который дальше пишет: « их присоединили. И тут же прочертили черту, за которую им и ногой ступить не разрешалось».

Черту оседлости установили в 1791 году, и охватывала она 15 губерний — целое государство, и большое! — внутри этих губерний евреи могли жить и перемещаться как угодно. А вот русские крестьяне еще за триста лет до этого на своей родной земле по царским указам и по Судебнику 1494 года стали крепостными, т.е. бесправными рабами помещиков, их можно было и продать и обменять на что угодно, например, на породистую собаку (см. хотя бы сцену охоты в «Войне и мире» Толстого). Евреям в черте оседлости ничто подобное не грозило. Не слышно, чтобы Иванов продал Петрову Абрамовича или Сидоров обменял Рабиновича на бульдога.

Это различие полезно помнить. Тем более, что Бакланов тут же признает: «Никогда никакая черта не сдерживала расселение народов. Не помешала и черта оседлости». Да, тут он прав: ничуть не помешали евреям ни Антисионистские конгрессы, ни черта оседлости. Действительно, задолго до революции в Петербурге, Москве и других крупных городах Центральной России появилось множество Минских, Могилевских, Житомирских, Слонимских, Шкловских, Смелянских, Ямпольских, Сарновых... Это все из-за черты оседлости, из городов и местечек — Минск, Могилев, Житомир, Слоним, Шклов, Смела, Ямполь, Сарны...

А кого из нынешних князей следуем называть Окаянным, это все знают.

Дорога на Хельсинки и в Москву

Возвращаясь к военной теме, перенесемся через столетия к Финской войне. И здесь мы обнаружим у писателя явно антинаучные детальки, правда, отнюдь не забавные: он обызывает эту войну «позорной» для нас.

С какой же стати? Ее целью было вполне естественное желание в условиях начавшейся мировой войны по возможности обезопасить вторую столицу государства, которая находилась всего в 32-х километрах от госграницы. И это советское руководство намеревалось осуществить мирным путем: в обмен на Карельский перешеек, откуда дальнобойные орудия могли обстреливать Ленинград, оно предложило финнам территорию в два раза большую. Может ли Бакланов привести второй подобный пример в мировой истории? Уж не предлагали ли, например, США соседке Мексике взамен оттяпанной у нее половины территории хотя бы один из 24-х Гавайских островов?.. Финны, за спиной которых стояли Германия, Франция и Англия, отказались от добрососедского обмена. А в результате через три с половиной месяца не мы явились в Хельсинки просить мира, а финны после прорыва линии Маннергейма, открывшего дорогу к их столице, примчались в Москву и подписали мир на наших условиях. В итоге

мы добились всех целей, которые ставили: отодвинули границу, получили военную базу на полуострове Ханко (Гангут) и т.д. Но, между прочим, при этом совершенно добровольно передали финнам район Петсамо с незамерзающим портом и огромными, крупнейшими в Европе залежами никелевой руды, а это — стратегическое сырье. Вот так позор!.. И вскоре, когда Финляндия вместе с Германией, несмотря на договоры с ними, подло напали на Советский Союз, все, достигнутое в той войне, нам очень пригодилось. Вспомним хотя бы 160-дневную оборону Ханко в тылу агрессора, в ходе которой было отбито 36 яростных штурмов, а затем эвакуировано в Ленинград свыше 22 тысяч солдат и матросов с оружием и техникой.

Позорные войны, о коих не слышал военный писатель

А позорной, Григорий Яковлевич, была для нас война с Японией в 1904—1905 годах, в которой мы потеряли 270 тысяч солдат и офицеров, почти весь Тихоокеанский флот, а по унижительному Портсмутскому договору — половину Сахалина, Порт-Артур и часть КВЖД. Но, слава Богу, в 1945 году Красная Армия смыла этот позор и все вернула.

Позорным был и разгром франко-английских и бельгийско-голландских войск в мае — июне 1940 года. Тем более позорным, что это было не внезапное нападение, как японцев на нас в 1904 году или немцев в 1941-м при договоре о дружбе, а удар на девятом месяце войны, когда войска союзников были давно отмобилизованы, вооружены и занимали надежные оборонительные позиции, включая линию Мажино. Тем более позорным, что силы союзников превосходили немецкие: 147 дивизий против 136. Тем более что для полного разгрома немцам потребовалось всего четыре недели. И тем более, наконец, что французы не смыли этот позор: их родину после наших сокрушительных ударов освободили американцы, англичане да канадцы.

Позорной была и война США против Вьетнама. Тем более позорной, что эта небольшая страна находится не под боком

у американцев, как Финляндия у нас, а за тысячи миль на другой стороне Земли и не могла представлять для них никакой опасности. Тем более позорной, что ведь агрессор действовал при поддержке войск 15-ти союзников по НАТО. Тем более, что война длилась 16 лет, и за такой срок американцы ничего не добились, не образумились, а, потеряв около 40 тысяч солдат и офицеров убитыми, более 150 тысяч ранеными, наконец убрались восвояси. Так же позорны бандитские войны США против Югославии, Афганистана, Ирака. Надеюсь, Григорий Яковлевич, сами понимаете почему.

По стопам ненавистного Солженицына

Но вот началась Вторая мировая. Франция разбита и оккупирована. Что дальше? Бакланов пишет: «Гитлер готовил высадку в Англии». Участнику войны да еще и военному писателя надо бы знать: немцы жестоко бомбили Англию, но никакую высадку всерьез не готовили, а уже с октября 1940 года лишь создавали видимость ее подготовки с целью дезинформации Советского Союза, на который вскоре и напали.

Что пишет Бакланов о Великой Отечественной? Ну, как у них заведено, первый удар по Сталину: «На десятый день войны перетрусивший Сталин обратился к народу: «Братья и сестры!..» Не на десятый, Григорий Яковлевич, а даже на двенадцатый. А известно ли вам, что Гитлер, у которого было все расписано по плану и все в руках, выступил перед народом только в октябре, объявив, что «враг разбит и никогда уже не поднимется». Т.е. лишь тогда, когда пришел к выводу, что дело сделано, победа в кармане. А 22 июня он отделался меморандумом, который Геббельс зачитал по радио. Надо же соображать, сколь грандиозное событие произошло 22 июня 1941 года, а слово Сталина в стране и во всем мире было так весомо, что суетиться с поспешными заявлениями он просто не имел права, надо было составить хотя бы предварительное представление о масштабе и характере событий. Тем более, что в первый же день выступил по радио не кто-нибудь, а его первый заместитель в правительстве, нарком иностранных дел и член Политбюро В.М.Молотов. Маниакально

твердя о позорных, мол, «десяти днях» Сталина, кто из вашей дружной артели интересовался, выступали ли с речами главы правительств или министры иностранных дел Польши, Франции, Англии да и самой Германии в первых числах сентября 1939 года, когда последняя напала на первую? Выступил ли Рузвельт 7 декабря 1941 года после удара японцев по Перл-Харбору?.. А 22 июня выступил по радио только Черчилль. И как не понять: это же был счастливейший день его жизни.

И потом, когда немцы были всего в нескольких десятках верст от Москвы, Сталин произнес мужественные речи 6 ноября на заседании Моссовета и 7-го на Красной площади во время устроенного по его приказу военного парада. А где был и чем занимался Гитлер, когда Красная Армия была на таком же расстоянии от Берлина? Он метался по бункеру и визжал: «Где армия Венка?! Предатели! Труссы! Почему молчит Венк?..» А потом затеял предсмертное венчание с Евой Браун. Что еще оставалось?.. Об этом у вас, коллега, — ни слова.

А «перетрусивший Сталин» — это не что иное, как плагиат у ненавистного вам Солженицына. Тот писал в «Архипелаге», лживость которого вы до сих пор не раскусили и умиляетесь им, что речь 3 июля произнес «полуплачущий Сталин», а какие-то рязанские мужики, слушая его, потешались над ним. И было это, говорит, у кузни, где висел репродуктор. Да кто ж его именно там, где вечный грохот и звон, приспособил? Находили более подходящие места — сельсовет, клуб, библиотека. И вся ваша брехня о войне и о Сталине — как этот репродуктор у кузни.

Литературная вдовица о Сталине

Недавно у Бакланова с Солженицыным объявилась в этом вопросе лихая единомышленница — семидесятилетняя Ольга Мирошниченко, знаменитая вдова Георгия Березко, Юрия Трифонова и, кажется, Зиновия Гердта. Она сочинила сногшибательный роман о Надежде Аллилуевой, по которому мадам Тодоровская поставила ошеломительный фильм, недавно показанный по телевидению. А потом вдову надоумило еще и дать интервью для «Эхо Москвы». Там она сказа-

ла о Сталине: «Не мог он себя взять в руки и выступить перед страной, когда началась война, ну не мог...Он был слабак, понимаете? Как личность он был слабак. Понимаете? Он испугался войны. Понимаете?»

Да как же не понять! Не только он испугался. Взять хотя бы одного из мужей Мирошниченко. В биографическом словаре писателей XX века (М., 2000) о нем сказано: «Когда началась война, он уехал в Среднюю Азию...» (с. 693). А ему предстояло скоро идти в армию. И просидел он в Средней Азии, вероятней всего, в урючном Ташкенте, аж до 1944 года, когда Красная Армия уже изгнала захватчиков. И в армию он ухитрился так и не попасть, что, впрочем, не помешало ему вскоре после войны получить Сталинскую премию хоть и третьей степени, но все же...

А Сталин в первые же дни войны не иначе, как с испугу, нахватал важнейших и ответственных должностей: оставаясь Генсеком и Предсовмина, стал еще наркомом обороны, председателем Ставки и Верховным Главнокомандующим. Вот уж слабак так слабак!

Бакланов заканчивает заявление о речи Сталина гневно: «А потом этих братьев и сестер — в лагеря за свой позор». Опять никакого соображения! Как так «этих»? Совсем не «этих». Со словами «братья и сестры», как правильно сказано в начале цитаты, Сталин обратился ко всему народу, а в лагерях никогда не бывало больше 1—2 процентов его, в большинстве своем — уголовников. А это народ?

Наконец, о каком «позоре» Сталина, руководителя страны, партии и армии, идет речь после разгрома фашистской Германии, спасении родины и всей Европы? Как видно, Бакланов не только Финскую, но и Великую Отечественную считает позорной. Увы, в этом возрасте еще и не то случается...

Солженицын добровольцем не был. А Бакланов?

Но вернемся к началу войны. Бакланов пишет: «Десятки тысяч шли на фронт добровольно». Правильно. Даже не десятки, а сотни тысяч, было народное ополчение, были добро-

вольческие дивизии, корпуса. Но иногда встречаются здесь неточности. Например, в помянутом «Словаре» говорится: «Осенью 1941 года Бакланов ушел добровольцем в армию. Был самым молодым солдатом в полку» (с.63). Так писала недавно в «Международной еврейской газете» и критик Белая. Но сам Бакаланов сообщает вот что: «Когда осенью сорок первого года немцы подходили к нашему городу, мы эвакуировались» («Пядь земли». Кишинев, 1983, с. 537). Куда выковыривались? На какую-то станцию «далеко за Пермь» (там же, с.538). Так по какому направлению двинулся юный патриот — на запад или на восток, на фронт или во глубину уральских руд? А жил Бакланов в Воронеже. Но осенью сорок первого, даже в самом конце октября, немцы еще не «подходили» к Воронежу, а были километров за 400 от него, на их пути к нему лежали Рыльск, Льгов, Курск, Щигры, Косторное. Они вторглись в Воронеж только в июле сорок второго. Так что, картина получается весьма загадочной. Когда же из-за Перми автор прибыл на фронт и, как сказано в справочнике «Кто есть кто в России» (М.,1997), «начал войну в пехоте»? Не совсем понятно. Но как бы ни было, в самом начале осени, в первых числах сентября 1941 года, Бакланову исполнилось 18 лет — призывной возраст! Пора стричься наголо. Какой же это доброволец?

Удивителен рассказ Бакланова и о том, как он оказался в армии: «На ту станцию, куда мы эвакуировались (он ее почему-то не называет. — *В.Б.*) прибыл вырвавшийся из окружения арtpолк». Прибыл, разумеется, для пополнения и переформирования. Но — не куда-нибудь, а именно «далеко за Пермь» в предгорье Урала? Странно, однако — допустим. И вот молодой человек является прямо в штаб к командиру и просит взять его в армию, зачислить в полк. Так поступали мальчишки и подростки, становясь «сынами полка», а тут парень, которому идет девятнадцатый год, призывник. Да почему же не через военкомат, как все ровесники?

Происходит столь же странный разговор. Комполка спрашивает: «Вы буссоль знаете? А стереотрубу? А телефонный аппарат?» Что за чушь! Перед ним вчерашний школь-

ник, он, конечно, ничего этого не знает. Никаких экзаменов призывникам никто никогда не устраивал, а только — медосмотр, о котором здесь — ни слова. «Я понял, — пишет автор, — что меня не возьмут (Как будто брали только тех, кто знал буссоль! — В.Б.). И тогда сказал, что на фронте погиб мой брат и я хочу на фронт». А брат погиб «на подступах к Москве», т.е. в октябре — ноябре или даже в декабре сорок первого. Вот после той поры, выходит, Бакланов и попал в армию. Ему было хорошо за 18. Поэтому странно и то, что он говорит: в феврале 1942 года «я был самым молодым в полку». Почему? Восемнадцатилетних было множество. И я в том же сорок втором оказался на фронте в 18 лет.

Среди первых фронтовых впечатлений Бакланова тоже кое-что удивительно. Он пишет, что 34-ю армию, куда он попал, не снабжали питанием: «Нам говорили, что все (!) продукты отсылают в другую армию», т.к. она выполняет более важную боевую задачу. Кто говорил, какая это была армия, по обыкновению умалчивает. А позже я узнал, говорит, что и ту неназванную армию не снабжали, уверяя и ее солдат, что «все (!) продукты отсылают нам, в 34-ю армию, потому что основные бои идут у нас» (там же, с.536). В состав 34-й армии входили пять дивизий — три стрелковых и две кавалерийских, — а также ряд отдельных частей. Это тысяч 50 человек, а то и больше. В той, неназванной, надо полагать, примерно столько же. Так вот, две армии, более 100 тысяч человек вели упорные бои, но их не кормили, морили голодом, куда-то девая все продукты, предназначенные им, уверяет писатель-фронтовик. Таковы, дескать, были порядки в Красной Армии, такие вояки были снабженцы... На каких идиотов, Гриша, ты рассчитывал?

Все в жизни у него по плану

Бакланов корит Солженицына тем, что он не пошел на фронт добровольцем. Так ведь огромное большинство шли на фронт просто по повесткам. Тут возникает другой вопрос: не хотел ли Солженицын вообще улизнуть от армии?

Александр Островский в книге «Солженицын. Прощание с мифом» (М., «Яуза», 2004) пишет: «Очень странно, что Солженицына призвали в армию только через четыре месяца после начала войны. (По Указу Президиума Верховного Совета 22 июня 1941 года его возраст призывался в первую очередь. — В.Б.). И почти невероятно, что его, окончившего физико-математический факультет университета с отличием, в условиях нехватки офицерских кадров, направили в обоз» (с.29). Сам Солженицын в автобиографии для Нобелевского комитета писал, что оказался в обозе «из-за ограничений по здоровью». Его первая жена Н. Решетовская писала: «Саня был ограниченно годен к военной службе, виной была его нервная система». «Все, что до сих пор известно о нем, — резонно замечает А.Островский, — свидетельствует: его «нервной системе» можно только позавидовать» (там же). Воистину так!

Однажды Твардовский и Владимир Лакшин уговаривали его вести себя сдержанно и разумно, не выходить из себя, не взрываться на предстоявшем заседании Секретариата СП, на котором будут обсуждаться его дела. И он пишет в «Теленке»: «Открою вам тайну, — сказал я им. — Я никогда не выйду из себя. Я взорвусь только по плану, если мы договоримся взорваться, на девятнадцатой минуте или — сколько раз в заседании. А нет — пожалуйста, нет» (с.181). Или вот ведет важный разговор и признается: «Я из роли — ни на волосок» (с.331). Т.е. из роли, которую заранее себе назначил и спланировал.

Но можно говорить не только о железных нервах. В студенческие годы он предпринимает с приятелем длительные путешествия на велосипедах по Украине, по Кавказу, на лодке — по Волге, потом — почти два года на фронте, восемь лет лагерей, перенес болезнь, операцию, вышел на свободу, и опять бесконечные путешествия, в том числе, как в молодости, и на велосипеде, наконец, дожил почти до 90 годов. Какие же ограничения по здоровью? Какие нервы? Все тут было в полном и поистине завидном порядке.

А правда состоит, как видно, в том, что справку об ограниченной годности Солженицыну еще до войны помог полу-

чить отец его школьной подруги Лиды Ежерец, который был врачом, — так Островскому рассказала Решетовская. Между прочим, мы с Баклановым знали Ежерец как Лидию Александровну Симонян. Она в Литинституте читала нам курс современной западной литературы.

Должно быть, эта справка помогла и отсрочить призыв на четыре месяца, и попасть в обоз. Но потом, видимо, все-таки нависла угроза отправки на фронт, несмотря на справку. И вот тогда, писал Солженицын в той же автобиографии, «сверхсильным напором я добился перевода в артиллерию». Ну, не в артиллерию, а в артиллерийское училище. Он попал туда в апреле 1942 года и прокантовался там до февраля 1943 года. А что это был за «сверхсильный напор» рядового обозника остается только гадать. Несомненно одно: действительно ограниченно годного в офицерское училище не приняли бы. Это я знаю по себе: в том же 1942 году именно по здоровью меня не приняли в офицерское училище и направили в Гороховецкие лагеря, а оттуда — примехонько на фронт.

Солженицын отдает на съедение КГБ детей. Чьих?

Удивительно, что, многократно уличая Солженицына во лжи и притворстве, в демагогии и лицемерии, Бакланов пишет: «Возможно, во имя цели он действительно готов был пожертвовать даже своими детьми: его выслали из страны, а трое сынов его маленьких остались здесь вроде бы в заложниках, и он писал: «Тут решение принято сверхчеловеческое: наши дети не дороже памяти замученных миллионов, той Книги («Архипелага») мы с женой не оставим ни за что». Книга с заглавной буквы. Так пишут о (!) Библии. Цель и самооценка — грандиозные».

Вот уж поистине, на всякого мудреца довольно грандиозной простоты! Да ведь свою Книгу Солженицын беспрепятственно закончил, а его жена Светлова отредактировала и сфотокопировала ее со всеми дикими нелепостями, включая Наполеона-Железняка, в мае 1968 года, а в июне того же года они столь же беспрепятственно переправили Книгу во Фран-

цию в надежное антисоветское издательство IMKA-PRESS. Все, дело было сделано (там же, с. 212). А первый сын Ермайл родился у них уже после этого — в феврале 1970 года, Степан — в сентября 1972-го, Игнат — в конце 1973-го. А в декабре 1973-го «Архипелаг» и вышел беспрепятственно. Так что, когда принималось «сверхчеловеческое» решение, детей у Солженицына просто еще не было. А был у жены шестилетний сын Дима от прежнего брака. Выходит, пасынком Солженицын и готов был пожертвовать. Это полностью в его духе. К слову сказать, вскоре Дима и умер.

А главное, ведь это же сам Солженицын, как всегда, «видел за них такие пути: взятие заложников, моих детей». И только Бакланову мерещатся тут кровавые кошмары. А у «них» того и в мыслях не было. В сообщении ТАСС о высылке писателя-антисоветчика, опубликованном в «Известиях» 14 февраля 1974 года, говорилось: «Семья Солженицына сможет выехать к нему, как только сочтет необходимым». Через год она и выехала.

Немало у Бакланова и других антинаучных деталей, относящихся к Солженицыну. Так, он уверяет, что «весь пропагандистский аппарат второй сверхдержавы(!) был брошен на то, чтобы растоптать повесть «Один день Ивана Денисовича».

Гриша, что с тобой? Ведь повесть была напечатана по решению самого Хрущева и с предисловием Твардовского. И тотчас хлынули хвалебные статьи о ней известных писателей и критиков в самых-самых ответственных газетах: в «Известиях» — Константина Симонова, в «Правде» — Владимира Ермилова, в «Литгазете» — твоя... И не было им числа. А вскоре — ведь сам же пишешь — «вслед за журналом повесть срочно выпустили книгой, а еще — в «Роман-газете» тиражом в несколько миллионов». Где ж свирепая сверхдержава с армиями, флотами и ракетами?

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ ВНЕПОЛОВЫМ ПУТЕМ – 2

Тайные антисемиты в родном журнале

Так через Солженицына мы вступаем в баклановский литературный мир. Тут все хорошо знакомо, привычно: «Всеволод Кочетов, известный мракобес»... «Проханов, главный редактор одной из самых мракобесных газет»... «Великий поэт Пастернак»... и т.д. Но есть и новости. Приведем хотя бы парочку. Так, автор уверяет, что Василий Гроссман принес свой роман «Жизнь и судьба» в журнал «Знамя», а главный редактор Вадим Кожевников прочитал его и помчался с ним в КГБ. Откуда такие сведения? Неизвестно. Возможно, из телепередачи Сванидзе. Но покойный Анатолий Бочаров писал все в том же «Словаре», что роман редакция направила в ЦК (с.215). А это обычное дело: чтобы посоветоваться и подстраховаться, редакции нередко так поступали со сложными рукописями. Вон же и Твардовский послал «Один день» не в КГБ, а в ЦК. Помню, когда я предложил журналу «Москва» рукопись о Солженицыне, жившем тогда в США, Михаил Алексеев разговаривал о ней даже с Андроповым, бывшим в ту пору уже генсеком. Тот ответил: «Солженицын? Это дохлая собака». Увы, он ошибся. Собака вскоре прибежала из-за океана и начала скулить с новой силой...

А вот еще и такое: «У моей первой повести о войне было посвящение: «Памяти братьев моих — Юрия Фридмана и Юрия Зелкинда, павших смертью храбрых в Великой Отечественной войне». Прекрасное, благородное дело! И что же? А вот, говорит: «Как же на меня давили в журнале, как вымогали, чтобы я снял посвящение... Я не снял. Но уже в сверке,

которую автору читать не давали, его вымарали... Прошли года, и я восстановил посвящение». Достойный поступок.

Но странно, что не названы ни повесть, ни журнал, ни антисемиты, которые давили и вымогали. А главное, почему давили-то, с какой целью? Да как же, говорит, ведь из посвящения «получалось, что евреи воевали». А раньше никто не знал об этом? Скрывали? Государственной тайной было? Да как же еврей-фронтовики смели ордена носить? Не грозило ли это им репрессиями? Вспоминаю, как праздновали День Победы в ЦДЛ. Перед началом — построение в вестибюле, им командует Генрих Гофман, переключку проводит Алик Коган, в ресторанном зале за командным столом сидят генерал Драгунский, тот же Гофман, Марк Галлай — кто тут не еврей?

Но вот что еще интересно! У меня есть стихотворение «Алтарь победы». Оно тоже имеет посвящение: «Памяти Игоря Зайцева, Володи Семенова, Фридриха Бука, Лени Гиндина — всех моих одноклассников, не вернувшихся с войны». Последний в этом списке — еврей, а может, и предпоследний. Но стихотворение было беспрепятственно напечатано в «Правде», никто не требовал, чтобы я вычеркнул Гиндина или Бука. А уж не «Правда» ли цитадель антисемитизма?

Однако что же все-таки это за повесть? Где печаталась? Оказывается, «Южнее главного удара». Напечатана в 1957 году в том самом журнале «Знамя», для которого позже Бакланов получал субсидии от Сороса и где лет десять был главным редактором. И вот там-то в самый-то разгар «оттепели» он натолкнулся на такой тупой антисемитизм? Странно... И почему не сказано, кто именно давил? Ведь прошло 50 лет, уж теперь-то чего скрывать?

Отгадку сей недоговоренности, видимо, дают вот эти строки из воспоминаний Станислава Куняева, как раз в те годы работавшего в «Знамени»: «Писатель-юморист Виктор Ардов заходил в нашу комнату и однажды, остановив взор на мне, незнакомом ему новом сотруднике, спросил: «А вы, милейший, не полужидок?» И смотрел на меня с подозрением: как это нееврей может работать в таком престижном журнале?! Вот отделом критики заведует «полужидок» Самуил Дмит-

риев, его помощник — Лев Аннинский, тоже полукровка, в отделе публицистики — Александр Кривицкий, Миша Рощин (Гибельман) и Нина Каданер, в отделе прозы — Софья Разумовская, жена Даниила Данина, секретарь редакции — Фаня Левина, заместитель главного — Людмила Скорино, украинка, жена еврея Виктора Важдаева — все наши! И вдруг какой-то русский!» (Поэзия. Судьба. Россия. Т.1., с.111). И оказался он тут только потому, что привел его Борис Слуцкий.

Понятно, что при столь густом составе редакции Бакланов не пожелал никого называть по именам, а предпочел полную анонимность, позволяющую подозревать того же Кожевникова. Склоняя голову перед памятью его погибших братьев, нельзя не сказать, однако: не следует, Гриша, спекулировать тенями мертвых, тем более если это тени близких родственников.

Супер или квази?

Как читатель, очевидно, уже догадался, главное в статье Бакланова — национальный вопрос преимущественно в его еврейском варианте. Он пишет, что национальностью «никогда не интересовался... Даже во взводе у себя меньше всего интересовало, кто — кто». До того он суперинтернационалист. А мне это читать странно. Меня, наоборот, очень интересовало. В самом деле, кого, кроме русских, я знал до войны? Пожалуй, только украинцев, евреев да татар. А на фронте, кроме названных, я впервые встретил казаха Райса Капина, грузина Ваню Бердзенишвили, молдаванина Юрескула, удмурта Афанасия Адаева, мордвина Модунова, цыгана Лешку Казанина, узбека Абдуллаева, литовца, фамилию которого уже не помню... И как это многообразие могло быть неинтересно мне, восемнадцатилетнему! Я любовался им! И ведь о чем говорили мы, когда была возможность? Да главным образом о том, кто, откуда, как у кого хлеб пекут, как свадьбы играют. Другое дело, что никаких трений, распрей на национальной почве не было.

Бакланов лукавит, когда говорит, что национальность его никогда не интересовала, что «не делил людей по составу крови. Этим занимались фашисты». А кто же в статье размышляет о «составе крови» сыновей Солженицына: то ли наполовину, то ли на четверть они евреи — Розенберг? Если не интересовался, то чем объяснить все эти подсчеты и выкладки: сколько евреев было на фронте, сколько погибло, сколько из них стали Героями Советского Союза и т.д. Причем в этих выкладках Бакланов нередко расходится с коллегами, а кое-что у него и довольно сомнительно.

Сбивчивая бухгалтерия

Так, он пишет, что евреев на фронте было 434 тысячи, а Рабинович — 501 тысяча. И оба уверяют, что это — «по данным Центрального архива Министерства обороны». Кому верить? Ведь на архив оба ссылаются бездоказательно. У Бакланова «погибло 205 тысяч, т.е. почти 50%» от его числа евреев на фронте. А у Рабиновича — «142,5 тысячи, что составляет 28,5%» от его числа (Россия еврейская, с. 187). Кому верить? Тем паче, что в «Книге памяти», составленной при участии Института военной истории Министерства обороны, на что указано на странице 335, названо не 205, и даже не 142,5, а 138,7 тысячи (М., 2005. Воениздат. С.253), что составляет 1,6% общего числа наших потерь (Там же). Хочу как фронтовику и моему однокашнику поверить Бакланову, но это же крайне затруднительно: если погибло 205 тысяч, то ведь наверняка было, как водится в больших войнах, раза в три больше раненых, но оставшихся живыми, т.е. еще тысяч 600. Выходит, на фронте было уже около 800 тысяч евреев — почти в два раза больше, чем 434 тысячи объявленных раньше. А ведь еще многие были и не убиты и не ранены. Это сколько ж всего получается? Да, пожалуй, миллиона полтора. Куда же девать 434?

Или вот Бакланов доверчиво цитирует статью В. Каджая в Интернете: «Среди погибших воинов-евреев 77,6% составляли рядовые солдаты и сержанты и 22,4 — младшие лейтенанты, лейтенанты и старшие лейтенанты». Но ведь $77,6 + 22,4 =$

100%. То есть подсчитаны все погибшие евреи. Из этого следует одно из двух: или выше по званию, чем старший лейтенант, евреев на фронте не было, а это не так, или каким-то чудесным образом ни один еврейского происхождения капитан, майор, подполковник и выше за всю войну не погиб, предоставляя эту возможность младшим по званию. Как после этого безоговорочно принять на веру, что «абсолютное большинство евреев Героев Советского Союза — пехотинцы»? Тем более что Рабинович пишет, что пехотинцев из 108 Героев-евреев было только 34 (Цит. соч., с.198), т.е. меньше трети.

В свете сказанного можно посоветовать Бакланову не повторять больше и то, будто «половина евреев звание Героя получила посмертно». Тем более что это не подтверждается данными словаря «Герои Советского Союза», вышедшем в 1988—1989 г. в Воениздат. Там почти 13 тысяч имен. Возьмем несколько особенно распространенных русских фамилий. Больше всего Героев по фамилии Иванов — 84 человека, почти все они русские. Из них посмертно получили звание 19 человек, это около 22%. Среди тоже почти поголовно русских Кузнецовых — 69 Героев, из них посмертных 12, т.е. примерно 17%. Смирновых — 41 Герой, из коих получили звание посмертно 11, что составляет около 25%. В среднем это около 20%. Ну почему же, Бакланов, у евреев в два с половиной раза больше, чем у русских?

Бриллиант, изрекающий правду

Наконец, если Бакланова никогда не интересовала национальность человека, то чем объяснить его настойчивые поиски евреев там, где их никогда не было или — то ли были, то ли нет? И желание найти так велико, что он бесстрашно залезает в глубь времен. Впрочем, в этом деле гораздо энергичней промышляет его младший брат Яков Рабинович, с него, пожалуй, и надо начать эту тему.

Яков Иосифович обожает свою нацию. Что ж, прекрасно! Никто не против. И я люблю свой народ. Но он еще и убежден в том, что «евреи — это бриллиант в короне Всевышне-

го». Вот так о своем народе я говорить не стал бы, и не только потому, что у Всевышнего нет и не было никакой короны. А Израиль, говорит, «по своему интеллектуальному потенциалу примерно равен всей Западной Европе». Слава богу, мы живем в Восточной.

«Без евреев, — читаем и такое, — Россия никогда не смогла бы достичь тех высот, которых достигла». Да что Россия! «Без евреев немыслим весь процесс мирового развития в целом». Ну, это мы слышали неоднократно. В частности, покойный поэт Семен Липкин еще в далекие советские годы напечатал одновременно в журнале «Москва» и в альманахе «День поэзии» бриллиантовый стишок «Союз И». Он заканчивался так:

Без союзов язык онемееет.
И я знаю: сойдет с колеи,
Человечество быть не сумеет
Без союза по имени И.

Кроме того, Рабинович еще убеждает, что «Евреи всегда славились склонностью изрекать правду, и тут одна из причин, почему их так ненавидели... Долг еврея — говорить правду, как он ее понимает». И как же охотно он предается склонности изрекать! И сколько же у него изречений этой правды, по-своему понимаемой, обо всем, в том числе о доселе неизвестных нам евреях, которых он приобщает к бриллиантовому братству! Глаза разбегаются, не знаешь, с чего начать... Тут и знаменитые писатели, и ученые, и военные, и артисты... Но прежде надо заметить, что этот Рабинович не слишком обременил себя познаниями даже в тех областях, где все открыто и, как говорится, лежит на поверхности.

Например, он не знает, какова была численность населения в СССР перед войной. Да что там наше население! Путается даже в основополагающих фактах истории родного еврейства: то говорит, что его соплеменники обретаются в рассеянии по всему свету две тысячи лет (с. 343), а то — целых четыре! (с.355). А почему не шесть?

Уверяет, что в Советском Союзе «евреям жилось не сладко» (с. 369). Все, дескать, мед ели, а они — только крапиву. В другом месте уточняет: мы жили как в концлагере (с.74). Но и в концлагере не как все там, а еще и в кандалах (с. 329). Словом, это бы «кромешный ад» (с. 351). Но мало того, еще и в большинстве советских фильмов и спектаклей, если появлялся еврей, его изображали смешными, жалким (с.331). Короче говоря, глумились. Оставим это пока без комментариев, хотя очень хотелось бы узнать хоть один такой фильм, поскольку очень многие фильмы ставили как раз режиссеры-евреи. Уж не «Ленин» ли «в восемнадцатом году»? Как раз его поставил еврей Ромм по сценарию еврея Каплера и есть там еврейка Каплан, стреляющая в Ленина. Она действительно показана жалкой негодяйкой, которую едва не растерзывает толпа. Рабинович негодует: — Это же несправедливо! Это антисемитизм! — Ведь Фани Ефимовна промахнулась! (с.75). Просто глазам своим не веришь: человек не знает, что террористка всадила две отравленных пули, так и оставшихся в теле, чем, конечно, сократила жизнь Ленина.

Но особенно много самодельных антинаучных деталей в познаниях Рабиновича о войне. Во-первых, он объявляет, что «в приграничных сражениях почти вся Красная Армия попала в окружение» (с. 426). Интересно. А что же в таком случае помешало немцам захватить Москву и Ленинград? Кто их защитил? Вот подумал бы!

Хотя почти вся армия оказалась в окружении, однако «еврейское сопротивление» агрессору в эту начальную пору войны было отчаянным: «В первый год, когда боевых наград достаивали редко, были награждены 303 солдата-еврея». А офицеры? Ведь их, как уверяет в другом месте, было по одному на каждые два солдата-еврея. Офицеров почему-то не награждали. «Из 303 солдат ордена Красного Знамени и Красной Звезды получили 185 человек, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги — 113» (с.197). Представляете? Орденами награждено едва ли не в два раза больше, чем медалями! Вот ведь сам ставит своих соплеменников в неловкое положение, а обвиняет других. Поймите, бриллиантовый, так не бывает:

в больших военных делах подобно тому, как раненых гораздо больше, чем убитых, так и награжденных медалями всегда больше, чем орденами. Ведь это так естественно и понятно: чем выше награда, тем меньше награжденных, и наоборот! Например, орденом Красного Знамени за войну было свыше 580 тысяч награждений, а орденом Красной Звезды — 2 миллиона 860 тысяч. В пять раз больше. Но если Рабинович настаивает на своем, то выходит, что евреям кто-то содействовал получать орденов больше, чем медалей. И антисемиты могут подумать: не Лев ли Захарович Мехлис, который как раз в первый год войны занимал высокие посты начальника Главного Политуправления и заместителя наркома обороны.

Но слушайте дальше: «Уже в 1941 году было присвоено звание Героя Советского Союза стрелку-радисту Н.В. Стратиевскому, совершившему 292 боевых вылета...» Во-первых, не Н.В., а Н.Б(орисович); во-вторых, не 292, а 232 боевых вылета; в-третьих, получил Героя не в 1941 году, не в начале войны, а в конце — 23 февраля 1945-го.

Еще? Извольте... «Сталин издал приказ по Южному фронту «Ни шагу назад!», что означало расстрел». Во-первых, не по Южному фронту, а по всей Красной Армии. Во-вторых, приказ был издан 28 июля 1942 года, а отступление на Сталинградском направлении продолжалось еще больше месяца. И что, всех отступивших расстреляли? А кто потом окружил Паулюса? «Когда враг дошел до Сталинграда, был создан Сталинградский фронт, командующим которого назначили К. Рокоссовского». Во-первых, Сталинградский фронт был создан 12 июля 1942 года — гораздо раньше, чем немцы подошли к Сталинграду, — это произошло в начале сентября. 3-го числа Сталин направил находившемуся там Жукову директиву: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь... Недопустимо никакое промедление». Во-вторых, Рокоссовский не был командующим Сталинградским фронтом, им последовательно командовали маршал Тимошенко, генералы Гордов и Еременко.

«В разгроме гитлеровских войск под Сталинградом решающую (!) роль сыграл 48-й стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор Я.Г. Крейзер». Во-первых, к тому времени Крейзер был уже генерал-лейтенантом и командовал армиями, а не корпусами. Во-вторых, в сражении такого масштаба, как Сталинградское, один стрелковый корпус не может сыграть решающую роль. В-третьих, 48 ск в Сталинградской битве вообще не принимал участия. Понимаете? Не при-ни-мал... Но Рабинович не может успокоиться: «Высоко ценил военное искусство Я.Г. Крейзера маршал А. Василевский: «Армия, которой командовал Крейзер, разгромила группу Манштейна под Сталинградом». Тут пример особого искусства, ибо, во-первых, указаны страницы, где, мол, это в книге Василевского «Дело моей жизни» (надо — «всей жизни»), а на самом деле там Крейзер и не упоминается, т.е. автор протаскивает ложь под прикрытием великого авторитета маршала. Во-вторых, прославляет своего соплеменника за счет другого: командующим 2-й гвардейской армии, разгромившей Манштейна, был Р.Я. Малиновский, а Крейзер, будучи его заместителем, командовал вспомогательной группой войск. В-третьих, опять же в какое дурацкое положение ставит автор достойного генерала армии Крейзера, Героя Советского Союза!

А маршал Рокоссовский, конечно, заслуживает самых высоких похвал, но не надо писать так: «После непродолжительных кровопролитных боев советские войска под командованием генерала Рокоссовского перешли в контрнаступление, и немецкая операция «Цитадель» была сорвана». Во-первых, Рокоссовский был там не один. Он командовал Центральным фронтом, а кроме того, в этой битве принимали участие фронты Воронежский (Н.Ф.Ватутин), Степной (И.С. Конев), Брянский (М.М. Попов), Западный (В.Д. Соколовский) и частично Юго-Западный (Р.Я. Малиновский). И все они перешли в наступление. Во-вторых, наши войска не просто «сорвали операцию «Цитадель», а отбросили немцев сотни на полторы километров, освободив Орел, Белгород, Харьков и создав условия для выхода к Днепру.

Конечно, не умолчал Рабинович и о власовцах: «Сотни тысяч русских предателей, служившие немцам в РОА!» Да почему же сотни тысяч? Бенедикт Сарнов считал, что миллионы! Пришлось мне однажды в Малеевке разъяснить ему, что вся власовская РОА это две дивизии, первой командовал С.К. Буняченко, второй — Г.А. Зверев. А это никак не больше 25-30 тысяч. Но молчит Рабинович о евреях, воевавших вместе с немцами. Ведь только в плену у нас их оказалось 10 173 человека (ВИЖ, № 9, 1990, с. 46). А сколько убито? Сколько избежали плена?.. Пожалуй, как раз власовская армия и будет.

Шибко убивается Рабинович по поводу судьбы «еврейских полководцев». Вот, говорит, во время войны в Красной Армии «высшие воинские звания имели 227 евреев». Что за высшие звания — генеральские, что ли? Видимо, так, ибо дальше пишет: «За 8 лет при Сталине было уволено 93 генерала-еврея, а если учесть умерших, то их число сократилось вдвое. После смерти Сталина кампания очистки армии от еврейских полководцев продолжалась». Болезный, а сколько русских генералов было тогда уволено? Это его не интересует. И не соображает он, что шла демобилизация огромной 10-миллионной армии военного времени, и прежнее количество генералов было просто не нужно. К тому же время шло, люди, независимо от национальности, старились и даже, как сам пишет, тоже совершенно независимо умирали.

А со словом «полководец» у нас не все в порядке. Называют полководцами Гражданской войны, например, Чапаева и Щорса. Они, конечно, герои войны, но командовали всего лишь дивизиями. Это для высокого понятия «полководец» маловато. Полководцем едва ли можно назвать и командующего армией. Вот командующий фронтом — это несомненно полководец. Из евреев разве что только Я.Г. Крейзер, который начал войну полковником, командиром дивизии, потом командовал армиями и был заместителем командующего фронтами, стал генерал-полковником, может быть назван полководцем, но не еврейским, конечно, а советским. Думаю, что предложенное ему Рабиновичем звание «еврейский полководец» он, член Коммунистической партии с двадцати лет, со смехом или негодованием отверг бы.

Вездесущность и энергия автора в стремлении сказать хоть какую-то гадость о Советском времени и его людях просто изумляет. Вот уже о послевоенных делах: «Маршалы Конев, Соколовский, Тимошенко выгнаны на пенсию...» Это вас, Яков Иосифович, судя по всему, за невежество и трепливость вышибли с работы под зад коленкой, и вы до сих пор не можете опомниться и злобствуете на Советскую власть, а названные маршалы — Герои Советского Союза, кавалеры высших военных орденов, когда им перевалило за 60, с почетом были переведены на работу Генеральными инспекторами Министерства обороны, на которой и оставались почти до самой смерти на восьмом десятке.

Господи, а что плетет о Сталине! Например, вкладывает ему в уста такое: «Евреи плохие солдаты». Где, когда, кому он сказал это — может, Радзинскому? Или: «Он уничтожил половину России». Странно, почему в эту половину не угодил и Яков Иосифович, такой махровый антисоветчик... Или: «Сталин призывал вести страну по пути изоляционизма». Кого призывал, если он сам вел страну? Видимо, подслеповатый автор спутал Сталина с американским президентом Джеймсом Монро (1817—1825). Этот действительно объявил принцип изоляционизма: «Америка для американцев!» После Октябрьской революции немало политиков стремились изолировать СССР от всего мира, те же американцы устами Рузвельта признали нас только в 1932 году. А мы с самого начала, еще с Генуэзской конференции 1922 года, стремились расширять международные связи во всех формах: и в политике, и в торговле, и в культуре, и в спорте... Но при этом да, существовало то, что рабиновичи всех калибров и мастей именуют «железным занавесом». А на самом деле это был прекрасный фильтр, который свободно пропускал, допустим, Ромен Роллана, Поля Робсона, Рокуэлла Кента, но сквозь него не прошли бы нынешние мерзости поп-культуры и книги, подобные тому сочинению, о котором здесь идет речь. Иначе говоря, этот фильтр работал в интересах сбережения нравственного здоровья народа. Увы, ныне его уничтожили. Сказать кто? Да вы же их знаете гораздо лучше меня.

Ну, и напоследок: какой, говорит, конфуз случился в мае 1960 года! Что такое? Да как же! «Американский самолет У-2 беспрепятственно долетел до Урала и был сбит только четырнадцатой ракетой». Неужели четырнадцатой? Откуда такие точные сведения? Не от Сванидзе? А сколько полагается? Надо непременно первой же ракетой? Так он же летел на высоте 20 или 30 километров. Нет, дружок мой брильянтовый, великую конфузию огребли тут не мы, а ваши американцы. Во-первых, У-2 все время был в поле зрения советской службы слежения. Во-вторых, ведь сбили же — и притом именно первой ракетой. В-третьих, мы одурачили американцев, не сообщив о судьбе летчика Пауэрса. Они решили, что он погиб и, пользуясь этим, стали врать о невинном характере его полета. А он оказался жив, и их туфта лопнула. Наконец, этого горемыку мы обменяли на нашего мужественного разведчика. И это конфуз?

Больше евреев хороших и разных!

И вот с такой-то оснащенностью ума и памяти товарищ Рабинович занялся самодельным изготовлением евреев из подручного материала.

Ну, начнем с писателей. Пушкин у него хоть и не еврей, но и не русский, а «полуэфиоп», Достоевский тоже не русский — «полулитовец». Как? Каким образом? По отцу? По матери? Неизвестно, молчит. Для него, как видим, главное порой даже не в том, чтобы талантливого русского человека объявить евреем, а отнять у русских этот талант. Тут мне вспоминается невольно, как однажды в Коктебеле писатель Леонид Аронович Жуховицкий, ныне член редколлегии «Еврейской газеты», представлял мне не только себя полуполяком, но и меня — полунемцем. Это у них как национальная болезнь или хобби.

Не объясняя, почему Пушкин и Достоевский — «полу», Рабинович зато хорошо знает, почему полувеврей Фет: живи он сегодня, говорит, «имел бы право как сын еврея стать гражданином бриллиантового Израиля». То-то радость была бы для Афанасия Афанасьевича... Но позвольте, полумудрец,

ведь хорошо известно, что отец поэта — богатый орловский помещик Афанасий Неофитович Шеншин. И если уж вы не знаете, кто его русский отец, то бесполезно спрашивать вас об иностранке матери, если захотите поправиться: «Ах, нет, не по отцу, а по матери он еврей!» Так и быть, сообщаю: мать его Каролина Шарлотта была католичка, а еврейка или нет, копайтесь сами, мне это неинтересно. Замечу только, что брак с католичкой в России не признали, и Фет всю жизнь добивался фамилии отца, а когда все-таки в старости добился, то Тургенев посмеялся в письме к нему: «У вас было имя — Фет, а теперь вы получили фамилию — Шеншин».

Уже по этим первым примерам видно, сколь печальна степень осведомленности автора и в любимом им деле изготовления евреев. А что дальше?

Очень возмущают Рабиновича русские писатели, которых он милостиво зачислил в евреи, а они от этой великой чести отказываются. Тут целая шеренга от князя Петра Андреевича Вяземского, старшего друга Пушкина, до Алексея Николаевича Толстого. Между прочим, сохранилось 74 письма Пушкина к Вяземскому. И Рабинович мог бы гордо воскликнуть: «Вот какая большая дружба связывала великого полуэфиопа с истинным евреем!» А как отрадно ему сознавать, что знаменитые книги «Хождение по мукам», «Петр Первый», «Гиперболоид инженера Гарина» и другие написаны талантливой рукой его соплеменника.

Еще больше добытчик бриллиантов негодует на таких, как Антон Рубинштейн. Когда случалось так, что кто-то ему напоминал о его еврейском происхождении, он, говорят, спесиво отвечал: «Я православный русский дворянин!» Рабинович кривится: «Ну и Бог с ним, с русским дворянином! Обойдется еврейство и без него!» Еще легче оно обошлось бы без Рабиновича.

Неутомимо ведутся розыски замаскированных евреев и за пределами нашего отечества. Например, представьте себе, уверяет, что евреи и Рихард Вагнер, любимый композитор Гитлера, в честь которого в нацистской Германии устраивались празднества да фестивали, и генерал Франко, которым,

оказывается, некоторые евреи гордятся, и немецкий канцлер Гельмут Шмидт, и даже какой-то не названный по имени — и так, мол, все знают — шведский король, а еще и таинственный «бас Большого театра» — все евреи. Бас — то не Марк ли Осипович Рейзен, дважды Георгиевский кавалер и трижды лауреат Сталинской премии?

Служил Гаврила и евреем...

Но особенно много сознательно скрытых советской властью евреев Рабинович обнаружил среди участников Великой Отечественной войны, руководителей промышленности и конструкторов. Например, генералы Глазунов Георгий Захарович, Ласкин Иван Андреевич, Стельмах Григорий Давыдович, адмирал Анатолий Галицкий, полковники А.Кривулин, С.Карагодский, танкостроитель Котин Жозеф Яковлевич, авиаконструктор Жезлов Михаил Сергеевич, конструктор огнестрельного оружия Шпитальный Борис Гаврилович, разведчик Лев Медведев, которому-де из-за его еврейской национальности не дали вторую Звезду Героя и т.д.

Прекрасно! Однако как всему этому верить, если в иных случаях автор не знает или скрывает отчество, дает только имя или — один инициал, а то даже путает имена и фамилии. Например, Котин у него Костин, а Иван Ласкин — Юрий Ласкин. И почему этот Иван должен быть евреем? А фамилии Кривулин, Медведев шибко еврейские? Среди Героев Советского Союза 13 Медведевых, и все русские. А Рабиновичу для превращения человека в сияющий бриллиант достаточно того, что он Лев. Да это же международное имя. Его имеют и многие евреи, и многие русские, и люди других национальностей. Одних пап римских по имени Лев было больше дюжины. Вспомните хотя бы Льва XIII, восседавшего в Ватикане с 1878 года до смерти в 1903-м. Ну, была в истории папства одна папесса, но еврея — ни одного. Кстати, Льва Медведева среди Героев нет. Откуда взял? И Гаврила, отец Шпитального, тоже еврей? Помните?

Служил Гаврила хлебопеком,
Гаврила булку испекал.

Так он в свободное время еще и евреем служил у Рабиновича?

А с чего решил автор, что генерал Стельмах еврей?* Был известный писатель Михаил Афанасьевич Стельмах, академик, Герой Социалистического Труда, Ленинский лауреат, депутат Верховного Совета СССР — истинный украинец!

Тут не столько ошибки, сколько печальные детали тупой антинаучности. Как только Рабинович встречает фамилию с окончаниями не на «ов» и не на «ин», наиболее распространенными среди русских, так немедленно цапает и тащит в бриллиантовое царство.

Или вот объявлен евреем адмирал Анатолий Галицкий. Какие доказательства? И почему скрыл отчество? А оно не Иванович? Был генерал армии Кузьма Никитович Галицкий и генерал-лейтенант инженерных войск Галицкий И.П., оба кавалеры многих орденов, в том числе — Суворова и Кутузова — тоже евреи? В Литературном институте помню профессора Галицкого Льва Николаевича — и он? С какой стати зачислен в евреи член Медицинской академии наук Владимир Федорович Зеленин?

2007

* *Стельмах* — по-украински профессия столяра, специализирующегося на строительстве телег, возов, бречек, т.е. это такая же профессия, как и бондарь.

НЕТИПИЧНЫЙ МАРШАЛ И ТИПИЧНЫЙ ПУСТОЗВОН

Экое диво дивное!.. Оказывается, в благоприятном для этого потеплевшем демократическом климате среди литераторов появилась особая неизвестная ранее популяция, промысляющая хищением у некоторых известных людей, в частности, у прославленных военачальников Великой Отечественной войны их национальности: у Героя Советского Союза Л.М.Доватора — белорусской, у дважды Героя Советского Союза, Маршала бронетанковых войск М.Е.Катукова — русской, у дважды Героя и Маршала Советского Союза министра обороны Р.Я.Малиновского — украинской и т.д. Впрочем, сравнительно недавним прошлым представители этой хищной популяции не ограничиваются: добрались даже до героя Синопа и Севастополя адмирала П.С.Нахимова (1802—1855).

Мне особенно досадно и горько видеть, что в этом странном деле принимает участие известный писатель, лауреат премии имени Константина Симонова да еще и мой однокашник по Литературному институту Григорий Бакланов. И притом — ведь ему уже девятый десяток, а какая моторность! Это именно он на страницах «Международной еврейской газеты», т.е. на весь мир, объявил, что все названные герои — не той национальности, как они сами считают и мы с ними тоже!

Мне уже приходилось об этом писать. Поэтому повторяться не буду, а замечу лишь, что я попросил Екатерину Сергеевну Катукову, вдову Маршала, Наталью Родионовну Малиновскую, дочь Маршала, и Маргариту Львовну Доватор, дочь генерала, сказать, что они думают о баклановской принудительной акции. Все они были крайне изумлены, кто-то смеял-

ся, кто-то негодовал, кто-то хотел послать Бакланову успокоительного... А Маргарита Львовна даже позвонила знаменитому писателю, чтобы дружески просветить его, но тот сперва и разговаривать не пожелал, бросил трубку. Она не поленилась позвонить вторично:

— Позвольте, вы великий гуманист, выдающийся демократ, друг Сороса, даже с президентом Рейганом в ЦДЛ трапезничали, а я — пожилая женщина, дочь героя Отечественной войны. Как же вы можете так себя вести?

Действительно, Николай Шмелев бесстрашно объявил на страницах журнала «Знамя»: «Григорий Яковлевич не только писатель от Бога, но и редактор от Бога!» Кто ж после этого посмеет сомневаться, что он и демократ от Бога, и гуманист от Бога.

И отвечивал Маргарите Львовне сей человек Божий:

— Да какая разница, кто какой национальности! Какое это имеет значение! Все люди, все человеки...

— Да, — сказала Маргарита Львовна, — я тоже считаю, что во многих отношениях — никакого. Но если вы такой интернационалист, то зачем же у стольких прославленных героев приватизируете их национальность?

Примерно такой был разговор. Не буду к этому возвращаться. Но нельзя умолчать о новой вылазке в той же международной газете популяции. Это статья Марка Штейнберга о Р.Я.Малиновском «Нетипичный маршал».

Понятное дело, автор старается изобразить себя знатоком, эрудитом, интеллектуалом. И начинает с того, что усматривает нечто общее в судьбе Маршала Малиновского и... Христофора Колумба. Великий путешественник, говорит, был «то ли из семьи генуэзских ткачей, то ли внебрачным сыном испанского принца де Виана и крещеной еврейки». А Маршал тоже внебрачный сын.

Тоже «то ли — то ли». А если так, то как этим не воспользоваться!

Ну, о посягательствах на Колумба еще в 1925 году писал Маяковский. Вот описывает он бунт на корабле после долгих дней пути.

Матросы шепчутся:

— Черту ввязались в попутчики.
Дома плохо? И стол, и кровать.
Знаем мы
эти жидовские штучки —
разные Америки
закрывать и открывать!

Вот и Штейнберг закрывает, как устаревшую штучку, украинскую национальность Малиновского и открывает для него новую штучку, любимую им, Штейнбергом.

Поскольку речь идет о военачальнике, о его участии в Великой Отечественной войне, а о себе Штейнберг говорит, что прослужил в армии 36 лет, то естественно ожидать, что человек хорошо осведомлен в военных делах вообще, в истории Великой Отечественной в частности, а также в биографии своего пленника.

Но что мы видим? Прежде всего, бросается в глаза, что статья написана языком ненавистников и клеветников России, ныне так хорошо знакомым: например, пишет, что мы не освободили от фашистского ига Польшу, Чехословакию, Румынию, Венгрию, Австрию, а, конечно же, «оккупировали» их. А румыны и венгры, допустим, были на советской земле не оккупантами, а освободителями, так?

Но если бы только в этом дело! Он не знает даже, когда война началась, думает, что в мае. Путает и другие важнейшие даты, в том числе — даты в жизни самого Малиновского, путает фронты, операции, события, имена: 2-й Украинский называет 2-м Белорусским, генерал Илларион Ларин у него Иван Ларин, Наталью, дочь Маршала, перекрестил в Надежду и т.д.

Ну а Сталина он, разумеется, считает «бездарным» да еще «Верховным» в кавычках. И притом таким чудовищем, что иные генералы, будучи вызваны к нему, ожидали непременно тюрьмы или расстрела, а другие — в ужасе кончали жизнь са-

моубийством. Вот в 1938 году вернувшегося из Испании с орденами Ленина и Красного Знамени полковника Малиновского вызывают из Минска, где он служил, в Москву. Уезжая, он будто бы сказал другу: «Увидимся ли — не знаю». Значит, ожидал, несмотря на большие ордена, чего-то страшного. А что получил? Назначение на преподавательскую должность, в Академию им. М.В.Фрунзе. Другой раз уже во время войны, в июле 1942 года, когда командовал Южным фронтом, «его и члена Военного совета Ивана Ларина (который Илларион. — В.Б.) вызвали в Ставку». Приехали они в Москву, поселились в одноименной гостинице. Вызывают. И что? Генерал-лейтенанта Малиновского назначили командующим 66-й армии. А генерал-майор Ларин? А он, говорит, «услышав о вызове, застрелился». Судя по всему, прямо тут же, в гостинице. Да зачем тогда ехал в Москву, знал ведь, что вызывает Сталин. Мог бы застрелиться и на фронте под видом шальной пули. Гораздо, как ныне говорят, комфортней! И для людей хлопот было бы меньше с трупом и похоронами, и даже, если угодно, выгодней: «Погиб смертью героя...». Пенсия жене и т.д.

Впрочем, что ж, всякое в жизни бывает: итак, говорит, в июле 42-го Ларина не стало. Но вот что читаем в воспоминаниях Маршала С. Бирюзова о ночи накануне перехода 2-й гвардейской армии в наступление на Котельниково: «Помню волевое, огрубевшее на степном ветру лицо командарма Р.Я.Малиновского, склонившегося над картой. Тут же, в тускло освещенной избе, чудом сохранившейся в вихре войны, находились член Военного совета генерал-майор Ларин, заместитель командующего генерал-майор Крейзер» и другие (С.С. Бирюзов. Суровые годы. М., 1966. С.119). Может быть, тут у Бирюзова описка? Но читаем дальше: «Ну что ж, товарищи,— проговорил Малиновский, — остается последнее. На КП нам всем делать нечего. Я намерен быть завтра в 1-м гвардейском стрелковом корпусе. А что выберет член Военного совета?»

Генерал Ларин улыбнулся:

— Люблю танкистов.

— Что ж, поезжайте к Ротмистрову» (там же, с.120).

А ночь эта была с 23 на 24 декабря 1942 года под Сталинградом. И в воспоминаниях П.А.Ротмистрова читаем, что после разгрома немцев и освобождения Котельникова «родилась идея отпраздновать нашу победу встречей наступающего нового 1943 года... Разделить с нами радость победы прибыли начальник Генерального штаба А.М.Василевский, заместители наркома обороны Я.Н.Федоренко и И.Т.Пересыпкин, командующий 2-й гвардейской Р.Я.Малиновский, член Военного совета И.И.Ларин и начальник штаба С.С.Бирюзов» (Стальная гвардия. М.,1984. С.154).

Что ж получается — в июле Ларин застрелился, а через полгода Новый год встречает? Да еще как! Праздничный стол ломился от вин и фруктов из Франции, сыров из Голландии, консервов из Норвегии, масла из Дании... Все — из немецких запасов, приготовленных для празднования победы под Сталинградом. А ведь при этом Штейнберг словно своими ушами слышал еще и то, как «Сталин назвал Ларина дезертиром и поинтересовался у Малиновского, что помешало застрелиться и ему». Должно быть, только надежда встретить Новый год с французским вином и голландским сыром.

О Сталине есть и такая побрехушка: «К ноябрю 1944 года войска 2-го Белорусского фронта завершили Дебреценскую операцию...». Эта операция — 2-й Украинский фронт, а не 2-й Белорусский, которым Малиновский никогда не командовал. Сочинитель даже этого о своем герое не знает. Но слушайте дальше: «Войска вышли на рубеж, с которого реальным становилось взятие Будапешта. Но требовался отдых... Именно в этот момент раздался звонок Сталина (Штейнберг сам слышал!), который потребовал от Малиновского взять Будапешт к годовщине Октябрьской революции».

За всю войну подобных требований Сталин ни разу никому не предъявлял. Более того, по воспоминаниям Жукова известно, что, когда он подсадовал Сталину по телефону, что не удастся взять Берлин к 1 мая, тот ответил: «Ничего. Впереди Первомай, это и так большой праздник, народ хорошо его встретит. А возьмем ли Берлин 2 или 3 мая, это не имеет большого значения. Надо жалеть людей, мы меньше поте-

ряем солдат. Подготовьте лучше заключительный этап операции» (Е.Гусаров. Сталин в жизни. М., 2003. С.514).

«Малиновский попросил дать хотя бы пять дней для подготовки. Сталин потребовал: «Будапешт должен быть взят к 7 ноября!» И повесил трубку». Как Бакланов. И ведь Штейнберг пишет так, словно был очевидцем. Но вот вопрос: почему и на сей раз Малиновский не последовал летальному примеру Ларина?

А источники побрехушек то и дело такие: «достоверно известно», «есть сведения», «совершенно достоверно»... Не хватает только — «одна баба говорила...».

Но вернемся несколько назад. Штейнберг пишет, что в декабре 1941 года Малиновского назначили командующим Южным фронтом, который, «почти непрерывно отступая, прошел через Лисичанск, Бахмач и лишь под Харьковом сумел остановить немцев». Человек не ведает, что говорит. У него получается, что оба названных города — к западу от Харькова, причем первый западнее второго.

Взгляните на карту. Лисичанск — это по прямой километров около 200 к юго-востоку от Харькова, а Бахмач — километров 300 к северо-западу от него. Как же можно, отступая к востоку, сначала «пройти через» Лисичанск, а потом — «через» Бахмач? Разумеется, все было не так: наши войска сперва оставили Бахмач — 13 сентября 1941 года, когда Южным фронтом командовал не Малиновский, а генерал-лейтенант Рябышев, и только 10 июля 1942 года — Лисичанск. А до этого и под Харьковом остановить врага не удалось: его вслед за Бахмачом войска Малиновского оставили 25 октября 1941 года.

Не разбираясь даже в таких вопросах, Штейнберг зато обнаруживает большой интерес и осведомленность относительно возлюбленных и жен как Малиновского, так и других военачальников: рассказывает, сколько их у кого было, сообщает, что одну звали Тонечка, другую — Лидочка и т.д. Но и тут, конечно, не обходится без вранья. И какого! «Есть сведения из «лубянского» досье Малиновского...» Смотрите, куда залез! «...что в Испании он встречался, так сказать (понимаете? — В.Б.), с очаровательной эстрадной артисткой и по этой

причине задержался там на три срока вместо одного, положенного для советников. Любопытный факт приводит в своих воспоминаниях Константин Симонов. Про стихотворение «У огня», он рассказал, что оно — о посещении блиндажа командарма Малиновского под Сталинградом. Помните:

Крутится испанская пластинка.
Изогнувшись в тонкую дугу,
Женщина под черною косынкой
Пляшет на вертящемся кругу.
В дымной промерзающей землянке,
Под накатом бревен и земли
Человек в тулупе и ушанке
Говорит, чтоб снова завели...

Этот человек, дескать, и есть Малиновский, затосковавший о возлюбленной испанке. Но открываем второй том «Разных дней войны» Симонова, находим это стихотворение и читаем: «Так начинались написанные мной под впечатлением встречи с Шумиловым стихи о Мадриде и Сталинграде» (с.252). Это что ж получается? Взял Штейнберг и на место Героя Советского Союза командарма легендарной 64-й армии Михаила Степановича Шумилова поставил нужного ему здесь Малиновского. И не постеснялся наврать о Симонове. Коли так, то уж позвольте не поверить ни в очаровательную испанку, ни в Тонечку, ни в Лидочку, ни в «лубянское» досье. Тем более что в последнем случае, как известно безо всякого досье, была вовсе не Лидочка, а Галочка.

Но читаем дальше: «66-я армия, которой командовал Малиновский севернее Сталинграда, истекала кровью. Немцы стремились прорваться к Волге, но Малиновский не позволил врагу осуществить свой замысел». Да, севернее Сталинграда немцы не прорвались, но там держала оборону не одна 66-я армия, а еще и 24-я.

Это очень характерная забывчивость. Она сопутствует автору и дальше: «Задачей 2-й гвардейской армии, которой командовал Малиновский, было не допустить прорыва

Манштейна к немецким войскам, окруженным в Сталинграде. И он со своим заместителем (тоже евреем) эту задачу выполнил: их армия не отступила». Что было бы, если б вообще не евреи?.. Действительно, не отступила, но оборону держали еще и 51-я армия, и 8-я воздушная.

Нет, это не забывчивость. Автор то и дело старается обособить Малиновского, представить его действия единоличными, отделить от других военачальников и даже противопоставить им, унижая и оскорбляя их при этом. Посмотрите, что вытворяет! Приводит будто бы строки известной книги Александра Верта «Россия в войне 1941—1945» (М., 1967): «Передо мной был командующий 2-й гвардейской армией, красивый брюнет, смуглое лицо которого несло печать глубинной интеллигентности, что было совершенно нетипично для всех русских полководцев, с которыми довелось встречаться. И что особенно поразило — врожденная деликатность, скромность, полнейшее отсутствие солдафонства, которое так и выпирало из большинства русских военачальников даже самого высокого ранга». Малиновский много раз упоминается в книге А.Верта, как и Жуков, Конев, Василевский, Шапошников, Рокоссовский, Лелюшенко и другие, но, конечно же, при этом в книге нет ни одного оскорбительного слова о них, подобного приведенным, — все это Штейнберг, смотрящий на наших полководцев глазами ненавистника и клеветника, просто придумал. За такие проделки судить надо шельмецов.

Я называю это «синдромом Сарнова». В сочинении «Случай Эренбурга» сей мыслитель из региона Елисеевского магазина рассказывает: «Однажды (году в сорок восьмом), держась, как обычно, за руки, шли мы с моей любимой по Тверской и остановились перед портретами писателей в витрине книжного магазина, что напротив Моссовета. Он и сейчас существует, но теперь там совсем другие портреты: Высоцкий, Окуджава...» Это магазин «Москва» (бывший «Сотый»). Он не напротив, а наискосок от Моссовета. Я там нередко бываю и названных портретов никогда в витрине не видал, но не в этом дело. Вот сарновский синдром: «А тогда? Вы толь-

ко представьте, что творилось: на самом видном месте красовался портрет автора (точнее, того, кто считался автором) «Тихого Дона».

Поняли, читатель, что творилось при Советской власти — чтители русского классика, знаменитого во всем мире. Это для Сарнова и его любимой непереносимо! «И вдруг, — продолжает он, — моя любимая сказала:

— Какое ничтожество — Шолохов! Невзрачное какое-то личико, ушишки...

И я увидел: в самом деле — ничтожество!»

Мало им клеветы о плагиате, мало злобного вранья о великом писателе, их еще и внешность его бесит! Но Боже милостивый, она бесит человека, который сам-то, если посмотреть справа — вылитый Квазимодо, если слева — Урия Гипп, если в лицо — Баба-Яга в приступе диареи.

Но вот что писал, например, Эренбург, вспоминая об одном из помянутых солдафонов — о командующем 5-й армией генерале Л.А.Говорове, на КП которого под Можайском он побывал 18 января 1942 года: «Я увидел не бравого вояку, а скорее математика или инженера, хорошего русского интеллигента. Потом я иногда встречал Леонида Александровича на фронте, в Москве, в Ленинграде; помню вечер в мае 1945 года — мы говорили о красоте белых ночей, о поэзии, об игле Адмиралтейства». В другом месте воспоминаний: «В Сухиничах я познакомился с генералом Рокоссовским. Кажется, он был самым учтивым генералом из всех, которых я когда-либо встречал». Подумайте, Штейнберг, как со своим злобным косоглазием выглядели бы вы, если вас посадить между этими русскими генералами.

Да, наши военачальники не отличались аристократичностью происхождения, не было среди них ни одного князя, графа, барона. Если взять командующих фронтами во время войны, а это 43 маршала и генерала, то 21 из них или сами в молодости крестьянствовали, или из крестьянских семей, 15 — сами были рабочими или из рабочих семей (ВИЖ, 1993, №5, с.21-26). Это большинство. Конечно, они несли печать своего простонародного происхождения. А вот немецкие ге-

нералы почти сплошь — изысканные «фоны». И что? Незадолго до полного разгрома Германии весьма неглупый Геббельс, ознакомившись с полученными из Генштаба биографиями наших военачальников и взглядевшись в их фотографии, записал в дневнике: «Эти маршалы и генералы в большинстве своем исключительно молоды, они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убежденными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску. В большинстве своем это дети рабочих, мелких крестьян, сапожников. Словом, я вынужден сделать неприятный вывод: военные руководители Советского Союза являются выходцами из лучших народных слоев, чем наши собственные». Своим выводом Геббельс поделился с Гитлером, и тот был полностью согласен. Им помог в этом, возможно, уже доносившийся гул нашей артиллерии. Так что, если вас, Штейнберг, посадить между и этими двумя фигурами, вы и тут будете выглядеть полным идиотом.

А он все свое: дескать, «многое коренным образом отличало Малиновского от других полководцев... Уж больно непохож он на всех(?) других военачальников его ранга... Он был, безусловно, честнейшим, скромнейшим, порядочнейшим из всех(?) советских маршалов». Но Штейнбергу и этого мало. Он карабкается на Эверест подлости: «Руководство боевыми действиями маршала Малиновского безоговорочно достойно называться военным искусством, чего нельзя сказать о многих других военачальниках Красной Армии». Вы только вообразите себе этот клокочущий океан злобности, в котором олух царя небесного пытается утопить «многих других»...

И уже просто впадая в безумие, он нахваливает еще и так: «Малиновский никогда не бил палкой, не стрелял в подчиненных, чем уж почти никто из крупных военачальников Красной Армии похвастаться не мог». Сам этот Штейнберг видел, как наши военачальники и били, и стреляли своих подчиненных направо и налево. Ну, хоть бы один примерчик привел! Кого избил Жуков? Кому выбил глаз Рокоссовский? Кого пристрелил Василевский? Кого измордовал Конев?..

Причину столь великих талантов и редких добродетелей, такой разительной «несхожести Малиновского с советскими стандартами», как это следует из всего содержания статьи, Штейнберг видит в «этническом происхождении Родиона Яковлевича», т.е., попросту говоря, в том, что он еврей. Правда, хотя «существует полная уверенность» в том, что его отец еврей, однако его мать Варвару Николаевну некоторые «считают русской». Но Штейнберг разбивает и это заблуждение невежд: «совершенно достоверно» известно, говорит, что Надежда, родная сестра матери, и ее сын «были расстреляны вместе с другими евреями в Бабьем Яре. А немцы точно знали, кого убивают».

Тут приходится напомнить Штейнбергу, что в Бабьем Яре были расстреляны не только евреи. О чем, кстати, писал в одноименном стихотворении известный и, вероятно, любимый им поэт Евтушенко:

Я здесь стою, как будто у криницы,
Дающей веру в наше братство мне.
Здесь русские лежат и украинцы,
С евреями лежат в одной земле...

Но Штейнберг верен себе и для подтверждения своего теперь уже бесспорного открытия о «сто процентном» еврейском происхождении Малиновского вербует в союзники известного писателя: «Малиновский очень уважал Илью Эренбурга и был рад принять его в своем штабе». Ну и что? Во время войны статьи Эренбурга были чрезвычайно популярны и на фронте, и в тылу.

В 1956 году Эренбург получил телеграмму: «Дорогой Илья Григорьевич, в день твоего 65-летия прими от меня горячий привет и самые дружеские пожелания. Наши творческие разногласия не могут убавить высокой мужской любви к тебе как художнику слова. Крепко обнимаю и целую тебя, дорогой Илья Григорьевич, желаю, чтобы твое перо большого писателя нашей эпохи еще долго служило на славу нашей родины» (Люди, годы, жизнь, т.3, с.403). Эту телеграмму послал

Шолохов. Так что, Штейнберг, зачислим и Михаила Александровича в вашу когорту?

Но и это у вербовщика не все. Оказывается, в беседе с Эренбургом, говорит, Маршал еще и употребил одно библейское выражение, по поводу чего Эренбург кому-то когда-то где-то «говорил — так мог сказать только еврей». Все. Вопрос исчерпан. Вот только еще прочитать бы — где это у Эренбурга? И, к слову сказать, многие русские, в том числе я сам, порой употребляют известные еврейские словечки: «цимис мит компот», «семь сорок», «азохен вей» и т.д. Каков из этого вывод?

Впрочем, помимо хотя и таинственных, но прямых свидетельств, есть у Штейнберга и косвенные доказательства его драгоценной идеи. В самом деле, говорит, посудите сами, с чего бы так: «За три года, когда министром обороны был Жуков, генеральские звания получили только 5 евреев, а при Малиновском — более 40!» В восемь раз больше! Выходит, он был не просто евреем, а ярким еврейским националистом, продвигавшим своих? Однако же надо учесть, что Жуков был министром только два с половиной года, а Малиновский — десять лет.

Есть у этого Штейнберга еще и такое косвенное доказательство: «Символично, что в отличие от остальных маршалов о Малиновском почти нет печатных материалов. Единственная книга — роман «Солдат отчизны» А.Марченко, вышедший в 2005 году». Вот, мол, как зажимали маршала-еврея, хотя и получил он две Золотых Звезды Героя, орден «Победа», пять орденов Ленина, два ордена Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, хотя и держали его десять лет министром. Но и эта «единственная книга» Штейнбергу не нравится, ибо там — «ни слова об этническом происхождении маршала», т.е. о том, что он еврей.

Ах, чучело бесстыжейе!.. О Малиновском есть статьи во множестве энциклопедий и справочников, причем не только военных. А кроме того, еще в 1965 году вышли воспоминания маршала С.С. Бирюзова, под Сталинградом начальника штаба 2-й гвардейской, в 1971-м — книга маршала М.В.Захарова «Р.Я.Малиновский», в 1973-м — книга М.Н.Горбунова «Сол-

дат-полководец», в 1983-м — книга В.С.Голубовича «Маршал Р.Я.Малиновский», его автобиография напечатана в 1990 году в «Военно-историческом журнале» №4, в 2005 году вышла книга генерала армии М.М.Гареева «Полководцы Победы», в которой большая глава посвящена Малиновскому... И это далеко не все. А в 1969 году вышла книга самого Малиновского «Солдаты России». Штейнберг жульнически умолчал даже о ней!..

Он пишет, как помним, что Малиновский никого не бил палкой и никого не расстрелял. Прекрасно. Но я уверен, что если бы Родион Яковлевич был жив и прочитал бы такую статью о себе и такие похвалы по своему адресу за счет боевых товарищей, то наверняка изменил бы своему правилу и взял в руки палку.

2007

ЕВРЕЙ И ГИТЛЕР

В Мексике обнаружен ледоруб, которым 20 августа 1940 года был убит Л.Троцкий. Тогда его унес домой полицейский Салас. Дочь полицейского Анна Алисия представила ледоруб публике.

Из газет

В «Московском комсомольце», любимой газете столичных проституток, которым там давно и сразу после контрреволюции была предоставлена широкая «площадка», уже много лет в поте лица своего трудятся два однойцевых близнеца — Марк Дейч и Александр Минкин, большие журналисты с асфальтовой дороги. Они очень похожи и внешне, и по внутренней сути, и по литературной манере, главные черты коей — визг и вопли, судороги злобы и зубовный скрежет. Они уже оба поселились на этом. Но каждому хочется выгладеть самобытной личностью. Так вот, чтобы их не путали, Минкин вырастил на подбородке некоторую растительность. Кроме того, Дейч, пожалуй, умнее Минкина, но Минкин, пожалуй, эрудированней Дейча: читал воспоминания одного битого немецкого генерала. Поэтому при желании отличить их все-таки можно.

О брате Марке мне не так давно приходилось писать на страницах «Завтра» в связи с его воплями и судорогами по поводу книги «Генералиссимус» Владимира Карпова. Что же до брата Александра, то однажды довелось даже защищать его здесь же, в «Завтра». Он тогда мне позвонил, очень был благодарен, попросил записать домашний телефон: 784-31-... Вдруг, дескать, мне приспичит поговорить с ним по душам. Вот и возникла такая потребность в связи с его статьей о Великой Отечественной войне «Чья победа?» в «МК» 22 июня. Но это лучше сделать не по телефону.

Статья была написана еще в 1989 году, в пору самого по-лоумного разгула демократии. По его собственному рассказу, побежал Минкин со статьей в один из главных тогда центров разгула — в «Московские новости» к Егору Яковлеву, ныне покойному. Но даже этот беглый поденщик Ленинианы, даже в то время — не решился напечатать. Потрусил Минкин в «Огонек» к Виталию Коротичу. Но даже этот гнусный оборотень тоже не посмел. Побрел Минкин в журнал «Апрель» к Анатолию Приставкину, ныне покойному. Но даже будущий председатель Комиссии по помилованию не отважился помиловать рукопись. Поплелся Минкин к какому-то неназванному западному немцу. «Немец прочел, закричал: «Нет! Нет!» Похилил Минкин к какому-то американцу. «Американец прочел — пожал плечами». У нас, мол, таких и без тебя девать некуда.

И тут Минкина, видимо, наконец осенило: ведь в США много его соплеменников, может, они клюнут? И представьте себе, кто-то клюнул. Что за газета, он стыдливо умалчивает. Да не «Новое» ли «русское слово», известное своим русолюбием? А потом еще и какая-то газетка в ФРГ, в Мюнхене, тоже скромно не названная. Не подпольное ли издание «Фолькише беобахтер»?

Прекрасно! Международная слава. Но прошло уже 16 лет, и, видимо, все это время, убежденный, что его великий труд ничуть не устарел, Минкин носился, бегал, ползал по редакциям газет милой родины, которую мечтал просветить насчет Великой Отечественной. Но, увы, никто не желал печатать его Труд Жизни.

16 лет! И тогда Минкин решился. Вошел в кабинет главного редактора «МК» Павла Гусева с присланным ему в подарок из Мексики Анной Алисией ледорубом в правой руке и сказал: «Ну...» И 22 июня статья во всю полосу с гаком появилась в газете. Прочитали все проститутки Москвы и сказали: «Свой в доску. Будем обслуживать по льготному тарифу!»

Минкин уверяет, что никого не намерен очернять, ничего не хочет опорочивать в истории войны, наоборот: «Я пытаюсь осмыслить ее». Как благородно! 16 лет пытается. Можно было рассчитывать, что за столь долгое время узнал но-

вые факты, прочитал раньше неизвестные книги, нашел веские аргументы и т.д. Увы, в статье ничего нового: она появилась в том же виде, в каком отфутболивали ее Яковлев, Коротич, Приставкин, какой-то немец, какой-то американец, а друзья в Нью-Йорке напечатали.

У Минкина, как и у Радзинкина, Млечина, Сванидзы, подход к войне чисто спортивный: подсчитывают, кто больше набрал разного рода «очков». Последний из названных однажды чистосердечно признался по телевидению: «Когда я вижу, как играет футбольная команда ФРГ, я не могу понять, каким образом мы выиграли войну!» Человек признался в своем ту-поумии, даже и не поняв этого.

И наш умник состязается со Сванидзой. «Загадка марсианину: «Кто выиграл войну: тот, кто потерял пять миллионов, или тот, кто тридцать?» Ну, во-первых, и немцы потеряли не пять, и мы не тридцать, об этом ниже. Но тут не в этом дело, а в том, что эти миллионы для Минкина очки в спортивном состязании, именно по ним он судит о победителе. Ведь это, мол, так просто, ясно и очевидно: кто больше набрал очков, тот и победитель.

Приходится сообщить болельщику, что, например, в войнах корейцев и вьетнамцев против США и Красной Армии в Отечественной жертвы агрессии имели потери больше, чем агрессоры. Например, по американским данным, их потери во второй войне составили 360 тысяч человек, а вьетнамцев погибло около 1,5 миллиона. Но победа за теми, кто потерял больше. Минкин понять это не в силах. И пускается в новый спортивный подсчет: «Через три месяца после начала войны Гитлер был под Москвой. Обратный путь занял три с половиной года». «Обратным путем» он стыдливо называет позорное изгнание Красной Армией немцев, разгром их, взятие Берлина и капитуляцию немцев. Не в силах он, прихвостень, произнести такие слова!

У него получается, что немцы наступали раз в 15 быстрее, чем мы — значит, у них в 15 раз больше очков. Ну, допустим. Замечательно! Душа холуйская ликует. Но немецкий болельщик и думать не смеет, чем для его команды обернулось ре-

кордное достижение Москвы и что через три с половиной года стало с Берлином. Приходится и тут разжевать: под Москвой немцы получили разгром, а в Берлине — капитуляцию, причем — безоговорочную. Усек? Хоть проглотить-то разжеванное можешь?

Кстати говоря, через три месяца немцы и не были «под Москвой». Зачем и тут-то врать? Отдохнул бы. В пределах Московской области немцы оказались только во второй половине октября. Гжатск, Вязьму, Юхнов они захватили 9, 7 и 5 октября, а это еще Смоленская область. Подмосковные же города Можайск и Волоколамск — 18-го и 27 октября. Но ближе всего они подошли к столице в поселке Красная Поляна, которую захватили 28 ноября. Как видим, на это им потребовалось не три месяца по минкианскому календарю, а пять с лишним. Через десять дней Красная Армия с Божьей помощью вышибла их из Красной Поляны. Верите, Минкин?

Он, как помним, 16 лет пытается осмыслить войну. Но вот два факта. Гитлер шел до Москвы почти полгода и по прибытии получил у ее стен отлуп. А Наполеон с примитивнейшими по сравнению с вермахтом оружием, техникой, транспортом, связью вторгся с той же позиции и даже на два летних дня позже, однако через два с половиной месяца был под Москвой и взял ее. Обдумал бы милочка хоть эти два факта: в чем дело? Где раскорячились дотолем столь резвые фашистские ножки? Или: три месяца? А что было через три месяца после нападения на них немцев с Польшей и Францией? Сообщаем: обе страны уже два месяца, как лежали в прахе. Не может и не желает он думать о таких вещах, у него другая задача — оклеветать родину.

Но вот его новая мысль: Черчилль, говорит, предупреждает Сталина, а тот... А кто такой Черчилль? Едва ли Минкин знает, что до Гитлера тот был нашим врагом №1 и после смерти Гитлера вскоре опять стал им, что именно Черчилль был организатором интервенции Антанты в годы Гражданской войны. При первой же встрече со Сталиным в августе 1942 года в Москве он решился спросить, простил ли его тот за интервенцию. Сталин ответил: «Бог простит». (А.Уткин. Мировая холодная война. М., 2005. С.51).

Наш мыслитель-потрошитель, конечно же, не догадывается, что в долгой жизни Черчилля 22 июня 1941 года был самым счастливым днем, который он ждал, как утопающий ждет, что ему бросят спасательный круг. Еще бы! Ведь Англия уже целый год оставалась один на один с германской военной машиной. Тут можно к слову заметить, что и у Сталина отлегло на сердце 7 декабря 1941 года, в день нападения Японии на США. Значит, нам не придется воевать на два фронта; значит, можно перебросить на запад побольше дальневосточных и сибирских дивизий.

Так вот, просто ли было поверить Черчиллю? Тем более что Сталин знал о переговорах англичан с немцами, а только что, 10 мая, в Англию прилетел Гесс, правая рука Гитлера. Зачем? Полюбоваться замками Шотландии?

Ведь сам-то Минкин не верит никаким советским источникам, не обращается к воспоминаниям ни одного советского военачальника — а это же соотечественники! Но стыдит других за недоверие к враждебным иностранцам... Впрочем, стоп! Пишет он о каком-то безымянном мужике, сбежавшем в 1934 году из голодающей деревни в город. А где эта деревня, что в том году голодала? Ведь голод был, как известно, раньше. А что это за город? Мужик, говорит, имел тяжелое ранение, хромал, едва ковылял, но «всю войну прошел в пехоте». Всю! В пехоте! Хромой! Энциклопедический случай. Правда, тут же узнаем, что еще задолго до окончания войны калечного мужика «послали в тыл аэродром охранять». Как хочешь, так и понимай это литературное убожество! Тут могу сказать вот что: я тебе таких калечных мужиков, таких голодающих деревень и неизвестных городов столько насочиняю, что в «МК» места не хватит перечислить, даже если объявления проституток не напечатаете. И вот сей мужик будто бы прочитал статью Минкина и сказал: «Спасибо. Все — правда». Так устами изобретенного персонажа сочинитель себя похвалил. И верит этим синтетическим похвалам. А еще верит битому немецкому генералу. Выходит, не лишен способности верить тому, кто говорит нечто отрадное.

Однако разок упомянул Минкин и наших военачальников: «Генералы и даже маршалы устали доказывать, что не Сталин, а народ выиграл войну». Он и с ними вроде бы согласен. Прекрасно. Но ни одного генерала или маршала, ни одной их книги или статьи не назвал. Почему? Да потому, что ни один из них не ставил так вопрос о победе, это могут только полные идиоты, что сохранились еще только в путинском заповеднике «МК» под эгидой Гусева. А нормальные люди понимают и всегда понимали, что в войне победил народ, которым руководили советская власть, партия и Государственный Комитет Оборона во главе со Сталиным, победила Красная Армия, которой руководила Ставка во главе со Сталиным. Понятно?

И вот утром 22 июня немцы напали. А мы, говорит Минкин, еще несколько дней продолжали, согласно договору 1939 года, поставлять немцам важное сырье. Ему было лет пять, но он сам видел и запомнил! Вот везут пшеницу, вот везут нефть, вот марганец... А где конкретно это было? Военная тайна! Но не мешали ли поставщикам наступавшие армады немецких танков? Нет, говорит, не мешали. А если эшелон замедлял ход, мы с Дейчем его подталкивали...

А что Сталин? Сталин, говорит, жутко перетрусил и сбежал спасаться на дачу. Но дача-то к западу от Москвы. Значит, он бросился навстречу немцам? Да, говорит, навстречу: он же государственный изменник...

Минкин, трепло убогое, ведь от этой брехни уже давно отказался даже классик вранья Радзинский, отказался и покался. А вы опять... Стыдно же! Не знает он, что это такое.

Со временем, говорит, Сталин все-таки очухался и выступил по радио. Но это была речь-призыв, произнесенная «в истерическом ужасе». Солженицын, наставник Минкина, писал, что Сталин выступал «полуплачущий». Однако, по признанию даже битого генерала Типпельскирха, «истерический» призыв «полуплачущего» вождя «нашел отклик в сердцах советских людей». Да еще какой!

В частности, Сталин призвал создать народное ополчение. Мысль не новая. И в 1612-м, и в 1812-м, и в 1854 годах

тоже было ополчение, немало потрудившееся на войне. А что теперь? Писака опять, как очевидец, негодует: «...безоружное ополчение, брошенное под немецкие танки». Конечно, были большие неудачи, и жертвы, и поражения не только ополченцев, но и регулярных частей, особенно вначале. Но ты же, мыслитель, взялся дать общую, итоговую оценку войны. В таком случае съешь: всего в ответ на призыв вождя выразили желание вступить в ополчение около 4 миллионов человек, но отобрали около 2-х, в действующую армию через ополчение влилось 36 дивизий, 26 из них прошли всю войну, а 8 получили звание гвардейских. Безоружным это звание не давали.

Немцы наступают... И опять же, что Сталин? Оказывается, он «как теперь стало известно, уже в конце лета 1941 года подумывал сдать, засылал сватов через Берию в Болгарию, да фюрер побрезговал, отказал». В сентябре 1812 года, находясь в Москве, Наполеон засылал к Кутузову свата Лористона, но Кутузов побрезговал и погнал захватчиков с родной земли. А теперь вот Гитлер, оказывается. Скажите, какой брезгливый! А ведь не побрезговал втянуть в войну против СССР Италию, Венгрию, Румынию, Финляндию, не побрезговал даже карликами — Хорватией, Словенией, не побрезговал и добровольцами-французами, испанцами, поляками, бельгийцами, даже евреями не побрезговал, которых после войны у нас в плену оказалось больше десяти тысяч...

Но вот что, Минкин. Ведь об этом писал еще старик Э.Радзинский, затем историк А.Уткин, писатель В.Карпов, теперь — ваше благородие. И все по-разному! Так, Уткин в сочинении «Вторая мировая война» (М., 2002) уверяет, что Сталин решил повернуть «феерическую интригу» примирения тотчас, как стало известно о нападении немцев, еще до выступления Молотова по радио, — так он струсил в первые же часы (с.191); Радзинский же в нетленке «Сталин»(М., 1997. Два пуда.) пишет, что это произошло сразу после того, как 8 августа 1941 года Сталин стал Верховным Главнокомандующим (с.507); Карпов в «Генералиссимусе» (Калининград, 2002) дает свою светлую голову на отсечение, что Сталин решил помириться с фашистами и вместе ударить по США и Англии в феврале 1942 года,

писатель даже показывает как бы документик, будто подписанный «Верховным Главнокомандующим Союза ССР» (с.10—15), — такой и должности не было, Сталин — Верховный Главнокомандующий Красной Армии, а не Союза ССР. У вас же, Минкин, дело было в конце лета (в августе, да?) 1941 года. Что ж вы так — кто в лес, кто по дрова! Собрали бы симпозиум, конференцию и договорились бы о единой и обязательной для всех дате, допустим, о 37-м мартабря.

Но, между прочим, Минкин может гордиться: идеи, которые он украл у других, настолько оригинальны и ценны, что их теперь воруют уже у него даже профессора МГУ. Через полгода после его статьи в «МК» вышла книга Гавриила Попова «Три войны Сталина». И там на странице 123 безо всякой ссылки на Минкина ворюга пишет, что Сталин в 41 году так перетрусил, так перетрусил, что категорически предложил Гитлеру безоговорочную капитуляцию Красной Армии. Но Гитлер был такой гордый, такой гордый, такой гордый, а еще и брезгливый, что с презрением отверг сталинскую капитуляцию. Я, говорит, непременно хочу с боем взять Москву и учинить на Красной площади парад Победы. А Сталин был такой обидчивый, такой обидчивый, такой обидчивый, что его смертельно оскорбил отказ Гитлера, и он воскликнул: «Ах так! Ну я тебе покажу!» И разнес в прах обидчика с его вермахтом. Вот какова подлинная история Великой Отечественной. Главным источником и двигателем нашей победы была обида Сталина на заносчивость Гитлера.

А между тем, война началась для СССР не хорошо. Много наших пленных. Позже появилась власовская армия. Ликующе-негодующий Минкин тут как тут: «А почему ни из пленных поляков, ни из пленных французов немцам не удалось сформировать ничего подобного?» Ну, думает, поди, уел я их, куда денутся от такого бесспорного факта? А на самом деле и тут обнаружил свое дикое невежество и редкое тупоумие. Во-первых, из поляков и французов не могло быть «ничего подобного» хотя бы по той простой причине, что их страны были сокрушены мгновенно — в три-четыре недели. Какие тут могли быть формирования? И нужды в них не было.

Во-вторых, не пленные, которым некуда деваться, а регулярные части французской армии воевали вместе с немцами в Северной Африке против англичан, своих вчерашних союзников и товарищей по разгрому. Это как выглядит? А против нас в немецкой армии воевали и те же лягушатники, и ляхи, и многие другие мусье. Не слышал, умник?

Наконец, что такое власовская армия? Это две дивизии (Буняченко и Зверев), которые Гиммлер разрешил сформировать и вооружить только уже в отчаянную для Германии пору — в 1944 году. По сравнению со всеми попавшими в плен это даже меньше, чем Дейч и Минкин по сравнению со всей шарагой «МК».

Но у мудреца свое понимание, почему в Польше и во Франции не было «ничего подобного». Во-первых, «пленные буржуи и помыслить не могли воевать против своих. А наши...» Это даже загадочно. Учился же, надо думать, человек в школе и должен бы знать, что гражданские войны, революции, восстания были не только в гнусном ему отечестве, но и в Англии, Франции, Америке, Испании... И всюду, представьте себе, свои колошматили своих, в том числе, свои буржуи — своих буржуев. И как!..

Во-вторых, «Советский Союз обрек своих пленных на глорную смерть, назвав их предателями...». И что, благородные немцы приняли это указание и не пожелали кормить тех, кого враг называл предателями? А мы не кормили ли немецких пленных только потому, что Гитлер на называл их предателями? Вот вопрос! Кроме того, говорит, Советский Союз «отказался кормить своих пленных через Красный Крест. Какой тебе Красный Крест, чучело! Сам же пишешь, что Гитлер объявил немцев высшей расой, мечтал о мировом господстве и проводил политику уничтожения целых наций. Вот русские и другие народы Советского Союза, а вовсе не только ваши соплеменники, и были подлежащими уничтожению. Об этом, о том, что пленные будто бы были у нас объявлены предателями, и о другой лжи о наших пленных я писал совсем недавно в статье о Д. Гранине («Завтра» № 25). Дайте хоть сыну своему прочитать, Минкин.

А война все идет. Немцы наступают, мы отступаем. Минкин изображает это так: «Идешь в атаку — может быть, повезет, немцы не убьют. Отступишь — свои убьют обязательно». Правильно кто-то сказал: у мудрости есть пределы, а ее противоположность безгранична. Отступали до Москвы, отступали до Волги, отступали до Эльбруса — и что, всех отступавших перестреляли? Кто же наступал? Кто освободил родину и взял Берлин — вы с Дейчем?

Обе стороны, естественно, несут потери. «Нападающий (Германия) должен нести больше потерь, чем обороняющийся (СССР)», — поучает мыслитель. Но, ваше степенство, так бывает не всегда. Вот вы, нападающий на правду о Великой Отечественной войне, понесете у нас огромные потери. Но в жизни, могли бы сообразить, случается и по-другому. Разве не слышал, что вот врывается бандит в школу, в дискотеку, в храм и убивает десятки людей, а самого, если удастся, ловят и казнят лишь потом, а у нас и не казнят даже. Так было и в 41-м: ворвался бандит, который до этого устно и письменно с печатью обещал вести себя прилично, и начал кругом все крушить и уничтожать. И вас с Дейчем, невинных дитяток, попадись вы ему, уничтожил бы. Вы же признаете: «Гитлер убивал по идейным соображениям только еврейских и цыганских детей». Правда, не совсем понятно, почему «только»? А русских и белорусов, украинцев и поляков, что, совсем не убивал или по каким-то иным безыдейным соображениям? Нет, сударь, в русских он видел главного врага, об их обширной и благодатной земле, а не о еврейском клочке (да и клочка тогда не было) он мечтал всю жизнь. Так что русские были самые «идейные» жертвы фашизма. В целом советский народ пережил пять холокостов, но мы их никому в нос не суем.

А каковы же потери сторон? Минкин объявляет: у немцев 4,5 миллиона, у нас — 35. В другом месте дает соотношение то 1:7, а то и 1:20. Если умножить 4,5 миллиона на 20, то получается 90 миллионов, т.е. почти половина всего населения СССР и гораздо больше, чем все мужское население, наконец, раза в три больше числа мужчин солдатского возраста. Для Минкина, Дубинкина и это не диво.

Но в таком случае объяснил бы, почему же при столь пропорционально небольших потерях немцы подписали капитуляцию, и не какую-нибудь, а безоговорочную, т.е. делай с ними, что хочешь. А ведь их было 80 миллионов, да еще страны-сателлиты и ресурсы всей Европы. С другой стороны, даже 35 миллионов, не говоря уж о 90, это, говорю, все наше взрослое мужское население, способное носить оружие. Кто же вышибал немцев из страны, кто брал Кенигсберг, Будапешт, Берлин? Эшелоны с кем встречал народ на Белорусском и на всех вокзалах страны в мае 1945-го? Соображать надо, дядя, ведь уже лысенький. У вас, как у известной героини Островского, что больше тыщи, то и мильен. Запомните и заставьте Гусева повесить в кабинете, что соотношение немецких и наших боевых потерь 1:1,3. Остальное — целенаправленное истребление фашистами и наших пленных, и нашего народа, включая евреев.

Но Минкин не сдаётся и доказывает нам двадцатикратные потери, во-первых, тем, что «все годы войны существовала тактика «взять город к празднику». Кто сказал, что была такая тактика? Откуда взял? Но вообще-то говоря, если была возможность именно к празднику порадовать народ освобождением своего или взятием чужого города, то почему бы и не сделать так. Но тактика?.. А главное-то в том, что Красная Армия освободила 727 советских городов и взяла 484 иностранных, всего это 1211 городов, причем некоторые — дважды. Так что совсем не удивительно, что нередко это совпало с нашими довольно многочисленными праздниками. Думаю, что даже к дням рождения Минкина, Дейча и тем более Гусева тоже что-нибудь освободили.

Вранье о взятии городов к праздникам очень характерно для этой банды. Вот же сам Минкин напечатал свою вшивую статью не когда-нибудь, а именно 22 июня — к очередной годовщине начала войны. И Попов издал свою книгу в 60-летию Победы. И Пивоваров показал свой малограмотный и подлый фильм «Ржев» не абы когда, а 23 февраля — к Дню Красной Армии. Господи, используют даже даты личной жизни, чтобы побольнее хлестнуть. Однойцевый близнец Дейч

выступил в том же «МК» с клеветнической и малограмотной статьей о Владимире Карпове именно в день его 80-летия. То есть свои собственные грязные пропагандистские приемчики и уловки они приписывают другим, судят о других по своим собственным натурам, иначе они не могут.

Ничего не стоит этому Минкину вложить в уста другому что угодно. Вот, говорит, личная тактика Сталина выражалась словами: «Нам дэшевая пабэда нэ нужна». Не соображает, как выглядит он, малограмотный еврей, в своем желании национально оскорбить образованнейшего грузина, который знал русский язык лучше, чем весь его «МК» во главе с Гусевым. Это, мол, Сталин так сказал, «когда ему доложили, что при лобовом штурме Берлина неизбежны гигантские потери». Кто доложил, болван? Кому сказал, недоносок? Разумеется, и тут малограмотное и наглое вранье. Во-первых, Берлин брали не в лоб — он был окружен, потом шло дробление окруженной группировки и, наконец, добивание.

А кроме того, когда Жуков доложил Сталину, что хорошо бы взять Берлин к 1 мая, но не удастся, тот ответил: «Ну ничего, впереди Первомай, это и так большой праздник. А возьмем мы Берлин 2 мая или 3 мая, это не имеет большого значения. Надо жалеть людей, мы меньше потеряем солдат. Подготовьте лучше заключительный этап операции».

И вот мы дошли до главного. Трудно поверить, но это так: еврей, а не немец, обеляет Гитлера, еврей горько сожалеет, что фашисты не победили, еврей признается, что хотел бы жить в нацистском рейхе вместе со Швыдким.

Как же он обеляет Гитлера, что выискал в нем приличного? Да как же, говорит, во-первых, он был человеком открытым, откровенным: прямо объявил, что уничтожит русских, поляков, евреев. Во-вторых, да и сколько он уничтожил-то? «На счету Гитлера максимум(!) 15 миллионов». Это как? Ну, прежде всего 6 миллионов евреев, да? 4,5 миллиона погибших на советском фронте. Остальные — потери его сателлитов. Позволь, гад, а названные тобой 35 миллионов советских людей? Ах, советских? «Наши военные жертвы — целиком на счету Сталина». Значит, не говоря уж о бандитском нападении

и развязывании войны, но и к расстрелам наших пленных, к душегубкам, к Бабьему Яру, к Освенциму ни Гитлер, ни Гиммлер, ни Эйхман никакого отношения не имеют. Да не почтить ли нам их память выпуском специального номера «МК»?

И главный вопрос минкинской жизни таков: «А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин победил Гитлера, а наоборот — Гитлер Сталина?» Это еще в форме раздумья. Но дальше уже без вопросительного знака: «Может, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР». И наконец, как решительное утверждение, радостное восклицание: «А еще лучше, если бы Германия победила СССР в 1941 году!»

И представьте себе, пускается рассуждать: «Ведь в 1945 году погибла не Германия, погиб фашизм. Аналогично: погибла бы не Россия, а режим».

Тут Минкин достигает вершины своей подлости, невежества и тупоумия. Еще 23 февраля 1942 года, в труднейшее для нас время, Сталин сказал: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с немецким народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий, а государство германское остаются». А ведь иначе думали и Черчилль и Рузвельт. Еще на Тегеранской конференции первый заявил, что после войны Пруссию следует изолировать от остальной Германии, из которой надо будет образовать «Конфедерацию дунайских государств» (А.Уткин. Мировая холодная война. М., 2005. С.90). Рузвельт считал, что «Германия была менее опасной для цивилизации, когда состояла из 107 провинций» (там же). И потому сперва считал нужным «раздел Германии на три отдельных и независимых друг от друга государства» (там же, с.87), а после Тегерана «предложил Сталину и Черчиллю создать уже пять государств на немецкой земле плюс два самоуправляемых региона» (там же). И только «дядюшка Джо» твердил: «... а народ немецкий, а государство германское остаются». Так что немцам беспокоиться за свое будущее не приходилось.

Тысячелетнее фашистское рабство?— продолжает утверждать Минкин. «Это — миф, это ложь, подsunутая сталинской пропагандой». И дальше: «Согласитесь, ведь тысячелет-

ний рейх это бред. Гитлер не мог прожить 1000 лет, даже сто». Вот дубина! Да кто ж тебе говорил, что Гитлер собирался жить тысячу лет! Ведь и ты не проживешь тысячу, даже сто, а помнить тебя как небывалого болвана и подонка будут лет триста, ну, в крайнем случае, пока существует «МК» и жив Гусев. Помнят же тысячу лет Святополка Окаянного, убийцу трех братьев, с помощью поляков в 1018 году захватившего Киев и там нашедшего смерть.

«Долго ли смогли бы фашисты удерживать Европу?»— опять вопрошает окаянное отродье. И у него опять наготове историческая аналогия идиота: «Мы же не удержали Афган». Дубина, Афганистан мы и не думали «удерживать», нас не выперли оттуда, а мы ушли сами по решению правительства с развернутыми знаменами. Но у него еще примерчик: «Американцы с Вьетнамом не справились, а уж какой перевес и в числе, и в технике». Правильно, дубина, но вьетнамцам помогал могучий Советский Союз. Помогая в свое время Северной Корее, наши летчики сбили 1309 американских самолетов, а позже во вьетнамском небе главным образом нашими летчиками было сбито более четырех тысяч оклахомцев и пенсильванцев. А кто помог бы поверженной России? Ведь гитлеровская агрессия была, в сущности, крестовым походом против нас всей Европы. Но умствующая дубина полна оптимизма и точно знает, что в 1948 году Гитлер умер бы и фашистский режим в оккупированной России рухнул бы. Однако же ему очень хотелось бы до этого срока пожить при фашизме. Ах, какая досада, что не удалось! Помешал проклятый Сталин, да и родной дед, в 1942 году погибший под Моздоком.

Как раз в эти дни, когда Минкин на страницах «МК» негодовал и ликовал, умствовал и холуйствовал, клеветал на нашу Победу и плевал в лицо своему деду, как раз в эти дни бывший первый заместитель министра иностранных дел, депутат Госдумы Юлий Квицинский как будто специально для Минкина-Дубинкина опубликовал в «Советской России» большую статью «А если бы победил Гитлер». Автор напоминает много фактов, цифр, программных заявлений.

Например, Гитлер о России еще в 1923 году: «Это громадное государство на Востоке созрело для гибели. Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым веским подтверждением расовой теории». Он же 3 марта 1941 года, выслушив доклад Кейтеля о плане «Барбаросса»: «Предстоящая кампания — это конфликт двух мировоззрений. Недостаточно будет разгромить вооруженные силы противника. Вся территорию России нужно разделить на ряд государств». Может, вы думаете, Минкин, что Гитлер создал бы и еврейское государство? В таком случае Ю.Квицинской напоминает вам: в одном лишь Освенциме были уничтожены тысячи и тысячи евреев. А Гитлер давал такое указание военному командованию: «Необходимо устранить еврейско-большевистскую интеллигенцию...» Так что вы лично, Минкин, подлежали устранению по трем пунктам: и как еврей, и как интеллигент гусевского закваса, и как психически больной (фашисты их тоже уничтожали).

Герман Геринг в ноябре 1941 года: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов. Может быть, даже хорошо, что так произойдет: ведь некоторые народы необходимо сокращать». И позже: «Многие миллионы станут лишними на территории России». Тут никак нельзя не вспомнить нашего доморощенного Германа, рыжего и конопатого. Он однажды сказал своему сотруднику по Госкомимуществу, который возмущался пагубными реформами: «Что вы так переживаете? Да, миллионов 30 вымрет. Но они сами виноваты: не вписались в наши прогрессивные реформы. Ничего, русские бабы еще нарожают». Примечательно, что из двух цифр того Геринга «от 20 до 30» этот Геринг взял вторую. И ведь тот-то говорил о чужих, а этот — о соотечественниках.

ВЫЛАЗКА КОЛБАСНИКОВ И ПИВОВАРОВ

Школа Солженицына

Телевизионный говорильщик Алексей Пивоваров в свободное от говорения чужих слов время смастачил фильм по кличке «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова». Его показу по НТВ 23 февраля в праздничный День Российской армии предшествовала хвастливая, настырная, похабно-лживая реклама. Нам сулили с документальной точностью, добытой в доселе неизвестных архивных документах и гарантированной крупнейшими специалистами, виднейшими знатоками вопроса, сказать и показать нечто такое, что 65 лет тщательно скрывалось. Это была, дескать, «вырванная страница войны». Но почему «неизвестная»?

Конечно, Пивоваров с дружками были не первыми, кто завопил об этом. Они питаются объедками. Еще в 1998 году не где-нибудь, а в Твери, на земле, где шло это сражение, О.Кондратьев (не родственник ли генерал-лейтенанта А.К.Кондратьева, начальника штаба 33-й армии, которой командовал генерал М.Г.Ефремов?) издал брошюрку «Ржевская битва: полвека умолчания». А в 2001-м там же вышел сборник «Ржевская битва», где опять статья этого автора «Забывтая битва». Пивоваров подхватил: «После войны Ржевскую битву предпочтут забыть, о ней писали мало, чаще не писали...» Как это — чаще не писать? «Сражение до сих пор называют боями местного значения». Кто называет? Где? Дайте адрес. Брошу в окно дохлую кошку.

Да, да, это вырванный и уничтоженный кровавый кусок истории войны. «Не было нашей победы, потому и не писали про Ржев. И только Александру Твардовскому удалось напечатать стихотворение «Я убит под Ржевом», и то, видимо, по чьему-то недосмотру», — писал еще в 1993 году П.Михин,

участник тех боев. Но, дорогие телезрители, при нынешней благоуханной демократии, возвестил Пивоваров, «скрыть правду уже невозможно». И мы тут же видим, что он проделывает с правдой. Заэкранный голос читает первые две строфы помянутого стихотворения, в которых сказано лишь о самом факте гибели его лирического героя, и все. Конечно, не обязательно давать стихотворение целиком, но оно же названо ими «самым пронзительным напоминанием» и уж главное-то в нем, самую суть надо непременно огласить. А это в таких словах от имени павших:

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть...

Да, в этих строках о преемственности защиты родной земли и Советской власти вся суть стихотворения. Где ж они, строки-то? Вам, холуям режима, они не по нутру, вам, блюдолизам, они — кость в горле. Именно вы, пивовары, не подхватили «наше знамя», а бросили и вот уже двадцать лет топчете. Так что с первых же кадров, с умолчания об этих строках зрителя погружают в зловонное болото лжи и фальсификации.

Классиков вообще, а советских тем более цитировать не так просто, любезный. В свое время ваш учитель Солженицын проделал столь же бесстыдный фокус аж с самим Пушкиным. Чтобы убедить читателя, как вольготно да сыто жилось на Руси крепостным крестьянам, процитировал несколько начальных идиллических строк стихотворения «Деревня» и все, и ни одной строки дальше, где говорится о «неумолимом владельце», о «рабстве нищем», о «прихоти развратного зло-

дея» и тому подобных прелестях крепостничества. И, видимо, был уверен, что ловко провел читателя.

Но способный ученик Алеша, сын безупречного Володи, проделывает то же самое и в таком же точно духе вещает: мы, дескать, покажем вам эту вырванную страницу, эту забытую битву — вы увидите войну «такой, какой она была». И добавил благодетель: «Я надеюсь, вам будет интересно».

Мне лично было очень интересно наблюдать за тем, говоря словами Достоевского, «до какой же подлости может дойти комбинация чувств человеческих». И чувств, и слов, и дел.

Пивоваров и Муссолини

24 февраля означенный говорильщик Пивоваров проснулся знаменитым. А на другой день, как триумфатор, явился на «Эхо Москвы» и заявил:

— Фильм у нас получился. Патриотический фильм. Духоподъемный. Особенно отрадно, что удалось показать его 23 февраля, как праздничный подарок ветеранам и всему народу. О нем идут споры. Я этому очень рад...

Ведущая Марина Королева вставила словцо:

— Мне страшновато сказать, но все же скажу. Председатель Совета ветеранов Ленинграда и Ленинградской области Иван Корбутов заявил корреспонденту, что посадить вас за такой фильм на двадцать лет — мало, расстрелять — слишком почетно, а вот повесить, как Власова, — самый раз. Вам не страшно?

— Нет! Мне ничего не страшно. Мы, энтээсовцы, еще и не такое видали. Я знаю, что Муссолини повесили вниз головой. Это заявление — на совести Корбутова...

— Так обычно говорят все, у кого своей-то совести вовсе нет или такая маленькая, что на ней даже божья коровка покакать не может.

— Да в чем дело? — говорит. — Мы только с документальной точностью изложили факты войны, и никто, кто нас критикует, эти факты не подверг сомнению. Речь идет только об отношении к фактам. Только!

— Ну какое же племя выросло под крылом Ельцина и Путина!

Поражение от победы солдат обязан отличать

Ведь так и твердят: «Не было никакой победы!..» Или в крайнем случае — «Горькая победа». Но вы, малюски экрана, дали себе труд поразмыслить, что такое победа? К сожалению, даже участие в тех или иных делах не гарантирует разумное, правильное понимание их. Помимо участия тут необходимо кое-что еще. Это относится и к войне, к иным ее участникам, как, например, помянутый П.Михин.

Любая военная победа в той или иной мере «горькая», ибо добывается кровью, а ведь проливать и чужую кровь — не веселое занятие. Другое дело — «пиррова победа». Именно такими были победы немцев в 1941 и 1942 годах. Война это не футбол, где все ясно по забитым и пропущенным мячам. А у пивоваровцев именно спортивный взгляд на это страшное дело. Встречаются даже такие заявления: немцы шли до Москвы меньше чем полгода, до Волги год с небольшим, а мы от Волги до Берлина — почти два с половиной. Верно. И к чему пришли немцы? В обоих случаях — к разгрому. А к чему пришли мы? К Победе. Но эти мелочи в состязании по быстрой ходьбе пивоваровых не интересуют: главное — скорость! Как на Олимпиаде. И они объявляют немцев чемпионами, выдают им золотую медаль.

Военный успех, победа далеко не всегда — уничтожение или пленение противника, не обязательно — знамя на вершине Мамаева кургана или над рейхстагом. Чаще всего это выполнение поставленной задачи. Была оборона Брестской крепости успехом? Да! Хотя почти все ее защитники погибли. Были победой оборона Одессы и Севастополя? Да! Ибо в пору, когда дорог каждый час, а опасен любой батальон противника, защитники крепости почти на целый месяц задержали немецкую дивизию, устремленную на Москву, а защитники Одессы 73 дня сковывали 4-ю румынскую армию, в обоих случаях мы вывели из строя множество столь необходимой врагу живой силы и техники, нарушили планы оккупантов. То же са-

мое, но с еще большим размахом 250 дней делали защитники Севастополя, почти 200 дней — защитники Сталинграда.

А что такое поражение? Это, как правило, крушение планов, расчетов, надежд. Немцы планировали в несколько недель разгромить Красную Армию, захватить Москву и Ленинград. Блиц-криг!.. А мы думали пока только об одном — выстоять! И вот заявление одного немца в дни обороны Брестской крепости: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней». Вы думаете, это Геббельс трепался в берлинском Спорт-паласе? Нет, это 3 июля, в прекрасном настроении вернувшись с утренней конной прогулки, записал в дневнике Франц Гальдер. А он был не подручным Геббельса вроде Ганса Фриче, а начальником штаба сухопутных войск вермахта — генерал-полковник, высочайший военный специалист. А в октябре, когда немцы уже находились под Москвой, сам Гитлер, по аттестации Ю.Мухина, «выдающийся полководец» в помянутом Спорт-паласе заявил: «Враг повержен и уже никогда не поднимется».

Да, у немцев были к тому времени огромные успехи, захвачена большая территория, но — Красная Армия продолжала сражаться и набирала силы, Москву они не захватили, Ленинград отбивался, т.е. их планы провалились, а мы выстояли, и это было стратегическим поражением немцев, в недрах которого зрели их полный крах и наша безоговорочная победа.

Ржевская битва было трудной, долгой, кровопролитной, она имела целью сковать силы врага, чтобы он не смог перебросить их под Сталинград. Вот что писал в своей «Истории Второй мировой войны» немецкий генерал Курт Типпельскирх об одной нашей операции подо Ржевом: «Прорыв советских войск удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, уже готовых к переброске на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем для контрудара» (с.241). Цель нашего прорыва была достигнута. А закончилась-то битва все же ликвидацией Ржевского выступа, полтора года нависавшего в 150 километрах над столицей. Нам говорят с экра-

на: это неважно, ибо немцы сами пришли и сами ушли! Где же победа? 0:0. Они сами!.. А что им оставалось — ждать окружения? Так ведь и капитуляцию они подписали тоже сами — собственными ручками фельдмаршала Кейтеля... Конечно, такими «латентными» победами не принято хвастается, но никто намеренно и не скрывал ее.

Народ хранит память

Еще в дни, когда битва шла, а Ржев еще не освободили, Верховный Главнокомандующий сказал о ней в приказе от 23 февраля 1943 года по случаю Дня Красной Армии. И как сказал! Поставил по значимости в ряд с другими великими боевыми деяниями того времени: «Навсегда сохранит наш народ память о героической обороне Севастополя и Одессы, о боях под Москвой, в районе Ржева, под Ленинградом, о сражении у стен Сталинграда».

И сколько писали об этой битве! В стихах — от Твардовского до Ножкина, а в прозе — от 12-томной «Истории Второй мировой войны», изданной в 70-х годах, до... Тут все и не перечислишь! К десятку имен, названных сейчас в «Правде» генералом М.Гареевым, прибавлю хотя бы только авторов, книги которых у меня под рукой: генерал-полковник Л.Сандалов (1960), М.Панарин (1961), маршал Г.Жуков (1969), К.Иванов (1972), писатель К.Симонов (1978), генерал-полковник Н.Хлебников (1979), генерал-лейтенант Б.Бойко (1982), военный историк Г.Бердников (1985), тот же генерал армии М.Гареев (1994 и позже вплоть до 2008), писатель А.Огнев (2003, 2004, 2007), военный историк А.Исаев (2006)... Хватит? А то могу продолжить: маршал М.Катуков, генерал А.Сапожников, писатели Вячеслав Кондратьев, Вадим Кожинов... Да возьмите хотя бы популярнейшую энциклопедию о Великой Отечественной, что в 1985 году вышла в Политиздате тиражом в 500 тысяч экземпляров — и там три статьи о Ржевской битве.

Не говорю уж о вышедшей в 2005 году иллюстрированной энциклопедии — и там три статьи с наглядными схема-

ми к ним. Правда, в последнем случае тираж всего 5 тысяч, т.е. в 100 раз меньше, чем тираж энциклопедии 1985 года. Но зато... Соотношение тиражей 100:1 имеет символически-мистический смысл. Можно было ожидать, что та энциклопедия будет открываться портретом И.В.Сталина, Верховного Главнокомандующего Красной Армии, под руководством которого мы одержали великую победу, но нет, она открывается репродукцией знаменитого плаката Ираклия Тобидзе «Родина-мать зовет!». А вот эта — именно прекрасной во всю страницу цветной фотографией тов. Путина, тогда, в 2005-м — Верховного Главнокомандующего, без боя сдавшего армию фельд-мебелю Сердюкову. Под портретом — его текст и автограф. Можно было ожидать, что, следуя духу традиционной для энциклопедий широты и объективности, это будет известное заявление товарища Путина в телеинтервью после просмотра фильма Федора Бондарчука «Девятая рота», посвященного войне в Чечне. Вот это: «Конечно, и в годы Великой Отечественной было немало случаев героического самопожертвования, но тогда эти воины шли на подвиг под дулами винтовок и автоматов заградотрядов. Сегодня же они идут на них, движимые лишь чувством любви к родине» (ПРАВДА.20 авг. 2004). Тут надо было бы уточнить: «... любви к родине, какую мы с Ельциным и Чубайсом, Абрамовичем и Дерипаской, с Боссом и Крессом вам создали». Но этих слов почему-то нет, есть совсем другие. Кому интересно, могут посмотреть. 100:1...

Что же до генерала Ефремова — вечная ему память, — то о нем были и публикации в журналах (например, И.Жорова в «Военно-историческом» журнале» №6 за 1965 год), и книги (например, А.Виноградова «Герой-командарм», 1967)... Да о каком забвении речь, телговорильщики, если сразу после освобождения центральную площадь Вязьмы назвали именем Ефремова и на ней в 1946 году поставили памятник генералу работы одного из лучших наших скульпторов — Евгения Вучетича. И самому Ржевцу были оказаны достойные почести: в 1963 году в городе сооружен обелиск Победы, в 1965-м — памятник Славы, в 1978-м город награжден орденом Отечест-

венной войны первой степени. И опять же — а сколько публикаций!

Что вам еще надо, упыри? И кем же надо быть, чтобы колотить себя в грудь и визжать: «Вырванная страница войны!.. Полвека умолчания!.. Забытая битва!.. Сейчас мы откроем вам всю правду!..»

Красная Армия со страху взяла Берлин

А упырям надо, чтобы все это было изображено как в книге битого немецкого генерала Х. Гроссмана «Ржев — краеугольный камень Восточного фронта». А еще лучше — как в книге американского сочинителя Дэвида Глэнца «Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс».

У них вся Отечественная война состоит из поражений, разгромов и катастроф Красной Армии. И совершенно нельзя понять, как же она оказалась в Берлине. Видимо, в ходе панического бегства. Некий Мальгин, возглавлявший журнал «Столица», к пятидесятилетию Победы напечатал там статью, которую написал некий Портнов — «Разгром советских войск под Москвой». В том же году журнал откинул копыта. А некий Борис Соколов, крупнозернистый профессор МГУ, недавно изгнанный оттуда, божится, что в сражении на Прохоровском поле немцы потеряли всего 5 танков, а мы — 1200. И ведь не сообщает, что хочет похвалить немцев и оклеветать нас, а получается наоборот. В самом деле, если столь сокрушительно для нас и победно для немцев соотношение потерь, чего ж они после сражения сразу рванули на 150 километров поближе к флангу? Ответ может быть только один: по трусости.

То же самое и об общих потерях в войне. Немецкие, говорят нам упыри демократии, были несравнимы с советскими, мизерны, ничтожны. Давайте поверим. Но чего ж немцы так безропотно подписали капитуляцию? Притом — безо всяких условий, безоговорочную! Делайте с нами, что хотите. Да еще и два раза подписали: сперва в Реймсе перед американцами и англичанами, на другой день — в Берлине перед нами и теми же союзниками?

Русские портреты еврейской кисти

Нет, доморощенные упыри куда омерзительней немецких и американских. О тех же наших потерях они не просто называют цифру, у нормальных людей вызывающую горечь и боль, обязывающую к осторожности и сдержанности. Нет, они цифру обсосут со всех сторон, как собака мозговую косточку, а потом разгрызут, но не съедят, а по стенке размажут. Вот назвал Пивоваров наши потери в одной операции и тут же сообщил, сколько приходится на каждые сутки боев да чуть ли ни на квадратный метр поля битвы, а еще и присовокупил:

— Вы только представьте: это же все население такого районного центра, как ныне Сычевка, вместе с детьми и стариками. Вы только вообразите! Беспомощные дети, беззащитные старики. И это только за один день, за 48 часов. А сколько таких Сычевок!.. И так всегда, так во всем о войне.

Во всем вплоть до жадно интересующего их вопроса, сходились ли наши женщины с немцами на захваченной территории. Никакая статистика тут, разумеется, невозможна, но факты были. Одни сходились под угрозой себе и своим близким, по прямому насилию, другие — чтобы получить подачку и выжить самой и детям. Но, конечно, выискивались и доброволки. Вопрос болезненный, сложный, и честный художник, если коснется его, будет сдержан и деликатен. А что мы видели, например, в фильме «Штрафбат» Досталя, на днях получившего из рук президента орден, и Володарского?

У молодой женщины, к которой приходит немец, муж на фронте и, может быть, уже убит. Этого фильмамачам мало. На ее глазах немцы убивают ее сына-подростка. И этого им мало. Они еще изобразили, как малолетняя дочка несчастной женщины радуется каждый раз приходу «дяди Курта»: он всегда приносит шоколадку. Вот теперь фильмачи довольны: образ русской женщины выписан еврейскими руками обстоятельно. Они могут спросить: «А что, это было невозможно?» Отвечу: «У Бога всего много. Но это не делает вас менее бездарными и гнусными, как и Солженицына, восторженно мусолившего эту тему».

Трус национальности не имеет

Да, потери были велики. Но что делать — война, и вопрос стоял — быть России или исчезнуть. «Как что делать? — вскинулся патриот Пивоваров. — Во время Отечественной войны жизнь солдата ничего не стоила! А надо было беречь!» Это ему в правое ухо вложил Радзинский, в левое — Сванидзе, а на язык положил Гавриил Попов, известный умом и живучестью грек. Можно привести много примеров того, как Сталин, Жуков и другие военачальники распекали подчиненных, если случались ненужные, зряшные потери, а они, конечно, случались, как и у немцев. Напомню лишь тот, что у К.Симонова. Жуков ему рассказывал, что, когда 30 апреля позвонил Сталину и пожалел, что с Берлином приходится еще дня два повозиться, тот ответил: «Не надо спешить. Берегите людей. Не надо лишних потерь». Правда, таких, как Пивоваров, Сталин не очень берег.

А ныне войны нет, однако население страны убывает ежегодно почти по миллиону. А ты допущен к эфиру. Вот выйди однажды и скажи: «Господа правители, Путин да Медведев, Грызлов да Миронов, Устинов да Чайка, вы разве не знаете, во что обходится народу ваша мудрая политика? Каждый год исчезает областной город, такой, например, как Ростов-на-Дону или Челябинск. Когда же вы, тупоумные мерзавцы, прекратите свою людоедскую политику?»

Ну встаньте, молодой и вроде бы по рождению русский мужик, соплеменник Александра Невского и Суворова, Шолохова и Жукова, Королева и Курчатова. Так встань и скажи в микрофон такое вот веское словцо, как встала в свое время чеченка Сажу Умалатова и первой внятно сказала на всю страну бездарному предателю Горбачеву с высокой трибуны Верховного Совета: «Изыди, сатана!» Или повторите хотя бы достойный поступок еврея Иосифа Кобзона. Видели концерт, посвященный 65-летию разгрома ленинградской блокады? Там Иосиф Кобзон спел знаменитую песню на слова незабвенного Павла Шубина так, как она была написана и много лет пелась:

...Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград прорывался болотами,
Горло ломая врагу...
Выпьем за тех, кто лежит под Синявино,
Кто не сдавался живьем.
Выпьем за родину, выпьем за Сталина!
Выпьем и снова нальем.

И, как полагается, во весь голос на всю державу певец повторил:

Выпьем за родину, выпьем за Сталина!
Выпьем и снова нальем.

И это прямо в лицо сидевшему в первом ряду нынешнему главковерху, у которого при имени Сталина начинаются корчи. Говорят, после Кобзона его отпаивали валерьянкой, лед на мягкое темечко клали, пивок на пышные перси ставили. Я послал Кобзону по думскому адресу письмо, от души поблагодарил. Напомнил о подобном поступке кинорежиссера Владимира Меньшова, отказавшегося огласить премию гнусному фильму «Сволочи», состряпанному бандой бездарных сволочей.

А ухмылистый Пивоваров скривился даже на героический Парад 7 ноября 1941 года: «А вдруг налетели бы на Красную площадь немецкие самолеты — что тогда?» Только этот вариант великого дня его интересует. Могла ж быть такая сенсация для НТВ! Он думает, что тогда как нынче — все начальство способно только рты разевать да ушами хлопать, ну и о демократии лепетать, а тут — бесконечные катастрофы, аварии, пожары, убийства, разворовывание народного богатства и распродажа государственных секретов... Он не в силах вообразить, как это люди могут решиться пройти по лезвию бритвы и выйти победителями. Да это же совсем другие люди — советские!

Кавалер ордена Геббельса

Как уже сказано, о генерале Ефремове этот Пивоваров лжет так же тупо, как о всей битве: «Забыт! Выброшен из истории! Его имя должно быть у всех на слуху, а его мало кто знает...» А имена каких наших генералов «на слуху» у вашей генерации манкуртов? Обойди хотя бы свое заведение, опроси сотрудиичков, кого они знают. Могут назвать разве что лишь имена врагов — Гитлера, Гиммлера, Геббельса, Гудериана... А о маршалах Советского Союза Толбухине или Говорове, о маршалах родов войск Новикове или Ротмистрове, Катукове или Бабаджаняне, о генералах Антонове, Баданове или Горбатове, о Героях Советского Союза Александре Матросове или Марите Мельникайте, погибших в двадцать лет, — о них ничего не знают даже нынешние президенты и премьеры, сменяющие друг друга да играющие с народом то в «жмурки», то в «кошки-мышки». И это — результат их собственной безмозглой политики, доходящей до такого паскудства, что даже в дни военных парадов на Красной площади они маскируют Мавзолей и отгораживаются фанерой от самого Верховного Главнокомандующего и от великих полководцев той великой войны и от великой Победы — от самой блистательной эпохи родины. И вы, Пивоваров, — платный холуй и подпевала этой политики.

Вот и лжете, будто немцы оказали застрелившемуся Ефремову «высшие воинские почести». Какие — салют в двадцать залпов? трехдневный траур всего вермахта? памятник поставили? Неизвестно... Еще до вас по вашему же телевидению с такой же гнусной выдумкой о немецких почестях защитникам Брестской крепости выступил некий Правдюк, малограмотный обличитель Шолохова. Это говорит лишь о том, что вы просто не имеете никакого представления о фашизме, о гитлеровской армии, об Отечественной войне и об всем, происходившем в 1941—1944 годах на земле вашей родины.

Немцы истребили миллионы пленных, еще больше расстреляли и повесили мирных граждан, молодых угоняли в рабство... Помянутый Гальдер 8 июля 1941 года записал в дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сровнять с землей Москву и Ленинград, чтобы избавиться от населения этих городов... Задачу их уничтожения должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет, сказал он, «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов вообще»... И вдруг — немцы оказывают «высшие почести» генералу-москвиту, генералу-большевику, имевшему орден Ленина и два ордена Красного Знамени. Не из уважения ли к его партийному стажу с 1924 года? Да почему же тогда не предусмотреть хотя бы без всяких почестей сохранение жизни героическим защитникам Москвы и Ленинграда или хотя бы только детям и женщинам? Нет, они планировали полное истребление миллионов... А вот вам бы, зажавшийся мерзавец, они оказали бы почести. Вы заслужили орден Геббельса Первой степени, который у нас скоро учредят. Давно пора!

Сикстинская мадонна и Янтарная комната

Но вы, Пивоваров, подлее Правдюка, хотя и не лезете разоблачать Шолохова. Вы разукрасили свое холуйство перед оккупантами еще и байкой о том, что, с почестями предавая тело генерала земле, «немцы не тронули его золотые часы». Ах, ты золотарь вонючий!.. Да они выламывали золотые зубы даже у расстрелянных, тащили все что могли, вплоть до трамвайных проводов, рельсов и чернозема Воронежской области... А тут часики не тронули. Пусть тикают в могиле: тик-так, тик-так... Я даже могу допустить, что в силу стечения каких-то обстоятельств так и было. Не это важно, а то, что русский подонок говорит об этом с целью облагородить грабителей и убийц миллионов русских людей.

Вот вам задачка, правдолюб. Если немцы все-таки победили бы, а Россия в какой-то удобной для них форме все-таки осталась бы, вернул бы нам известный эстет Геринг, ограбив-

ший все музеи Европы, картины Третьяковки и Русского музея, оказавшихся их трофеями, как мы вернули им Дрезденку вместе с Сикстинской мадонной? Подсказка: Янтарную комнату уже 65 лет найти и вернуть не могут...

Шикльгрубер, советский агент № 1

Дело прежде всего в том, как читателю, видимо, уже ясно, что Пивоваров и его главные подручные по антисоветскому и антирусскому злодейству Евгений Низовцев, Владимир Мельников, Евгений Морозов и другие — люди до ужаса дремучие именно в том деле, за которое взялись. Притом — всесторонне.

Начать хотя бы с такой частности, как должности и награды на фронте. Уверяют, что генерал Ефремов командовал Брянским фронтом. Чушь. Для меня это был первый фронт, на который попал. Или: «Конев в 1945 году стал маршалом». (Сказать «...Советского Союза» не смеют, премии лишат). На самом деле — еще в феврале 1944-го. И так далее.

Зато с каким увлечением и точными подробностями повествуют о талантах и прочих достоинствах немецких генералов, правда, кое-что умалчивая. Например, сообщатся, что «после провала наступления на Москву (точнее говоря, после разгрома. — В.Б.) командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок отправлен в отставку». Воистину так, но почему ни слова еще о 35 генералах, которым этот разгром тоже вышел боком? Заодно с фельдмаршалом они были сняты с постов и отправлены в фатерланд к женам? И даже сам Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, был отправлен к своей старушке. Так что победа тогда была двойная: Красная Армия разгромила под Москвой немецкие войска, а наш агент Шикльгрубер — высший немецкий генералитет.

Затем: «Присылают(!) фон Клюге. Головокружительная карьера!» Прекрасно, хотя в армии не «присылают» на должность неизвестно кто, а назначает вышестоящее лицо, в данном случае — Гитлер, ставший в те дни Верховным Главнокомандующим.

«Точка пули в своем конце» как символ доблести

Интересно, а чем кончилась головокружительная карьера Клюге? Молчок. Приходится просветить: 18 августа 1944 года бедняга застрелился после того, как Гитлер намахал его за провал и на Западе. Так что, в конце концов, карьера-то оказалась, увы, головосокрушительной... А вот еще Вальтер Модель, командующий той самой 9-й армией, которая удерживала Рижский выступ. Талант! Большой талант! — слышим мы. Он совершил блистательное отступление из этого выступа. Сообщается даже его армейское прозвище — «пожарник Гитлера», и то, что он был страстный охотник, и цитируется по-немецки какой-то его афоризм. Какое почтение! А чем все-таки кончил-то? Опять ни слова. Да ведь тоже болезный 21 апреля 1945 года пустил пулю в свой блистательный лоб. Причем, во все не был тяжело ранен, как наш генерал Ефремов. Нет, пребывал в добром здравии, но войска, которыми он командовал уже во Франции, были разбиты, в плен сдались 325 тысяч солдат, офицеров и 30 генералов. Что оставалось делать?

Поскольку нам и дальше придется говорить о самоубийствах, то полезно вспомнить, что один наш патриотический автор пустил гулять по свету байку о том, что в день капитуляции Германии множество немецких генералов, как по команде, застрелились. И он видит в этом их высокую честь и благородство. А ведь самоубийство может быть и выражением трусости перед ответственностью за содеянное, и фактом прямого дезертирства, и просто малодушия. Почему, например, в мае 1937 года застрелился Ян Гамарник? По одной из названных причин. И в данном конкретном случае автор, увы, ошибается, хотя самоубийств среди немецких генералов и всей нацистской верхушки действительно было немало.

В день капитуляции Германии 8 мая 1945 года застрелился только один Бернгард Руст, долгие годы, как наш г-н Швидкой, возглавлявший министерство культуры. Но задолго до него еще 15 ноября 1941 года, видя, что блицкриг — о, Weh! — лопнул, и понимая, что впереди — неминуемое поражение,

покончил с собой генерал-полковник Эрнст Удет. То была первая черная ласточка. Вторая прилетела только 19 августа 1943-го — ушел в легенду, как пишут у нас, генерал-полковник Ганс Ешонек, начальник Генерального штаба люфтваффе. В июле 1944 года, когда под ударами маршала Рокоссовского вдребезги рушилась оборона немцев в Белоруссии, а заговор 20 июля против Гитлера провалился, добровольно сыграл в ящик генерал-полковник Людвиг Бек. Тогда же на фронте взорвал себя гранатой генерал-майор Хенинг Тресков, тоже участник июльского заговора. 18 августа этого же года откинул копыта помянутый генерал-фельдмаршал Клюге. 28 сентября между генералами затесался мирный бюргер Йозеф Бюркель, рейхскомиссар Австрии. 14 октября — знаменитый и непобедимый генерал-фельдмаршал Роммель. 21 апреля 1945 года, когда уже на всю Европу пахло жареным, присоединился к большинству известный нам ржевский триумфатор генерал-фельдмаршал Вальтер Модель. Ну, а уж дальше посыпались, как горох: 30 апреля вместе со своей несчастной Евой — сам Гитлер, которого наш остроумный патриарх называет «товарищем», 2 мая — Геббельс с женой Магдой, прихватившие с собой, изверги, шестерых малых детей. 21 мая — Гиммлер. В те же майские дни — чехословацкий гауляйтер Конрад Генлейн, Главком флота адмирал Фрейдебург, помянутый коллега Швыдкого — Бернхард Руст, не успевший додуматься, что «русский фашизм страшнее немецкого», затем — начальник имперской канцелярии Филипп Бюлер, начальник всех лагерей смерти Одило Глобочник, рейхскомиссар Норвегии Йозеф. 13 марта 1946 года, когда шел Нюрнбергский процесс, — Карл Хаусхофер, идеолог нацизма, разочаровавшийся в нем после расстрела сына. 15 октября 1946 года, раскусив ампулу с цианистым калием в Нюрнберге, догнал всех Геринг. Наконец, 17 августа 1987 года после неоднократных попыток на 94-м году жизни повесился Рудольф Гесс, заместитель Гитлера по партии.

А у нас? В самом начале войны застрелился начальник ВВС терпевшего страшное поражение Западного фронта генерал И. Копец: в первый день фронт потерял более тысячи

самолетов. Вот еще и тяжело раненный Ефремов в 1942 году. Других примеров за время войны среди военачальников, народных комиссаров, секретарей обкомов я не знаю, хотя, возможно, что-то и есть. А ведь положение-то было порой отчаянное, как признал сам Сталин. И вот из таких фактов, таких соотношений иные авторы делают вывод о моральном превосходстве врага...

Я защищаю Гитлера

Однако обратимся к совсем иной области знаний о войне. Мы слышали с экрана: «2 марта 1943 года отряд немецких саперов во Ржеве протягивает к берегу реки телефонный кабель: выполняется последняя прихоть фюрера — он хочет услышать, как взорвется мост за уходящим из города вермахтом». Господи, от таких, как этот Пивоваров, приходится защищать даже Гитлера. Ну, во-первых, уж если говорить о «последней прихоти» Гитлера, то уместнее сказать о его предсмертном венчании с Евой Браун, и это было в мае 1945 года, а не в 1942-м. Во-вторых, изумляет и то, что творцы фильма думают, будто Гитлер был такой болван и делать ему после Сталинградского побоища было уж так нечего, как только развлекаться звуками взрывов на фронте по телефонному проводу. Наконец, если вы, Пивоваров, служили в военторге, или, как внезапный на старости лет антисоветчик Алексей Баталов, — в театре, или даже вовсе не служили в армии, то и тогда могли бы при наличии шариков знать, что кабелем, телефонами занимаются не саперы — связисты. У саперов совсем другая работа. А летчиков от танкистов отличаете? Да известно ли вам хотя бы, какая разница между ППШ и ППЖ?

Кстати, о ППШ наш знаток говорит: «Перезарядить ППШ — целая история». Какая история? Нет ничего проще. Диски — 72 патрона — заряжались заранее, один ставился на место, другой, уже заряженный, был в запасе. Но потребнироваться, как и со всяким оружием, конечно, приходилось. Это тебе не в микрофон вякать. ППШ в отличие, например, от капризной СВТ (самозарядная винтовка Токарева) славно прослужил всю войну.

А ведь маэстро Пивоваров говорит, напомним, что у нас, мол, все документально точно, мы советовались с крупнейшими специалистами, знатоками. Не был ли среди них Радзинский или Радзиховский? А вот, кажется, доктор ельцинских наук Светлана Герасимова. Она повествует: «В начале октября 42-го года бои на Ржевском выступе затухают. Поставленную задачу так и не удалось достигнуть». Между нами говоря, доктор, задачи не достигают и даже не всегда выполняют, как сказано у вас дальше, а решают. И тут же: «Но главная задача выполняется. Она сформулирована в одном из сообщений Совинформбюро: «Немцы ежедневно теряют на фронте тысячи и тысячи солдат, а это подготавливает поражение Германии». Разве не так? Разве это подготавливало победу Германии? Но самое интересное, доктор еще и уверена, что Совинформбюро ставило войскам задачи! Мадам, это всего лишь, как ныне говорят, СМИ, и только, командными функциями оно не располагало.

А Пивоваров тут же присовокупил: «Сводка Совинформбюро не договаривала, что гибнут тысячи и тысячи не только немцев, но и с другой стороны» (сказать «с нашей, с советской стороны» он опять же не смеет — от кормушки отлучат, и для него это просто «другая сторона» в спортивном состязании). Этот прихвостень режима уверен, что советские люди были так же тупы, как он сам со своим Кулиستиковым, что непременно надо было объяснять советским людям: гибнут и наши. Да, прихвостень убежден и в том, что мы должны были информировать немцев о количестве своих потерь. И постоянно, и с предельной точностью. А коли не делали, значит, пренебрегали великим принципом демократии — гласностью без берегов.

Раз убитый... два убитый... три убитый... Статистика!

Вот что слышим от помянутой Герасимовой еще: «В Ржевско-Вяземской наступательной операции Красная Армия потеряла убитыми около 300 тысяч человек и более 500 тысяч раненых». Мадам доктор наук, едва ли возможно такое со-

отношение. В подобных операциях раненых обычно бывает раза в три больше. Значит, если 300 тысяч только убитых (сомнительна и круглость с двумя нулями), то общие потери где-то далеко за миллион. А вот молодой дотошный военный историк Алексей Исаев в книге «Георгий Жуков» приводит другое число общих потерь — 776 889 убитых, раненых, попавших в плен и пропавших без вести (с.287). Это гораздо правдоподобнее. Но позже говорящий прихвостень Пивоваров поведует: «Согласно советской статистике в четырех операциях подо Ржевом погибли 433 тысячи красноармейцев. Число это занижено. В постсоветских источниках говорится о 800 и 900 тысячах. А общие потери, включая раненых, превышает 1,5 миллиона. Эта цифра тоже не окончательна, потому что убитых продолжают находить до сих пор». То есть мыслитель уверен, что военные потери считают не по уменьшению личного состава частей, а по обнаруженным трупам: кто-то ходит с блокнотиком и карандашиком да считает, записывает, потом кому-то докладывает. Это, говорит, военная статистика. А верит он, конечно, не советским, а постсоветским, т.е. родным и любимым антисоветским данным. Кроме того, если убитых опять же ровнехонько 900 тысяч, то общее число потерь будет, пожалуй, что-то вроде трех с половиной миллионов. Вы согласны, маэстро? Господи, где предел их бездарности и тупоумия! Даже того дитяtko не знает, что врать лучше в нечетном числе, и лепит нам цифры аж с двумя нулями и убежден, что ему поверят...

Академик Лихачев как военный мыслитель

Ах, до чего жаль, что умер незабвенный академик Лихачев. Вот еще и его бы завлечь советником или консультантом в эту киношку! Он был очень оригинальный военный мыслитель. Например, вместе с известной Еленой Боннэр, почему-то ученой степени не получившей, утверждал, что нам следовало изгнать немцев со своей земли и остановиться, и — штык в землю! — разойтись по домам: «Я так давно не видел маму...». У академика был и веский литературный резон: Лев

Толстой, говорил он, не стал же в «Войне и мире» описывать поход нашей армии на Париж. Вот и надо было следовать литературному образцу, сюжету классика. А мы, видите ли, в 1944-м поперли освобождать Польшу, Румынию, Чехословакию и в 1945-м дошли до самого Берлина. Это, по мнению Лихачева и Боннэр, была уже агрессия, омерзительная для них и Льва Толстого. А надо было, исходя из принципов гуманизма, дать Германии оправиться от ударов, передохнуть, глядишь, она и отказалась бы от своих нехороших планов. Позже эту великую идею, но уже как свою собственную, огласил благим матом ядреный интеллектуал Гавриил Попов.

А Лихачев имел прямое отношение и к теме фильма. Однажды он заявил: «Подо Ржевом больше всего пострадало немцев и русских...» Странно: русский человек жалеет прежде всего страдальцев-оккупантов. Не тем ли и заслужил похвалу военного историка О.Кондратьева: «Сугубо штатский человек, филолог, историк, лучше профессиональных исследователей знает, что...» А чего тут знать-то — что война это кровь и смерть как для захватчика, так и для защитников своей родины? И для этого надо быть академиком?

Но почему военного историка не заинтересовало, каким образом филологу удалось всю жизнь оставаться «сугубо штатским»? Ведь когда началась война, ему было 33 цветущих года и он подлежал мобилизации по Указу Верховного Совета от 22 июня в первую очередь уже на следующий день — 23 июня. Ан, нет... Может, здоровьем был слаб? Да ведь прожил чуть не до ста...

Его бывшие враги и нынешние друзья

Но вернемся к вопросу о потерях. С.Герасимова, которая доктор, сказала: «Ржевско-Вяземский выступ был ликвидирован, но занимавшие его войска немцам удалось сохранить». Как так — целиком и полностью? Да выходит, ибо никаких оговорок нет, сказано категорично. И это при ее миллионе наших потерь! Но какой-то неопознанный мной участник клоунады вдруг заявил: «Точное число погибших немцев неиз-

вестно. Но одна только 9-я армия Моделя потеряла не меньше 120 тысяч». Как же так? Доктор, кому верить?..

Но это одно. А другое — суперпатриотические власти Тверской области во главе с суперпатриотом Дм. Зелениным и, надо думать, с согласия московских суперов разрешили, как сказал, блаженно закрыв глазки, Пивоваров, «по соседству с нашим кладбищем устроить немецкое, где хоронят бывших врагов». Вы подумайте: бывших! Нет, сударь, там лежат вовсе не бывшие враги, а самые настоящие, с оружием в руках пришедшие уничтожить Россию, поработить наш народ и от защитников родины получившие по заслугам. Но откуда же они взялись, если, как уверяет доктор Герасимова, всех «удалось сохранить»? Уж не привозят ли сюда умирающих ныне в Германии воевавших подо Ржевом бывших немецких солдат, которым тогда удалось улизнуть? Губернские патриоты могут и до этого додуматься. Додумались же они до финансовой поддержки сооружения немецкого мемориала на русской земле за счет налогоплательщиков Тверской области.

Спросите у Юрия Бондарева...

Едва ли зная, в чем разница между ППШ и ППЖ, Пивоваров, однако, претендует на роль большого стратега: «30 января 33-ю армию Ефремова отсекали от основных сил фронта, окружили. Он просит разрешение на прорыв. Комфронта Жуков приказывает продолжать операцию. Ефремов напрямую обращается к Сталину. Но и Ставка не разрешает: «Потерпите, мы вас не оставим». Жуков в ярости: подчиненный обратился через голову командующего». Ах, мол, какое мракобесие! И хотя никакого свидетельства «ярости» у Пивоварова нет, но она тут в том или ином виде вполне понятна: армия живет по субординации, по уставам и приказам, чего малоумный адепт демократии понять не может, хотя сам беспрекословно подчиняется какой-то гниде, стоящей над ним. А Жукова так же возмутил и Рокоссовский, когда в ноябре 41-го решил отвести свою армию за Истру (где я сейчас пишу эти

строки) и тоже обратился «через голову». При этом у командарма были очень веские соображения: «Я считал вопрос об отходе чрезвычайно важным. Мой долг командира и коммуниста не позволял мне безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б.М.Шапошникову... Спустя несколько часов получил ответ. В нем было сказано, что предложение наше правильное и он его санкционирует. Я был уверен, что ответ согласован с Верховным». И Рокоссовский отдал соответствующий приказ.

Но тотчас пришла телеграмма Жукова: «Войсками фронта команду я. Приказ об отводе войск отменяю. Приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать». Потом Рокоссовский вспоминал: «Что поделаешь! Приказ есть приказ. И мы, как солдаты, подчинились». И армия не отступила. Рокоссовский был великим солдатом родины.

А Пивоваров заявляет о положении армии Ефремова: «В этот момент ее прорыв наверняка удался бы». Ну вы гляньте! Жуков не знал, Сталин не ведал, Генштаб сомневался, а штафирка Пивоваров знает-понимает: прорыв точно удался бы, клянусь гонораром за фильм!.. За два месяца до этого, 23 ноября 1942 года, окруженный под Сталинградом Паулюс радировал Гитлеру: «Прошу свободы действий», то есть — на прорыв. Гитлер ответил: «Я сделаю все, чтобы своевременно сокрушить красную блокаду». И бросил на выручку окруженным мощнейшую группировку Манштейна. Началась операция «Зимняя гроза». Танковый молот бил осатанело. Сперва, прорывая нашу оборону, немцы сблизались до 60 километров. Перевели дух и под девизом «Удар грома» ринулись опять. Прогрызли еще 25 километров, дошли до реки Мышкова. Спросите, штафирка, у командира орудия Юрия Бондарева, что там было. Это уже 35 километров до окруженных. И что? На этом и «Гроза» и «Гром» испустили дух... Подумайте, чего это нам стоило. А Жуков тогда, возможно, и ошибся, не дав Ефремову разрешения на прорыв. Но пивоваровский-то щелкоперский оптимизм чего стоит?

НТВ — НТС

Тут же приводится сомнительный текст телеграммы Жукова, не отправленной Ефремову. Да где взял неотправленную? И мало ли что можно написать в неотправленном послании. Я, например, могу написать, что НТВ — мой любимый канал телевидения, а душка Пивоваров — мой любимый лицедей. Написать и выбросить в корзину. И что, вы достанете мое письмо из корзины и обнаружите?

В этой телеграмме Жуков, говорит, писал Ефремову: «Вы и только вы виноваты в том, что противник перекрыл вам пути подвоза и эвакуации». Трудно представить, что во время самой операции кто-то шлет такие телеграммы. Но важнее другое: а разве так не бывает, что именно ответственный за дело, в данном случае, командующий, как раз и виноват в провале порученного дела? Кто закоперщик НТВ? В данном случае именно он прежде всего и главным образом виноват в том, что НТВ так похож на известный НТС — Народно-трудвой союз, а работают там такие хлыщи, как Пивоваров.

Г.К.Жуков о М.Г.Ефремове

Но слушайте, что у него еще в заглавнике: «И годы спустя Жуков будет мрачнеть, слыша о Ефремове». Что, сам видел? Но главное-то, он, видите ли, считает, что маршал, вспоминая трагически погибшего генерала, должен был не мрачнеть, а улыбаться и ликом светлеть. Да, видимо, без улыбки Жуков писал: «Командарм М.Г.Ефремов, дравшийся как настоящий герой, был тяжело ранен и, не желая попасть в руки врага, застрелился. Так закончилась жизнь талантливого и храбрейшего военачальника, вместе с которым погибла и значительная часть героических воинов его группы.

Генерал-лейтенант М.Г.Ефремов вступил в командование 33-й армией 25 октября 1941 года, когда немцы рвались к Москве. В битве за Москву войска его армии дрались мужественно и не пропустили через свои рубежи противника.

За боевую доблесть в битве под Москвой генерал Ефремов был награжден орденом Красного Знамени» (Воспоминания и размышления.1971 г.. с.356-357). Как, между прочим, и сам комфронта Жуков... Вы не помрачнели, стратег Пивоваров? Почему этих слов не было в фильме? Вы ж клялись в объективности. И я указываю источник жуковской похвалы Ефремову — его воспоминания. А вы указать источник своего вранья не можете, ибо это выдумка пустой черепашки. Одного этого достаточно, чтобы сказать вам: прохвост.

«Вину я должен взять на себя...»

А у него еще довесок неизвестного происхождения. Жуков-де сказал о боях подо Ржевом: «Там собственно и операции-то никакой не было. Взять на себя ответственность, чтобы показаться критичным — зачем это нужно? Надобности нет». Где, когда Жуков написал это или сказал — твоей матушке, родившей мерзавца? Он пытается внушить нам, что Жуков не желал ни за что признавать ошибки, отвечать за них, брать на себя ответственность за неудачи. Но вот же слова Жукова именно об этих событиях: «Считаю, что нами была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. Орешек оказался более крепким, чем мы рассчитывали».

Я не могу опровергнуть пивоваровский вздор во всем его гнусном объеме. Выпишу только отдельные слова и фразы Жукова из его «Воспоминаний», относящиеся к разным обстоятельствам и операциям: «Накануне войны в работе Генштаба были недостатки»... «слишком канонизировали опыт Первой мировой войны»... «Характер удара во всем объеме нами не был предусмотрен»... «не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу войск»... «Мы допустили в этом вопросе ошибку»... «Ошибки, допущенные руководством»... «Главное командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции»... «Можно было сделать значительно больше»... «Этого могло не быть при лучшей организации «... «я вовремя не поправил коман-

дование фронта»... «На подготовку Берлинской операции мы имели ограниченное время, но это не может служить оправданием. Вину за недоработку я должен взять прежде всего на себя»... И так далее. А за этими словами — разбор промахов, ошибок и неудач. Вы-то, Пивоваров, хоть в прощенное воскресенье, как сегодня, когда пишу, признайтесь хоть отчасти в своем невежестве и лживости, в дурости и верхоглядстве, в подлости и холуйстве перед предателями.

Немцы пришли, немцы ушли...

Авторы фильма часто секут самих себя, не соображая и даже не замечая этого. Вот, скажем, уверяют, что немцы «из русских перебежчиков» сформировали полк «Бранденбург». Что за странное название для русского полка? Не состоял ли он из русских белогвардейцев или эмигрантов первой волны, ветром времени занесенных в Бранденбург?

И вот слышим: «Одевшись в советскую форму бойцы (!) «Бранденбурга» проникают в самую гущу(!) ефремовцев и уговаривают сдаться». Да, видно, никто изо всей вшивой этой шараги в армии не служил. А то было бы им известно, что в «гуще», т.е. во взводе, роте, а то и батальоне все друг друга знают, а уж тем более — в окружении. И внезапно появившегося чужака с такой агитацией сразу распознали бы и схватили. Тем более, что «ефремовцы верят своему генералу и готовы за ним в огонь и воду». Да почему же они слушали «бойцов», а не хватали как предателей и не расстреливали?

Тут пора сказать о языке этих эстетов. Видите, предателей они именуют «бойцами». Не говорят, что немцы по-бандитски вторглись на нашу землю или захватили какой-то город, — нет, они «пришли». Как долгожданные гости. Не отступили, не вышибли их, — они «ушли». Или: «Задача полицейских выявлять (!) подпольщиков и партизан». Выявили, куда-то доложили — и задача решена? А кого расстреливали, вешали — друг друга? Нет, вешали советских людей, для чего немцам «пришлось(!) усовершенствовать виселицу». И на протяжении всего фильма ни разу не прозвучало слово «фашисты». Какие еще

фашисты? Это сталинская пропаганда. Обыкновенные солдаты, храбрые и честные, граждане Германии с паспортами.

И дается слово одному из них: «Русские были нашими врагами. Глупо говорить, будто не надо стрелять, потому что они люди, а мы человечны, гуманны. Мы выполняли свой долг как граждане Германии, как ее солдаты. Мы защищали свою родину». Ну совершенно, как американцы защищали свою родину в Корее, обороняли ее во Вьетнаме, отстаивали драгоценную в Сербии, спасали несчастную в Афганистане, тащили беспомощную из пропасти в Ираке... А ныне при Путине-Медведеве-Сердюкове и под Ржевом могут появиться с той же благородной патриотической целью спасения Америки. Во всяком случае и пролет их самолетов в нашем небе, и присутствие их войск на нашей земле Путин, больше всего на свете любящий Россию, Грызлов, не отстающий в этой любви, и Миронов разрешили, а правдолюб Медведев не препятствует. И, конечно же, им люб и нужен подонок, способный на такие гнусности, как использование в фильме слов недобитого убийцы, грабителя и насильника твоих сограждан о защите Германии подо Ржевом....

Маршал и стрекозел

Разумеется, больше всего огорчает комедианта Пивоварова наш Верховный Главнокомандующий. В частности тем, что на фронт он выезжал только один раз. Да не на фронт, ненавязчиво поясняет он, а — «в сторону фронта». Вот если бы Верховный ходил в обмотках, сидел в окопах и лично из винтовки с оптическим прицелом истреблял немцев, как Пивоваров истреблял в Чечне террористов, тогда он, Пивоваров, считал бы Сталина своим достойным соратником. Но есть возможность рассеять огорчение истребителя террористов.

Во-первых, маршал Василевский писал, что Верховному быть на фронте нет необходимости. Кому же верить — одному из крупнейших полководцев Второй мировой войны или стрекозлу, для которого перезарядить автомат — «целая история», все равно, что фильм состряпать?

Во-вторых, полоумно глумясь над всем, что происходило на их родине, пивоварцы никогда не интересуются, а как с этим обстояло в других царствах-государствах. И рисуют какие-то наши промахи, ошибки, недостатки, даже просто национальные особенности, как нечто небывалое в мировой истории, немыслимое в других странах. Так вот, допустим, что невыезд Сталина на фронт это все-таки плохо. Но знаете ли вы, грохочущий, как пустая бочка из-под пива, сколько раз выезжал на фронт Верховный Главнокомандующий американской армии Рузвельт? Выясните и доложите зрителям НТВ.

В-третьих, да, Сталин выезжал только один раз, а Гитлер, как угорелый, мотался по фронтам, поучал, распекал, приказывал... И каков результат? Он давно рассекречен, мил-друг Алеша. Позвоните мне, я скажу.

Ошибаются все, и герои — тоже

Конечно, самоубийство генерала Ефремова сыграло свою роль в его посмертной репутации. Я не берусь судить о человеке, который, будучи ранен, застрелился. Не знаю, как в таком случае поступил бы сам... 28 января 1942 года комфронта Жуков писал в характеристике на Ефремова: «Должности командующего армией не вполне соответствует. Целесообразно назначить командующим войсками внутреннего округа». Сурово. Но после его самоубийства Жуков в своих воспоминаниях о нем написал: «герой... талантливый, храбрый...». Кто упрекнет маршала в лицемерии?

Более того, молодой дотошный историк Алексей Исаев в книге «Георгий Жуков» пишет о решающем моменте сражения: «Какая-то феерическая картина: штаб 33-й армии вместо того, чтобы возглавить ударную группу в броске на Вязьму, сидит в Износках и изымает для своей защиты полки из выдвинутых штабом фронта для наступления на Вязьму соединений. Причем изъят был самый укомплектованный полк, который мог сыграть важную роль в сражении за Вязьму. И вследствие распыления сил попытка освободить Вязьму с ходу оказалась обреченной... Генерал Ефремов обрекал себя

на катастрофическое развитие событий... Для выполнения задачи ему не хватило определенной «лихости» и умения пройти по лезвию бритвы» (с.310,314).

Историк считает, что главной ошибкой Жукова было то, что он выбрал именно Ефремова для прорыва на Вязьму. А между тем, о 33-й армии, насчитывавшей лишь 10 тысяч бойцов — всего-то дивизия! — «написано едва ли не больше, чем обо всех остальных армиях, участвовавших в наступлении Калининского и Западного фронтов в январе — марте 1942 года» (с.298).

Полковник Скалозуб клонирован

Авторы фильма говорят, что он был бы еще духоподъемней, еще патриотичней, но архивы скупно выдают свои тайны. Да какие же архивы? В стране произошла антисоветская контрреволюция, и власть сама неумолимо поносит вчерашний день родины и поощряет премиями, орденами и должностями тех, кто вместе с ней тоже занимается этим, как Пивоваров. Совсем недавно получили премии, ордена клеветники Чубайс, Баталов, лжец Досталь и другие. И если бы в архивах что-то было позорящее Советское время, то власть с радостью пустила бы это в оборот.

Но вот полковник Г.Колыванов пишет в «Новом военном обозрении» № 46'05, что если будут опубликованы документы Ставки ВГК по операциям осенью и зимой 1942/43 года, то «от официальной версии истории Великой Отечественной войны не останется камня на камне». Давайте напомним полковнику основные официальные «камни». Первый: Германия вероломно напала на нас, разорвав все договоры о добрососедских отношениях. Вы, полковник, хотите выбросить этот «камень» и положить в историю войны «камень», изготовленный самим Гитлером, а потом обработанный известным психом Резуном: СССР сам хотел напасть на Германию, и Гитлеру ничего не осталось, как упредить? А вы, ваше благородие, не бойтесь, что уже этот первый «камень», когда вы его понесете на место прежнего, выпатит вам грыжу?

Второй «камень»: мы терпим страшные поражения и отступаем до Москвы. Что вы будете делать с этим кровавым «камнем»? Или его от вас кто-то скрывал? Третий: под Москвой мы разбили немцев и отбросили на 150 — 250 верст? Хотите выкинуть и этот «камень»? Чем он вам не нравится, ваше степенство? Четвертый тяжелый «камень»: мы отступаем до Волги. Что, «официальная история» не писала об этом, замалчивала?.. Пятый: мы погнали захватчиков с нашей земли. Не страшно, что этот «камень» расплющит полковничье темячко?.. Скушно мне с вами, господин Скалозуб. Таскайте «камни» сами, пригласите в помощники Сизифа и Пивоварова.

Соло для часов с боем

Так вот еще о фактах. Да, они есть в фильме. Например, мы слышим укоризну: «Жуков, подстегивая подчиненных, присылает подарок командующему 39-й армии Зыгину...» Что за подарок? Оказывается, опять часы! «Часы с гравировкой: «Награждаю вас за взятие города Оленино и желаю дальнейших успехов. Генерал армии Г.Жуков». Во-первых, откуда взялся на фронте гравер? Что, они были в каждой роте, как политруки? Или это личный гравер Жукова, которого он возил с собой по всем фронтам? Во-вторых, очень сомнительно даже то, чтобы такой длинный текст уместился на крышке часов? Или это были не то стенные, не то напольные часы с боем, а гравировка — на маятнике с чайное блюдце? В-третьих, зачем писать «награждаю вас», когда совершается сам факт награждения? Неужели даритель не мог написать кратко: «А.И. Зыгину за освобождение г. Оленино. Г.Жуков». А тут еще и пожелания на будущее! Да, скорее всего, было бы написано именно «за освобождение», а не «за взятие». Вот две мои медали: «За освобождение Белоруссии», но — «За взятие Кенигсберга». В-четвертых, странно как-то, что генерал генералу дарит часы. Ведь комфронта имел и другие средства «подстегивания», например, повышение в звании, что и было сделано в конце января: Зыгин стал генерал-лейтенантом. И наконец, Оленино,

пожалуй, и сейчас-то не город, а уж в сорок втором... И Жуков не мог этого не знать.

Так что весьма сомнителен этот ваш факт. И меня не интересуется ваша язвительная реплика: «Оленино освободят лишь через три месяца». Ну и что? А вы думали, все делается сразу после подстегивания? Это, голубчик, не всякий раз.

Да, важны факты и важно отношение к ним. Пивоваров «подстегивание» изображает как нечто уж просто позорное, недопустимое. Как, мол, так: кого-то надо подстегивать в деле освобождения священной родины!.. Это еще раз показывает, до чего ж он ни уха, ни рыла не смыслит в том, что такое война. Так запомните: на фронте были не одни только храбрцы вроде вас, не боящегося виселицы, встречались люди и робкие, нерешительные да и просто трусы, в том числе, разумеется, и среди командования. И «подстегивание» на войне в той или иной форме — от орденов и повышения в звании до заградотрядов — обычное дело во всех войнах и армиях мира.

Отвертка и штопор

Вот еще ваш факт. Дабы убедить зрителя в своей дотошности и добросовестности, вы показываете и сравниваете зимнее обмундирование. Вот немецкое: шинель, шапка, сапоги и т.д. Тут же ваш восторг: «В такой одежде германский (фашистского государства. — *В.Б.*) солдат мог воевать хоть сто лет!» А почему же и четырех не провоевал? Кто помешал? Рядом наше обмундирование: телогрейка, сапоги (валенки), ушанка и т.д. Позвольте, а где шинель? В телогрейках воевали? Юрий Бондарев заметил убитых вами красноармейцев, лежащих на снегу даже в гимнастерках. И вы радуетесь, что никто не подверг сомнению этот ваш «факт»? Как и невежественную чушь о том, допустим, что ППШ — негодный автомат?

Однако А.Григорьев, В.Шелекасов и другие профессионалы-знатоки из Центрального музея Вооруженных сил СССР в книге «Оружие славы» свидетельствуют: «У ППШ надежно работала автоматика, устройство он имел столь простое, что можно было разобрать и собрать без отвертки, удобен в об-

ращении, а главное, имел замечательные боевые качества — высокую скорострельность, точность боя, был безотказен в любую погоду. Шпагинский автомат стал грозным оружием в руках советских воинов». Даже вы, Пивоваров, пожалуй, легко овладели бы им, хотя ни разу в жизни не держали в руках отвертку и, наверное, путаете ее со штопором.

ППШ был так знаменит, что оружейники изготовили «подарочные экземпляры» и преподнесли их самому Верховному, а также его заместителю Г.К.Жукову, начальнику Генштаба А.М.Василевскому и другим высшим военачальникам. Да, тут «целая история»...

Дальше слышим слюнявые похвалы немецкому штурмовику: ах, какое диво! ни у кого не было ничего подобного! И молчат мерзавцы хотя бы о нашем Ил-2, о «летающем танке», коих за войну выпустили около 40 тысяч против 800 штурмовиков «Хейнкель», который был пожиже.

До танков фильмачи не добрались, не решились, видимо, все-таки понимая, что уж очень широко известно: лучший танк Второй мировой войны наш Т-34. В 1987 году, когда «Известия» были еще честной газетой, они напечатали высказывание одного немецкого генерала: «Т-34 произвел сенсацию. Этот 26-тонный танк был вооружен 76,2-миллиметровой пушкой, снаряд которой прошивал броню немецких танков с расстояния полтора-два километра, тогда как немецкие танки поражали русские с расстояния не более 500 метров, да и то, если снаряды попадали в бортовую или кормовую части Т-34». Немцы в слезах и поте пытались его скопировать, порой инда пукали от усердия — ничего не получилось! Кишка не того калибра.

Его бабушка командовала заградотрядом

А вот излюбленный «факт» всех трепачей о войне вроде Э.Володарского: «Дело не только в героизме. За наступающими идут заградотряды», — вслед за президентом повторяет Пивоваров так решительно, словно его любимая бабушка служила в таком отряде и получила медаль «За боевые услу-

ги». Да, летом 1942 года были созданы заградотряды и штрафные роты, но не везде. Например, маршал Язов говорил мне, что у них на Волховском фронте их не было. Юрий Бондарев, начавший войну под Сталинградом, говорил, что не знает и не слышал ни об одном факте, чтобы заградчики применили оружие. У немцев все это появилось еще раньше.

Вы тут же даете высказывание на сей счет и уверяете, что так говорил Жуков. Да почему я должен вам верить и опровергать это, если я убедился, что вы врете даже в мелочах вплоть до часов, шинелей и портянок. А военный историк Г.Бердников писал о тех боях: «Пленные немцы имели жалкий вид: худые, небритые. Поверх пилотов — платки, кофты, на сапогах валяные опорки. Но дрались они с большим упорством. Как выяснилось, причина этой стойкости была в том, что солдат предупредили: всякая попытка отхода будет рассматриваться как измена и что за их спиной стоят эсэсовские подразделения, которые имеют приказ стрелять в отходящих без предупреждения» (Первая ударная. С.50).

А каково ваше и наше отношение к упоминавшемуся факту поездки Сталина на фронт? Мы считаем: у него не было времени для прогулок, как в 41-м у Гальдера, — если поехал, значит, надо было. А вы с высоты вашего невежества глумитесь: выехал не на фронт, а «в сторону фронта». Вы бы хоть разок съездили в сторону правды. «Ни в штабы, ни в войска не заглянул. Зачем, спрашивается, ездил? Для того, наверно, чтобы увидеть город, стоивший его армии столько крови».

Армия не «его», а всего народа, всей страны — Союза Советских Социалистических Республик. А он лишь возглавлял ее. Запомни это, болван. Сталин встретился с командующим фронта генералом А.И. Еременко и выслушал доклад о том, как подготовлена Смоленская операция, которая через три дня и началась, — вот зачем ездил. А вы хотите, чтобы он там встретился еще и с коллегой Медведевым? Искали — не нашли.

О посещении Сталиным фронта было объявлено войскам и, как вспоминал потом генерал Еременко, это «сыграло большую роль в подъеме морального духа войск» — вот еще зачем ездил, что уж вовсе недоступно пониманию этих сявок.

Итожа свои впечатления о встречах со Сталиным, Еременко писал: «В его образе отчетливо были видны сила, здравый смысл, чувство реальности и широта познаний. Его отличали также собранность, быстрота решений, умение молниеносно оценивать обстановку, ждать, хранить грозное терпение».

«Жаль мне тебя, милая мама...»

А вот еще «факт» — население Ржева и окрестностей. В фильме оно упомянуто в виде лишь каких-то перебежчиков, тех, кто стал полицаем да женщин, вынужденных стирать белье немцам. И это все? Да, все. Больше никакого население пивоваровцев не интересует. Абсолютно! А ведь там было еще и антифашистское подполье, которым руководили К.П.Латышев и А.П.Телешов, схваченные и казненные.

И тут нельзя не вспомнить о Ржевской — не о Елене Моисеевне, переводчице, что фигурирует в фильме и дожила до девяноста лет под этим псевдонимом — да продлят небеса ее дни! — она сама о себе все рассказала, а о разведчице Ржевской, погибшей в двадцать.

В музее Советской Армии под инвентарным номером 4/21187 хранится ее письмо матери, написанное карандашом на шелковой косынке в фашистской тюрьме как раз в те дни, когда шли бои за Ржев, с понятной осторожностью.

Своей рукой девушка написала: «Ржевская Ольга Дмитриевна, 20 лет. Оболоновец, Мутищенский сельсовет Ельнинского района. Погибла 27 февраля 1943 года. За связь с партизанами. Кто найдет, сообщите родным». Она ошиблась, погибла немного позже.

И вот само письмо с некоторыми сокращениями:

«Здравствуй, милая мама.

Привет от дочери Ольги. Мама, родная, два месяца, как я не вижу свободу, но это все ерунда... Не знаю судьбы о тебе, но предполагаю, что встреч с тобой, милая мамочка, больше нет и не ждать. И только, мама, отмечай тяжелый день нашей разлуки и прощаний. Это 10 января 1943 года (воскресенье),

когда пришлось покинуть родную деревню и тебя, милая мамочка.

Милая мама, прошу тебя только одно: обо мне не убивайся, береги свое здоровье. Меня ты не вернешь, а здоровье потеряешь. Ведь ты одна. Надеяться не на кого. Возможно, когда и дождешься Дуси. Возможно, она счастливее меня. А мне, мама, наверное суждено погибнуть...

Милая мама, еще раз прошу: обо мне не беспокойся. Мне сейчас хотелось бы услышать о тебе хоть одно словечко и о всех своих родных, а потом бы умереть покойно. Жаль мне тебя, милая мама.

Мама, передай привет тете Лене и детям ее Дусе, Вале Коле, тете Наташе и Наде, и Кате, и всем родным и знакомым. Мама, милая, писать кончаю и еще раз прошу: не убивайся, не одна я такая, нас очень много.

Писать кончаю. Дочка Оля.

Мама, а вдруг бы переменялась обстановка, и я бы вернулась. Как бы мы были счастливы. Но нет, мама, в жизни чудес не бывает.

Одно прошу, не беспокойся, береги здоровье и не жалея ничего.

Мама, я на апрель составила календарь и прожитый мною день зачеркиваю...»

Настал день, и Ольгу вывели из камеры. У виселицы офицер сказал по-русски: «Теперь можешь говорить все. Через минуту ты умрешь». И она использовала эту последнюю минуту жизни, она бросила в лица вашим подопечным, Пивоваров:

— Я Ольга Ржевская, русская, комсомолка и партизанка, ненавижу вас всем сердцем. Я боролась с вами как могла. И нас много... За меня отомстят. Скоро придет Красная Армия...

Офицер вышиб из-под ее ног табуретку, она повисла. Но ее тотчас вынули из петли, привели в чувство, чтобы через несколько дней расстрелять. У нее не было золотых часов, но были простенькие серьги. Их судьба неизвестна. Это все было напечатано 30 декабря 1943 года в «Комсомольской правде».

Вот, ваше святейшество, кого к лику святых-то причислять надо. А вы — ни одного мученика самого тяжелого страдания России за всю историю. У вас — только свои по раз-
норядке... А вы, Пивоваров, хотите, чтобы Ольга и ее мать увидели в вашем фильме хотя бы фрагмент о золотых часах генерала Ефремова?

Я надеюсь, вы понимаете хотя бы то, что все люди, включая Кулистикова и всех сотрудников НТВ, и съемочную группу фильма, и вас лично, смертны. И мне кажется, в надлежащий час тех работников администрации Тверской области, которые причастны к созданию немецкого кладбища во Ржеве, во главе с Дмитрием Зелениным и вас с вашим начальником следует со всеми почестями на этом кладбище и похоронить. Там же должны найти вечное упокоение и Горбачев, Чубайс, Гайдар, Абрамович, Потанин... Туда надо перезахоронить и Ельцина со всем кланом предателей.

2009

КОВРОВЫЕ БОМБЕЖКИ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

Моя публикация в «Завтра» №№ от 9.11 и 12.09 вызвала в интернете около двухсот откликов читателей газеты. Соотношение числа тех, кто разделяет взгляд автора, поддерживает позицию газеты, и тех, кто против, примерно 3:1. Думаю, есть смысл приглядеться к некоторым откликам, отметить кое-что. Но надо иметь в виду, что иные читатели выступали несколько раз. Особенно активны противники, иные из них «брали слово» раз по 8—10. С противников я и начну, вернее, с того, что они пишут об авторе публикаций. Тут, пожалуй, особенно отчетливо видны их общий уровень, мера познаний, духовная устремленность, словом — сама натура.

Серые, беззубые и глухие

Поражаюсь, до чего они изобретательны и одновременно тупы в поисках способов поношения нелюбезного им автора. Вот некий товарищ Volk уличает: «Этот «русскоязычный россиянин» Бушин не знает различия (так в тексте. — В.Б.) в словах «пожарник» и «пожарный». И впрямь не знаю. А в чем это «различие»? С детских лет помню стишок:

Наш Кузьма пожарник старый.
Тридцать лет пушил пожары,
Падал с крыши двадцать раз,
И ему не в первый раз...

Да, удачно сверзился он с крыши и в 21-й раз. Тут вполне можно было сказать «Наш Кузьма пожарный», но подряд «рный», «рый» — плохо, поэтому — «пожарник». А в знаменитых воспоминаниях Авдотьи Панаевой, которые наконец ре-

шил прочитать, случайно встретил: «Во дворе копошились черные силуэты пожарных». У Федора же Васильевича Гладкова, моего старшего современника и благодетеля, герой говорит: «Я — пожарник, а пожарник должен все видеть». Это в «Лихой године». Но в «Клятве» так: «Пожарные что-то бросали в огонь». То есть писатель свободно употреблял обе формы. Вот и думаю: видно, этот серый Volk тоже упал с крыши, но в отличие от Кузьмы, его собственная крыша не выдержала удара об землю и поехала... А кроме того, какое это имеет отношение к фильму А.Пивоварова? И ко мне, русскоязычному?

Товарищ Диагноз копает глубже: «В лице В.Бушина мы имеем субъекта(!) уникального(!) по своей деструктивной(!!!) направленности...» И уже можно ставить ему диагноз: как и беззубый Volk, страдает глухотой к русскому языку. Автор с хорошим слухом сказал бы здесь примерно так: «перед нами человек редкой разрушительной направленности». Нынешние властители, не читавшие «Капитанскую дочку», ужасно любят такие слова, как «деструктивный», «контрпродуктивный», «транспарентный» и т.п. Ну и, естественно, мои противники, будучи прислужниками властителей, перенимают их заграничную манеру. Вот и Орфей: «статья контрпродуктивна». Да скажи ты по-русски: бесполезная, вредная, тошнотворная... Нет, не может. Так они капиллярно срослись с режимом. А ведь эти глухари тут же гвоздят меня за «несовместимость с русской литературной традицией». А они, серые, беззубые и глухие субъекты, «совместимы» и продуктивны.

Жидоискатели

Но это что! Это лишь предварительный диагноз. А дальше он уточняется, углубляется: «Русскоязычный смершевец Бушин в годы войны находился в рядах заградительных отрядов (сразу в нескольких! — В.Б.), стрелявших в спину наступавших советских солдат...». Отменно! Только надо бы знать, что СМЕРШ, созданный 19 апреля 1943 года, и заградотряды, созданные летом 1942-го, имели разные задачи. Но спрашивается, в наступавших-то зачем стрелять? Как зачем? — разъяс-

няет Диагноз, — «чтобы не повернули вспять». Да ведь если укокошить наступающего солдата, то как он повернет вспять? Но Диагноз уверяет: такие расстрелы — верный путь к победе. Что ж, признаться, я тоже разок пульнул. Было это, помню, в 1944 году под Ломжей. Увидел я одного шибко наступавшего и сразу из ППШ в спину... Подхожу. Лежит, не дышит. Спрашиваю: «Как фамилия?» — «Ефрейтор Диагноз...» И испустил дух.

А внук его, интернет-писатель, продолжает: «У Бушина скромный перечень боевых медалей, ни одного ордена». Правильно. Всего две — «За отвагу» и «За боевые заслуги». Правда, есть и «Отечественная война», но это можно не считать. Почему так мало? Очень просто: в заградотрядах скупое награждали. За что там награждать-то? Наступающих в спину косили. Об ордене могу только повторить вслед за Васей Теркиным:

Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая в даль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.
На медаль, и то не к спеху...

Да мне бы, как Теркину, и одной хватило. А у тебя-то, Диагноз, никак орден Победы и пять Золотых Звезд, как у Брежнева. И все мало! На чужие медальки заглядываешься.

Итак, «ни одного ордена. Поэтому (?) и в партию он вступил только в самые последние дни войны, когда была исключена возможность быть плененным и расстрелянным как коммунист или еврей, что с его библейским лицом было гарантировано». Вот он, главный-то пунктик!

Мамочка родная, ну зачем ты меня родила с библейским лицом! Вот и годовалый внук Ванечка — вылитый пророк Моисей в младенчестве, особенно, когда на горшке сидит. А сестричка его Манечка? Ну, чистая дева Мария, когда в носу ковыряет!

Однако в партию я вступил не «в самые последние дни войны», а в январе 1945-го, но до последних ее дней был не

членом, а лишь кандидатом. Кандидатов же, заглянув в их партбилет, немцы в плену расстреливали только тех, кто не платил взносы больше трех месяцев, а я всегда платил аккуратно. Что же касается возможности быть расстрелянным для членов партии, беспартийных и евреев, то, запомни, тупой жидоискатель, она сохранялась до последнего дня войны, а кое-где и дольше.

Хронический победоносец

Тут Диагноз-внук с целью уж полной дискредитации противника пивоваровского фильма передает слово «русскому писателю Станиславу Куняеву», в котором нет ничего библейского и смершевского. Вот: «Бушин никогда не давал повода упрекнуть его в том, что он поменял взгляды, оценки, убеждения». Это попытка представить меня идиотом, ибо только они таковы. А я, оставаясь русским коммунистом, менял взгляды и оценки на многое. Если ограничиться литературой, можно вспомнить хотя бы то, что долгие годы считал как бы эпохальный стишок «Прощай, немытая...» принадлежащим Лермонтову, но уже давно изменил взгляд: это не он. Или: приветствовал появление Солженицына, но, когда вылезло наружу его антисоветское нутро, естественно, и тут шибко изменил взгляд. Да и на самого Куняева — тоже. И таких перемен могу привести немало.

А кукование продолжается: «В яростном желании победить соперника Бушин не брезгует ничем». Неужто ничем? Вот я знаю одного эстета, назовем его Кукушкин, который, не умея спорить и за отсутствием доводов, лезет на оппонентов с кулаками, даже на восьмидесятилетних старцев. Ну, если уж сорвался, нервишки расшалились, то стыдно же, извинись потом, тем паче — ты же писатель, гуманист, либерал. Нет, он просто не понимает, что такое стыд, и дотошно информирует читателя о всех своих кулачные дискуссиях — с Анатолием Передреевым, Василием Аксеновым, Станиславом Рассединым, даже с иллюзионистом Игорем Кио ... И с левыми, и с правыми, с единомышленниками и противниками. И всегда,

говорит, я — победитель! (ЛР №7'09). Порой сразу после мордобития Кукушкин целоваться лезет. Вот подрались они с Аксеновым и «двинулись в буфет, взяли бутылку коньяка и долго изливали друг другу душу, мирились, обнимались...». Перемазали друг друга соплями... Правда, не так давно полез Кукушкин по привычке со своими волосатыми кулаками доказывать какой-то прогрессивный постулат одному молодому русскоязычному, но у того тоже кулаки волосатые, и он так врезал эстету, что пришлось вызывать «скорую помощь».

И снова Куняев: «Бушин может передернуть цифры, даты, факты, выдумать удобный для себя образ соперника и расправиться с ним, как расправляются с чучелами своих врагов шаманы диких племен». Мало им смершевца с библейским лицом, мало заградчика, стреляющего в спину наступающим, теперь еще и шаман! Но хоть бы один пример в подтверждение моего шаманства! Увы...

Я вовсе не говорю, что непогрешим. А вот Куняев однажды заявил мне: «Привыкни к мысли, что я всегда прав!» Но я, тупица, к сожалению, так и не привык к этой замечательной мысли. А неточности, ошибки, как у всех, кроме Куняева, встречаются и у меня, грешного, в частности, были и в этой статье при ее газетной публикации.

Смешной Кукушкин и бессовестный Кудышкин

Еще одно ку-ку Куняева: «Бушин прозаик никудышный, стихотворец никудышный...». Естественно, и критик никудышный. Может быть. Однако, это лучше адресовать, допустим, Александру Проханову, который печатал мои стихи, прозу, критику и говорил гран мерси: что ж, мол, ты печатаешь столь универсально никудышника!

Никудышность Бушина, уверяет Куняев-Кудышкин, «делает его идеологические обвинения в адрес Распутина, Кожина, Солоухина смешными и бессовестными». Так ли, Кукушкин? Опомнись! И почему не называл ни одного «идеологического обвинения»? Понимаю: потому что опровергнуть их не можешь. И при одной лишь попытке этого ты можешь

оказаться в идеологической луже и опасаясь, что захлебнешься в ней. Поэтому трусливо молчишь. Это и есть «выдумать удобный для себя образ соперника и расправиться с ним, как шаман с чучелом».

Впрочем, никто из помянутых писателей ни по какой линии моим соперником не был. Все они талантливы, я никогда не ставил это под сомнение и критически писал не об их произведениях, за исключением стихов Солоухина, а о высказываниях, поступках, гражданской позиции в изменившейся исторической обстановке, проще говоря, — после контрреволюции.

Так, мое недавнее, если быть кратким, «идеологическое обвинение» Распутина состоит в том, что Советская власть наградила его орденами Ленина, званием Героя, и сейчас он частенько выступает в «Правде», украшенной орденами Ленина и Октябрьской Революции, но в то же время в других газетах называет эту революцию «подлой», а не так давно вместе с С. Ямщиковым подмахнул «Открытое письмо», в котором Ленин назван «душителем прогресса». Не по-геройски это — изображать себя недодушенным Советской властью. И я предложил Распутину хотя бы сдать в музей ордена Ленина и Звезду. Что тут смешного? Что тут бессовестного? Заурядный призыв соблюдать правила личной гигиены.

Вадим Кожин не однократно признавался в своих книгах, что в 60-е годы под влиянием бесед с Михаилом Бахтиным он пришел к отрицанию всего, что произошло в стране с 1917 года. Всего!.. И об этом — сам!.. В посмертной статье о нем, стремясь дать его образ в развитии и возможно более всесторонне, я лишь напомнил об этом печальном факте. Что тут бессовестного? Что тут смешного? А Кукушкин хохочет, заливаясь и между приступами хохота выкрикивает, как горьковская Настенка: «Не было этого у Кожина!.. Не было!.. Не могло быть!..» Я называю книги, указываю страницы, а он продолжает кататься по полу и хохотать.

Владимир Солоухин — мой товарищ по Литинституту, и долгие годы мы оставались друзьями. Но после антисоветской контрреволюции он — это было одним из самых тяжелых по-

трясений для меня — оказался в лагере антисоветчиков: славил Ленина — стал поносить не хуже Сванидзе, воспевал Советскую власть, партию — принялся клеветать на них не хуже Радзинского и т.д. И я при его жизни выступил против него. Что тут не так с точки зрения шибко русских суперпатриотов?

Но пойдём дальше. Кто там еще? Вот некий Виктор, он тоже нашел, что сказать на эту тему: «Бушин уже критиковал за правду Виктора Астафьева и Иосифа Бродского». Верно, критиковал. Но за что? Астафьева — за такую, например, правду. В Советское время в «Правде» он писал, будто соотношение наших и немецких потерь было 1:10, а при демократах в их газетах клялся, что 10:1. То есть, как тогда врал, как и потом. А уже в старости заявил: «Если снова будет война, я воевать за этот народ не пойду». Или вот о чем, по свидетельству Бориса Куликова, мечтал долгие годы: «День смерти Шолохова будет счастливейшим днем моей жизни». И это нельзя трогать? Ты и это защищаешь, Кукушкин-Кудышкин? Нет, божно, и ты делаешь вид, что этого не было.

А Бродский возмутил тем, что в стихотворении «На смерть Жукова», так сказать, превышая полномочия, загнал маршала и всех погибших солдат Великой Отечественной в ад. Вы слышали, Виктор, что такое ад и кого туда Господь направляет? Если не слышали, то спросите у Орфея, он, как известно, спускался туда за своей Эвридикой.

Его орел и мой ареал

Но вот самое главное ку-ку Куняева: «У Бушина никогда не было литературного ореола». О-ре-о-ла? А что это такое? И зачем он мне? И нимба у меня, горемыки, тоже, поди, нет? Хорошо зная Кукушкина, я думаю, что под ореолом он разумеет секретарскую должность в Союзе писателей, кресло главного редактора где-то, бесчисленные издания-переиздания, обильные ордена-премии и тому подобные дары волхвов со Старой площади... Да, ничего этого у меня никогда не было. А Кукушкин, называющий себя «вольным авантюристом», и секретарствовал лет десять или пятнадцать, и вот уже с бла-

гословения Е.К.Лигачева больше двадцати лет сидит в кресле главреда, недавно еще одно кресло получил, и орденов-премий не счесть... Ну, полный ореол с нимбом!

Да, обидел меня Бог ореолом. Но ведь есть еще ареал. И в своем неизреченном милосердии Господь несколько утешил меня как раз ареалом обитания моих читателей, довольно обширным. Недавно был у них повод подать мне голос, и я ахнул: дружеские голоса раздавались от Камчатки (например, Ю.Шумицкий) до Гродно (Р.Белова), от Ленинграда (А.Симонов) до Ташкента (А.Торопов), от Никарагуа (Е.Рунова) до Шанхая... Два последних голоса инда слезу вышибли. Ведь я обожаю никарагуанцев, а шанхайцы снятся мне по ночам! «Вот шанхайцы идут...» Радовало больше не то, что мое тихое имячко у них на устах (что, конечно, тоже бодрит), а тот факт, что, несмотря на наши сиротские тиражи, слово наше все-таки вон как далеко слышат.

Ну, уж коли вступил на стезю бессовестной похвальбы, то позволю себе еще одну нескромность — процитирую знакомого литературного никарагуанца. Только одного! Вот: «Всегда, когда читаю статьи Владимира Бушина, я хохочу, негодую, печалюсь и вообще считаю его блестящим публицистом» (Литературная Россия. 14 мая 1993. Манагуа). Кто же это такой пламенный и столь давний мой почитатель? Вы не поверите, — Кукушкин, никто иной! Неужто тот самый? Тот, тот. Он печатается всюду — от Калуги до Манагуа. Интересно, будет ли хохотать, читая и эту статью, или только негодовать и кататься по полу? И еще вопрос: как же из такого всесторонне некудышного русскоязычного литератора получился «блестящий публицист»? Ведь в человеке все связано...

Лев Толстой и я, Никудышник

Вспомнив о моей просьбе к президенту запретить фильм Пивоварова, очень интересно пишет Михаил: «У Бушина на уме только «запретить», иначе он не умеет». Нет, умею. Например, книги Радзинского о Сталине и Сванидзе о Медведеве я предлагаю издать массовым тиражом, поставить по

ним мультяшки, цирковые представления и даже дарить новобрачным в ЗАГСах, дабы все могли видеть воочию, что такое бесстыдство и тупоумие, бездарность и холуйство в химически чистом виде.

«Думаю, что Бушин, — продолжает гадать Михаил, — в разное время написал немало писем в высокие инстанции, требуя что-то запретить. Интересно, что именно». Интересно? Скажу. Совершенно верно, писал и действительно в самые высокие инстанции. Но ведь в этом я всего лишь следовал примеру великого Толстого. Он писал и Александру Третьему, и Николаю Второму, и Столыпину... Требовал запретить то казни, то преследование иноверцев, то глумление власти над народом... Вот и я в меру силенок своих поспешал.

Например, когда в газетах появилась «Малая земля» Л.И.Брежнева, я написал ему, что надо запретить издание книги в таком виде, ибо в тексте немало ошибок и несообразностей. Ответа я, как и Лев Николаевич, не получил, но, в отличие от царских времен, все было исправлено.

А в «Литературной газете», когда Юрий Поляков еще и не читал ее, была как-то напечатана моя статья «Кому мешал Теплый переулок?» Суть ее состояла в требовании запретить бездумное переименование старинных городов и улиц, а также запретить придуманные имена Сталинграда, Твери, Петергофа и многих других городов.

Успел я написать даже скоропостижному генсеку К.У.Черненко. Это было незадолго до сорокалетия Победы. Можно сказать, что тут я требовал запретить забвение и несправедливость. Опять писал, что, во-первых, надо вернуть Сталинграду его символическое победное имя. Во-вторых, — присвоить наименование «Город-Герой» Смоленску и Вязьме. В-третьих, установить в Москве памятник маршалу Жукову. В-четвертых, переиздать книгу И.В.Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Как известно, кое-что из этих моих запретов и предложений осуществлено.

И сегодня я многое запретил бы. Например, — нашему президенту называть международный бандитизм амери-

канцев «ошибкой». Или — безо всякого согласования с народом и в интересах США ликвидировать наши военные базы. Или — плюхаться на колени перед собакой американского президента и вычесывать у нее блох. Или — при отсутствии министерства здравоохранения, авиационной промышленности, военно-морского флота заводить министерство спорта во главе с никому неведомым чемпионом по известному виду спорта.

Таким, как Познер и Пивоваров, я запретил бы заниматься журналистикой по причине их врожденного косоглазия. В самом деле, вот недавно первый из них беседует на телевидении с Сергеем Шойгу. Тот вместе с Генеральным прокурором Ю.Чайка намерены внести предложение об уголовной ответственности за вранье о нашей истории, в частности, о Великой Отечественной войне. Ах, как восторжались тов. Познер и другие господа его круга! А вы не бойтесь, проникновенно и тревожно говорит он, что этим воспользуются корбутовы? Имел в виду ленинградского фронтовика Ивана Корбутова, который сказал, что Пивоваров за свой фильм заслуживает хорошо намыленной веревки. Всего лишь сказал! И кто? Рядовой Иван. А в иных царствах-государствах уже действуют законы, по которым не корят или порицают, а просто сажают в тюрьмы тех, кто высказывает сомнение относительно некоторых обстоятельств холокоста, например, почему число жертв с годами росло и росло. И Шойгу назвал несколько имен осужденных по этим законам. А Познер? Как раньше, так и теперь — ни слова против этих законов, ни вздоха сочувствия осужденным по ним. Да это не косоглазие даже, а слепота на один глаз и хромота на одну ногу и на одно полушарие. И вот в таком виде он лет двадцать-тридцать маячит перед нами, уже состарился на экране, недавно, кажется, столетие отметил, а все мельтешит. И даже по ночам, как 30 марта в беседе с министром просвещения Фурсенко, все голосит и голосит: «Сталин — злодей! Сталин — вампир! Сталин — чудовище!..» И это на всю страну. А Иван? Да если бы не повторение его слов на «Эхо Москвы», о нем никто и не узнал бы.

тивно. что хоть сам веревку для себя намыливай. Понимаю и сочувствую. Но ведь есть простой способ уберечься — не читать. Нет, не может...

Achtung! Kolbasnik!

Но вот является долгожданный Кирилл. Он стыдит противников фильма «Ржев»: «У вас одни агитки и ярлыки!..Где в фильме подтасовка фактов?» Ему мало того, что уже было сказано. Азazelло и NN77 приводят пример хотя бы со взятыми откуда-то кадрами о кавалерийской атаке. Пивоваров разыскал в Германии старого колбасника, улизнувшего из Ржевского выступления, который до сих пор ненавидит Россию и русских. Понятно. Ведь ему фюрер обещал роскошное поместье на русской земле, а пришлось уносить ноги. И вот для собственного утешения — что еще остается! — и на потребу Пивоварову он живописует... Сидим, дескать, мы в укреплении, вдруг видим: мчится на нас конница, всадники грозно размахивают шашками. Мы их из пулеметов тра-та-та-та... Всех скосили. А через пятнадцать минут — новая лава. Мы опять — тра-та-та-та... Всех положили. А через двадцать минут — третья лава. Мы и эту перебили всю до последнего...

Пивоваров, может быть, смутно подозревает, что колбасник врёт: ведь никаких данных нет — ни имен, ни даты, ни примет места, только старческий лепет. Но Пивоваров знает, что колбасника надо поддержать, создать впечатление, что он говорит правду. И с этой целью он берет кусок ленты какого-то фильма о Гражданской или, возможно, Первой Пунической войне, где мчится конница, и монтирует так, что колбасник упивается своим краснобайством («Вас гнали в атаку как скот!..») на фоне этой мчащейся конницы. Умногих такое жульничество создает полное впечатление достоверности. Как же! Вот она, живая, конкретная картина бездарности советского командования, вот они, бессмысленные жертвы! Вот он, мясник Жуков!.. За такие монтажики, товарищ Познер, особенно когда они сопровождаются клятвами о докумен-

тальной достоверности, и повесить мало, невзирая на то, что они сделаны в состоянии обморочного невежества.

Во время Великой Отечественной войны никаких конных атак с шашками наголо, никаких кавалерийских сшибок, как в пору Буденного и Мамонтова, тем более — конных атак на вражеские укрепления, о чем твердят колбасник и Пивоваров, не было. В связи с резко возросшей к началу войны огневой уязвимостью кавалерии она использовались главным образом как средство передвижения, преследования, рейдов по тылам, и кавалеристы чаще всего воевали в пешем строю совместно с танковыми, механизированными войсками и с матушкой пехотой. Это подтверждает и ваш единзлумышленник Марк Солонин в своем эпохальном сочинении «22 июня», — это там, пожалуй, единственное правдивое утверждение. Еще во время войны на основе кавалерийских частей формировались механизированные корпуса, и вполне естественно, что вскоре после войны кавалерия вообще была упразднена. Наш последний кавалерист — Владимир Познер, но его конь не Буцефал, а старый одер Росинант. Вот почему постоянно проваливаются его лихие кавалерийские вылазки в духе помянутого рубаки Мамонтова или Шкуро.

6 000 000 — 600 000 — 20 000

Хитрая подтасовка фактов и то, Кирилл, что авторы фильма о боях за Ржев вдруг заводят речь о трагедии Катыни. С какой стати? Такие факты выдают с головой этих сочинителей: их интересует не война, не правда о ней, а лишь то, как бы взгромоздить на вчерашний день родины еще один кошмар. Им не приходит на ум сопоставить несколько фактов и цифр. Например, мы в 1918 году признали отделение Польши от России и ее независимость. А немцы, напав в 1939 году на Польшу, перебив около 70 тысяч ее солдат и офицеров, сделав калеками почти 135 тысяч, превратили независимую страну в «генерал-губернаторство Германской империи». Всего же за время оккупации они истребили более 6 миллионов поляков. А в Красной Армии около 600 тысяч воинов заплатили жизнью за

освобождение и независимость Польши. И глубоко прав был Черчилль, когда в те дни писал: «Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не могли бы это сделать». А позже, на Потсдамской конференции, Сталин добился признания западной границы Польши по Одеру и Нейсе, т.е. передачи ей принадлежавших Германии земель Силезии, Померании, а также большей части Восточной Пруссии. Почти треть нынешней территории Польши — плоды ратных и дипломатических трудов Советского Союза. Так вот, при такой беспощадности и презрении к полякам, что стоило немцам к тем миллионам прибавить еще 15-20 тысяч жертв в Катыни! А со стороны Советского Союза, так щедро одарившего, спасшего Польшу, не странно ли, правдоподобно ли загубить эти тысячи душ?

Алексей Баталов, баловень живоделов

И тут подает сладкий голос Орфей... Вообще-то ему больше подошло бы имя Морфей — бог сна и сновидений, создающий образы, которые являются ему во сне. Сперва он выразил недоумение, почему я неласково отозвался не только о Пивоварове, а еще и об артисте Баталове: «Объясните мне сирому». Член КПРФ объяснил сирому с помощью высказывания самого артиста, всю жизнь игравшего в кино роли порядочных советских людей, о том времени: «В тех, кто мало-мальски отличался, мгновенно вцеплялись когтями живоделеры — коварные, омерзительные убийцы». Вы, Орфей-Морфей, спросили бы его, как он выжил-то в мире этих живоделеров. Да не только выжил, а еще и огреб кучу орденов, премий, получил роскошную квартиру в правительственном Доме на набережной, допер до народного артиста. Или он и сам даже мало-мальски не отличался от живоделеров?

Да, вот еще пример его живоделерства: «Вообразите, после войны Сталин вычищал Москву от инвалидов, которые передвигались на колясочках, на дощечках». Это одна из самых

давних и самых гнусных клевет антисоветчиков. Я думал, что она давно сдохла. Но вот Баталов по случаю своего восьмидесятилетия пытается ее оживить. Давно-давно я услышал ее от поэта Е.В. и возмутился: «Да как это можно было сделать хотя бы физически? У них же родственники. Неужели они промолчали бы, допустили бы! Неужели через них это не стало бы известно всему городу?» Я сказал, что эта байка очень похожа на байку о будто бы готовившемся выселении из Москвы евреев. Как можно было осуществить и это без того, чтобы не узнал весь город? И как бы поступили со смешанными семьями? И почему разговор об этом завели лет через двадцать после смерти Сталина? «А куда же делись инвалиды?», — сказал Е.В. — «Куда? Перемерли. Без рук или без ног долго ли проживешь? Встречал ты среди них долгожителей?» Е.В. замолчал.

«Я вырос в таком окружении, — продолжал Баталов, — где люди, несмотря ни на что, оставались людьми». Правильнее сказать бы иначе: советские люди оставались людьми, несмотря на то, что жили рядом с баталовыми.

Но кто же окружал будущего артиста? «Пастернак, Ахматова, Раневская. Все были или отсидевшие, или проклятые и гонимые». Все? Первые двое действительно одно время были «гонимыми», но, во-первых, никто из них не сидел, а уж Раневская-то, неоднократная лауреатка Сталинских премий, народная артистка, орденосеиц... Станным образом, говоря об окружении, в котором вырос, Баталов не называет свою мать Нину Ольшевскую, артистку МХАТа, и отчима — Виктора Ардова, разбитного, циничного юмориста, и своего братца Михаила, ныне протоиерея, известного ненавистью к Пушкину. Вероятно, и эти люди оказали влияние на юную душу оборотня. А кто из родственников сидел? Кто был проклятым и гонимым? В кого из них впивались когтями живодеры?

Как Орфей перепутал Геркулеса и Меркурия

Но вернемся к Морфею. Ему что приснится, то он и тащит в интернет. От Баталова его метнуло к военным потерям: «Отношение к потерям в Советской армии и вермахте были

принципиально разные. У нас — «во что бы то ни стало», а немцы и отступить умели с минимальными потерями». Ну, вот и доотступались до самой имперской канцелярии Гитлера с минимальными потерями и с максимальной печалью. Но у него есть подтверждение немецкой минимальности: «Когда в результате захвата Мальты немцы потеряли 2000 своих бойцов, Гитлер заявил, что такие победы ему не нужны». Смотрите, все-то он знает и о Мальте, и о потерях, и о Гитлере. Но кому же тот заявил — Геббельсу или Еве Браун? И что, приказал вернуть англичанам остров-крепость? Поскольку-де считывал взять ее без потерь, а тут...

На самом деле, милый Орфуша, только за весну и лето 1942 года немцы в ходе операции «Геркулес» по захвату Мальты потеряли одних лишь самолетов 1126 штук (ИВМВ.Т.5, с.136). Прикиньте, сколько это будет фашистских душ. А ведь еще и морские суда действовали, и десантники. И вот только после этого Гитлер заявил: «Ева, дорогая, не желаю я этой паршивой Мальты! Пропади она пропадом! Пусть Черчилль подавится ею!» Да, Орфуша, островок этот площадью всего в 316 квадратных километров немцы так и не захватили, это тебе, видно, Радзинский или Правдюк наврали. Оборона Мальты и по времени, и по накалу борьбы стоит рядом с героической обороной Севастополя. Потому генерал-губернатор острова В.Горт и послал телеграмму его защитникам, восхищаясь «замечательной обороной, прибавляющей новые лавры к героическому имени города». И славу защитников Мальты не затмила даже черная встреча на этом острове в 1989 году предателя Горбачева и Рейгана, который после этого публично объявил о мерзавце: «Теперь отступить ему некуда». Все предал, ублюдок!

Этот Орфей слышал где-то краем уха о каком-то острове, захваченном немцами, и брякнул: Мальта!.. А на самом деле — Крит, который немцы захватили в мае 1941 года в ходе операции «Меркурий». Уму непостижимо, не кто-нибудь, а Орфей перепутал Меркурия с Геркулесом — все же они из одной компании. И обошлось это Гитлеру не в 2000 тысячи фашист-

ских душ ровнехонько, а в два раза с лишним дороже (Там же. Т.3, с.270). И никаких заявлений о том, что переплатил, он не делал.

И вот при таком-то уровне познаний, при полном сумбуре в голове этот невежда делает категорическое заявление на весь мир о «принципиально разном отношении к потерям» в Красной Армии и в вермахте.

И в доказательство своего вранья так же уверенно, как о Гитлере, заявляет о Жукове: «Когда ему докладывали о потерях, он говорил: «Русские бабы еще нарожают». Это Морфуше не приснилось, это она читала. Где? Конечно, в «Московском комсомольце». Там сказал это в беседе с журналистом известный своей плодовитостью и бесстыдством сценарист Эдуард Володарский. Но этот жулик поумней, половчей, он указал источник: воспоминания Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу», — там, где он рассказывает о встрече с Жуковым. Расчет прост: кто будет проверять! Но вот они, эти воспоминания, изданные тридцать лет тому назад. 525 страниц. Приезжайте, Марфуша, ко мне. Я дам вам эту книгу, читайте. Если найдете что-нибудь похожее на володарскую бреховину, объявленную двухмиллионным тиражом, я подарю мешок репы с моего огорода. Репу очень любят все, кто слаще ничего не едал. Я ее специально для них выращиваю каждый год.

По поводу моей защиты правды о войне и моего презрения к немецким холоуям Орфей пишет: «Я уважаю вас как патриота родины, но нельзя же так. Хваленый вами ППШ — полный отстой, мне отец рассказывал, что патроны там вставляли в перекус. И вообще пора бы Вам уняться». Вот как! Хотите, чтобы унялся уважаемый вами человек, который занимается вашим просвещением. Да во что вы превратитесь! А отцу передайте: нельзя же так — этот «отстой» прошел всю войну. А в перекус может встать что угодно, если косые мозги и кривые руки. Такой перекус (Мальта — Крит, «Геркулес» — «Меркурий») мы только что видели у типичного представителя отстойного племени пивоваровцев.

Сержант Пивоваров погиб в мясорубке...

Однако у Орфея, разумеется, есть единомышленники. Таков некий Александр. Он так много раз возникал, что в конце концов договорился до того, что объявил: соотношение наших потерь и немецких 25:1. «Немецкие пулеметчики сходили с ума, нуждались в психологическом отдыхе, настреливая за день столько трупов». Вот одного колбасника, спятившего тогда с ума, мы и видели в рассказе о «настреливании» атакующих кавалеристов. А Александр, конечно же, тоже нуждается в психологическом отдыхе, ибо объявленное им соотношение потерь делает уж совершенно непонятной нашу победу. Но им плевать, они долдонят свое: «Мясорубка! Мясники! Живодеры!...» «Ах, как хочется им, — пишет Олег, — выставить наших полководцев во главе со Сталиным мясниками. А солдаты, значит, были фаршем?» А кто в таком случае и Суворов? Кто Кутузов, положивший в Бородинской битве больше трети 120-тысячной армии да еще и сдавший Москву? О, дайте срок, отстойное племя в ходе ковровых бомбежек исторической памяти народа и до этих имен доберется.

И все-таки, как только язык поворачивается прилагать такие слова к своему народу, к родным и близким, сложившим головы на войне. А именно слово «мясорубка» бросает Пивоваров с экрана в самом последнем, так сказать, итоговом, кадре фильма.

Возможно, среди его родственников тоже есть погибшие на фронте. И не может он вообразить, каково было бы его бабушке или тетушке получить похоронку в таком роде: «Ваш муж сержант Пивоваров погиб смертью храбрых в Ржевской мясорубке...»

Правда, мешающая жить, и не занавес, а фильтр

Упоминавшийся Виктор пишет еще вот что: «Начальник Главного политуправления ВС генерал армии Епишев однажды сказал по такому поводу, как фильм «Ржев»: «А зачем нам

такая правда, которая мешает нам жить». И Виктор ухмыляется: какой, мол, тупоумный мракобес. Витеньке никогда не понять, что ведь в самом деле есть правда, которая мешает, есть вещи, которые лучше не знать. Не зря же в Писании сказано: многие знания — многие печали. Есть и русский эквивалент библейском мудрости: «Много будешь знать — скоро состаришься». Зачем далеко ходить за примером: наше телевидение ежедневно обрушивает на головы россиян ниагары совершенно ненужных и мешающих жить сведений. Оно буквально коллекционирует разного рода катастрофы, аварии, покушения, убийства, самоубийства, насилия, жульничества, аферы... И все это правда. Вот недавно в ужасных подробностях все каналы рассказывали о сексуальных маньяках в Австрии, кажется, в Голландии, потом и у нас в Ставропольском крае — некий Панченко. И ведь не просто сообщают, а многократно покажут мерзавца и в профиль, и анфас, и его жертву, и место злодеяния, и что думают об этом соседи или прохожие... И подадут это в самом начале передачи как важнейшую новость №1, а полет в космос, международные политические события, землетрясения, наводнения — это все потом.

И не способны понять этот Эрнст, Добродеев, Кулиستиков и вся их «преступная шарага» (академик В.Гинзбург), что они такие же патологические извращенцы и насильники только не над бранными телами, а над бессмертными душами. Ведь всякий разумный человек понимает, что мир огромен, густо насыщен разнообразной техникой, в нем драматически сталкиваются социальные, этнические и другие противоречия, страсти. Да, да, все правда. Но зачем мне это знать в таких объемах, в таких подробностях, какие преподносит ТВ? Большинство этих событий, фактов никак меня не касаются и я не могу в них принять никакого участия. Но они же давят на меня, это страшные удары по психике, они действительно мешают мне жить, они старят, как сказано в русской пословице. Допустим, какое мне дело, что в Буэнос-Айресе столкнулись две машины и один или несколько пассажиров погибли? А в Лиме трамвай задавил собаку. А в США стало модным вместо домашних собак заводить скунсов, способных мощной зловонной струей из околоаналь-

ной железы ударить по кому угодно. Я же не знаю ни того пассажира, ни той собаки, и плевать мне на скунсов, у меня две собаки. А ведь все это сообщается в важнейших передачах, которые смотрят все — в выпусках новостей. Допустим, помянутыми маньяками пусть занимаются надлежащие органы, а делать из этого спектакль на площади могут только люди, лишенные всяких представлений о человеческой природе. А уже сообщалось и о том, что, кажется, в Голландии некий делец смастачил спектакль об одном из этих маньяков, и люди ломаются в его театр. А он говорит: «Я всего лишь переложил реальные события на язык театра». Таков мир, в котором мы живем. Так ведь этому надо противостоять, а телевидение раздувает и смакует его ужасы. Я уверен, в свое время Эрнста, Пивоварова и всю эту банду будут судить.

Конечно, Лаура из пушкинского «Каменного гостя» совершенно права:

Недвижим теплый воздух, ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной...
А далеко на севере, в Париже,
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует.
А нам какое дело? Слушай, Карлос,
Я требую, чтоб улыбнулся ты...

Действительно, какое дело ей и Карлосу в час любовного свидания в Мадриде до погоды в Париже. И нам сейчас, хотя у нас лимоном и лавром не пахнет, какое дело до парижского неба, до парижского дождя!

Но вот Анна Ахматова в 1940 году, когда немцы вошли в Париж, писала:

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве и чертополоху
Украсить ее предстоит.

И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет...
И клонятся головы ниже,
Как маятник ходит луна.
Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

Это совсем другое о Париже. О такой тишине над ним мы должны знать.

В Советское время существовал великолепный государственный фильтр защиты нравственного здоровья нации, который клеветники и полудурки называли «железным занавесом». Сквозь этот фильтр в нашу страну беспрепятственно проходили Драйзер и Чаплин, Рокуэлл Кент и Поль Робсон, тишина над погибшем Парижем и многое другое, но не могли пройти фильмы ужасов и порнография, патологический Кафка и безумный Сальвадор Дали, клевета на нашу историю и вранье о наших руководителях...

Так вот, Пивоваров типичное, калиброванное дитяtko демократического телевидения, как Малахов, Собчак, Млечин. Они работают как зловонные скунсы ельцинско-путинской эпохи. Пивоваров действительно уверен, что 23 февраля с помощью своей железы сделал ароматный подарок фронтовикам и всему народу. Он в самом деле думает, что говорит высокую правду и радуется фронтовиков, прилагая слово «мясорубка» к их погибшим товарищам. Они такой конструкции, такого уровня. Он неспособен почувствовать, как пахнет русское слово, каково оно на вкус и цвет. Такие люди, как и начальство их, не имеют никакого отношения к культуре вообще, и к русской — в том числе. Они — враги ее.

P.S. Как и следовало ожидать, А.Пивоваров за свой фильм получил какую-то грандиозную кинопремию. Как и следовало ожидать, вручил ее режиссер Тодоровский. Как и следовало ожидать, громче всех аплодировал художник Жутовский.

Что ж, это вполне закономерно в пору, когда клеветник Солженицын и предатель Горбачев получают Нобелевскую, американский холуй Ельцин — орден «За заслуги перед Отечеством» Первой степени, говорящий павиан Радзинский — какую-то премию, паскудник Сванидзе вместе с павианом становится членом Общественной палаты, по собственному признанию, «дутая величина» Познер и бездарно-невежественный Млечин имеют свободный доступ к эфиру и т.п. Так почему же вслед за этими организаторами ковровой бомбежки исторической памяти народа не поощрить на новые бомбежки еще одного? Тем паче это уже новое поколение бомбистов.

Если была бы у Пивоварова хоть крупица совести, то узнав, с каким негодованием встретили его фильм фронтовики от мало кому известного Ивана Корбутова до всем известных писателей-Героев Владимира Карпова и Юрия Бондарева, он должен бы отказаться от премии и попросить у фронтовиков прощения. Но куда там! На благородный мужской поступок этот гламурный подонок неспособен. И это — гарантия того, что далеко пойдет. Может, перегонит и Познера с Радзинским, и Сванидзе с Млечиным. Если не грянет день Страшного суда.

ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ

Нынешняя доступность и полная бесконтрольность издательского дела породили множество публикаций, в которых Советское время, Великая Отечественная война и особенно образ И.В.Сталина предстают в неверно, а то и грубо извращенном виде. Я имею в виду на сей раз не писания таких авторов, как Даниил Гранин, уверяющий, что ленинградцы шли на фронт с косами и вилами, или Борис Васильев, вопящий в американской газете «The New Times»: «Сталин — тупица!», или Познер, стенающий по ночам на ту же тему... И не тех я имею в виду авторов, которые допускают невольные ошибки (у кого их нет!). И не об ошибках такого рода поведу я речь, а об авторах, преисполненных желанием найти и сказать правду, искреннюю похвалу вчерашнему дню нашей великой истории и ее людям, но, увы, не всегда умеющих сделать это.

Начать хотя бы с такой частности. Еще Феликс Чуев — светлая ему память — поведал о том, будто Сталин ходил в стоптанных сапогах и едва ли не в заштопанном на локтях мундире. Вот, мол, как был скромен и бескорыстен! Господи, есть же иного рода факты, характеризующие Сталина с этой стороны. Например, его многократная помощь друзьям молодости, о чем свидетельствуют документы из его архива. Так, в свое время по 30 тысяч рублей он выслал М.Дзержадзе и Г.Глурджидзе, однокашникам по Тифлисской духовной семинарии, 40 тысяч — тоже однокашнику по семинарии П.Капанидзе, у которого сгорел дом, и т.д. И все это не из государственной или партийной казны, а из своих личных денег.

Что же касается одежды и всего внешнего облика, то Сталин относился к этому как человек, понимающий, кто он, какие должности занимает и как просто обязан выглядеть. Даже Черчилль однажды заметил, что его облик был воплощением госу-

дарственного величия. Кстати, о должностях. Один автор недавно восторженно воскликнул: «С самого начала войны Сталин занимал 12 ответственных должностей!» Во-первых, если уж «с самого начала», то он занимал только две должности: секретарь ЦК и глава правительства. Другие — позже: председатель Государственного Комитета Оборона (с 30 июня), председатель Ставки (с 10 июля), нарком обороны (с 19 июля), Верховный Главнокомандующий (с 8 августа). А какие еще? И что можно поставить рядом с этими шестью действительно важнейшими, ответственнейшими, ключевыми постами военного времени? И разве дело в количестве должностей?

Феликс Чуев был прекрасный поэт, любил вольный полет мысли, красивые легенды! Но вот перед нами некто В.Жухрай. Как пишет о нем его почитатель и ученик В.Вахания: «историк, профессор, автор всемирно известных книг о Сталине». Да еще, как писала «Правда», генерал-лейтенант КГБ. Этот профессор КГБ, по словам того же Вахания, «уже в восемнадцать лет пользовался безграничным доверием Сталина и его ближайшего окружения». В восемнадцать!.. Безграничным!.. Как же такому любимцу Сталина не выступить в его защиту. И он не ленится.

Ненавистники Сталина без усталости стыдят его тень за то, в частности, что он не выступил по радио 22 июня: растерялся! струсил! забился под кровать!.. Убийственно. Что делать? Надо искать оправдание. И Жухрай изыскивает: у Сталина, видите ли, была тяжелейшая ангина, температура под 40. Но ведь известно, что в этот день с пяти утра до пяти вечера у Сталина состоялось 29 важнейших бесед, в ходе которых были приняты неотложные решения — разве это легче двадцатиминутного выступления по радио? Да и возможно ли, чтобы человек, которому идет седьмой десяток и у него температура под сорок, выдержал 12 часов такой работы?

Жухраю не приходит в голову простая мысль: а Гитлер, у которого было все спланировано, все нити в руках, и молоде он на десять лет, и вполне здоров, — он-то 22 июня выступил? Ведь нет. А почему? Да просто Гитлеру, как и Сталину, надо было выждать, посмотреть, как будут развиваться собы-

тия. А у Сталина просто и времени не было. К тому же его слово было слишком веско во всем мире, и поспешность тут ни к чему. Короче говоря, Сталин не только не мог, но и не должен был выступать. Никакой ангины у него не было, и в оправдании, и в защите он тут не нуждается. Выступил В.М.Молотов, нарком иностранных дел и второй человек в государстве. Из высших государственных руководителей 22 июня выступил по радио только Черчилль, для которого это был, понятное дело, счастливейший день жизни.

Так же беспощадно обвиняют Сталина еще в одном страшном грехе. Плодовитый Н.Зенкович сурово вопрошает: «Почему Сталин не поехал в Берлин принимать капитуляцию, а поручил это Жукову?» И опять не в силах раскинуть умом: почему те же Черчилль и Трумэн не поехали, а послали своих генералов? Да потому, что это именно их дело — принимать капитуляцию.

Зато без конца мусолят несуразную выдумку о том, будто Сталин хотел лично принимать Парад Победы 24 июня 1945 года и непременно на белом коне. Нет, мол, ничего слаще и отрадней, как на 66-м году впервые в жизни лихо взлететь в седло и под гром музыки при великом многолюдстве прогарцевать по Красной площади на борзом скакуне. Ах, не удалось!.. Да ведь если уж так мечтал, то мог бы обойтись машиной, как позже — Булганин, Гречко, Устинов, гораздо более молодые, как ныне — Сердюков, уж вовсе юноша кризисной эпохи.

Коли я упомянул о Параде Победы, то нельзя не вспомнить, что Владимир Карпов писал, будто Сталин, поручая Жукову принимать Парад, втайне надеялся, жаждал, мечтал, чтобы тот, объезжая войска, свалился с лошади и «всенародно опозорился». Вы поняли? Вождь народа, Верховный Главнокомандующий мечтал, чтобы его прославленный заместитель грохнулся на брусчатку Красной площади и величайшее в истории Родины торжество обернулось бы вселенским позором — так, мол, он ненавидел своего заместителя! И представьте, пользуясь своим положением, этот биограф, получив после смерти Жукова доступ к его архиву и к переизданию его «Воспоминаний», сумел в их 11-е издание, вышедшее

в дни самого яростного поношения Сталина, всунуть туда (т.3,с.308) придуманный им разговор Сталина и Жукова, из коего-де следует: да, Сталин жаждал превратить Парад Победы в Парад Позора.

Так вот, для Сталина на Параде Победы достаточно было и того, что гитлеровские штандарты и власовско-ельцинские триколоры швырялись к подножию Мавзолея, на трибуне которого стоял он. Советский народ понимал, что в высшем смысле Парад принимал Сталин.

А еще В.Жухрай измыслил «личную секретную службу Сталина», а его ученик В.Вахания накатал целую книгу в 400 с лишним страниц, которую так и озаглавил. Ну, я вам доложу, это надо читать, чтобы развеселиться, если настроение плохое. Например, генерал этой службы Николаев «сов. секретно только для т. Иванова», т.е. для Сталина, докладывает ему, что застрелился Ян Гамарник, начальник Главного Политуправления Красной Армии. А генерал Джуга столь же секретно извещает Сталина, кто расстрелян по делу Тухачевского. А в конце пишет, что при этом на всякий случай «в район Москвы подтянута Первая конная армия Буденного, созданная товарищем Сталиным». А дело-то происходит в 1937 году, а Первую конную-то расформировали еще в 1923-м.

Усердие «секретной службы» иной раз доходит до того, что они докладывают Сталину, кто выступал, что говорил на заседании Политбюро, на котором он, Сталин, сам присутствовал и даже председательствовал.

А тут еще доктор исторических наук, профессор, член аж трех Академий, в том числе Академии военных наук Г.А.Куманев, в книге «Рядом со Сталиным» пишет, что в 1968 году встречался с Главным маршалом авиации А.Е.Головановым. Что же Голованов рассказал Куманеву? А вот, например: «В октябре 1941 года, когда враг стоял у стен столицы, Ставка послала в Перхушково, в штаб Западного фронта, армейского комиссара Степанова для выяснения положения на фронте. Мне довелось в это время быть в Ставке. Степанов, ознакомившись с положением дел, звонит в Ставку. Телефоны у Верховного были усиленные, и все было слышно».

Этот эпизод задолго до академика Куманева поведал миру тот же Феликс Чуев. Но у него Степанов вовсе не посланец Ставки, а член Военного совета Западного фронта. Паразитическое дело! Ну как люди пишут о войне и не соображают, что их же легко проверить. Ведь известны все командующие фронтами, армиями, начальники их штабов, члены Военных советов и т.д. за всю войну. На Западном фронте ими были такие высокопоставленные люди, как Пономаренко, Булганин, Мехлис... И никакой Степанов там не числился.

Рассказ Голованова начинается так: «Жуков написал, что 6 октября Сталин спрашивал: отстоим ли Москву — и он ответил: отстоим. А на самом деле Жуков предлагал сдать Москву, и так оно и было бы, если бы не Сталин». Однако дело в том, что Жуков не называл 6 октября, он в этот день был в Ленинграде, а писал об этом эпизоде так: «Не помню точно, какого числа...» То есть он, как все люди, кое-что не помнил, забывал и признавался в этом. И дальше: «это было вскоре после прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта и на правом крыле 16-й армии — мне позвонил И.В.Сталин...» А на предыдущей странице — читать надо! — он пишет, что этот прорыв произошел 15 ноября. Вскоре после этой даты Сталин его и спросил: «Мы удержим Москву?» Раньше и быть не могло. Явившись из Ленинграда, Жуков сразу отправился на фронт, изучал обстановку, 10 октября он был назначен командующим Западным фронтом, и всю свою энергию направил на оборону.

Но слушайте дальше куманевского Голованова: «Степанов докладывает Сталину, что он посоветовался с местным руководством(!), и местное руководство(!) считает...» Стоп! Это что за местное руководство — райком партии, райсовет, что ли, или правление колхоза?

И что же считало «местное руководство»? Оказывается, «что штаб фронта надо уводить(!) за Москву, видимо, в Арзамас». Профессор, вы знаете, где сей Арзамас, к тому времени прославившийся в веках только своими гусями? Это от тогдашней линии фронта километров, поди, 500 по прямой. И вот «местное руководство» в лице командующего фронтом Жукова, члена Военного совета Булганина и начальника шта-

ба Соколовского хотело перебраться туда и из этой тихой гусиной глубинки храбро руководить войсками, сражающимися западнее Москвы. Вы соображаете, академик, в каком свете изобразили и Жукова, и Голованова?

Но чем же все это кончилось? О, ради кончиковки все и придумано... «Сталин спросил: «Товарищ Степанов, узнайте у товарищей, есть ли у них лопаты» — «Какие лопаты?» — «Все равно какие». — «Есть лопаты! А что с ними делать?» — «Товарищ Степанов, передайте вашим товарищам, пусть руют себе могилы. А мы не уйдем из Москвы. Ставка остается в Москве». Вот как тверд был товарищ Сталин и непримирим к трусам да паникерам, желавшим сдать Москву. Прекрасно! Благодаря своим высоким художественным достоинствам байка сия пользуется большой популярностью у патриотов-жукофобов.

Доверчивость и простодушие иных авторов просто изумляют. Вот Ю.В.Емельянов, автор фундаментального двухтомника «Сталин», замечательной книги «Сталин перед судом пигмеев» и других интересных книг. Человек — знающий, честный, талантливый. И вдруг поверил пустопорожним воспоминаниям сына Берии — Серго. Тот изображает себя человеком, который тоже, как Жухрай, уже в юные годы пользовался беспредельным доверием Сталина. Пишет, что в 1943 году, будучи курсантом Военной академии связи, участвовал в техническом обслуживании Тегеранской конференции. Возможно, но при этом еще уверяет, что Сталин без него просто шагу ступить не мог, беседовал с ним ежедневно часа по полтора, то и дело просил совета: «Как думаешь, что на такое предложение ответит Рузвельт? А Черчилль хитрит, ты замечаешь?» и т.п.

Но это что — хвастовство, и только! Автор же верит и болтовне о том, что Сталин с помощью юного советника подслушивал разговоры Рузвельта и Черчилля. Неужели не ясно, как это выглядит — Сталин пригласил Рузвельта поселиться в советском посольстве и стал подсматривать за ним в замочную скважину, подслушивать с помощью «жучков» его разговоры с Черчиллем... Сами обстоятельства, изложенные в воспоминаниях Серго Берии, начисто опровергают его же ложь. Неужели трудно понять, чем могло это обернуться в случае раскрытия. Зачем же этот вздор подхвачен?

А вот доктор исторических наук Ю.Н.Жуков, автор книги «Иной Сталин» (М., Вагриус. 2003). Однажды у него состоялась беседа с корреспондентом «Нашего современника» В.Зубковым. Имея в виду советскую эпоху, Ю.Жуков сказал: «Всякого рода фантазий на исторические темы хватало и раньше, но особенно обильно они сыпались на нас в период «перестройки», когда общество стояло перед решающим выбором» («НС», 2004, №12). Сразу надо заметить, во-первых, что как сыпались, так и сыплются, ныне — даже гораздо обильней. Во-вторых, это чаще всего не пустые фантазии, а злобная сознательная клевета с целью деморализации народа. Наконец, никакого выбора у советского общества, в сущности, не было. «Перестройка» началась под вдохновляющими призывами «Больше социализма!», «Демократия!», «Даешь ускорение!» и т.п. А в конце концов, с помощью изощренной лжи, бесстыдных манипуляций демократы завели нас в джунгли дикого капитализма, где народ, как и было задумано, стремительно вымирает. Выбор же у нас был только однажды, когда мы 76 процентами голосов сделали его в защиту единого Советского Союза. Но предатели и враги народа Горбачев, Ельцин, Чубайс, вся продажная власть, выполняя волю Америки, наплевали на этот выбор многомиллионной страны...

Конечно, Ю.Н.Жуков прав в обличении «фантазий», и можно было бы только порадоваться этому, если бы сама его публикация в «НС», как и помянутая книга, не содержали подобных фантазий. Так, он пишет, что Сталин в начале 30-х годов задумал некий «полифонический новый курс» — «комплекс реформ либерального толка в области внутренней и внешней политики». Что же именно? А вот, говорит, в 1935 году «власти разрешили ставить на Новый год елку». Историк должен бы знать, что елка, как пришедшая к нам из Германии и хорошо прижившаяся немецко-католическая затея, была запрещена в 1914 году в обстановке антинемецкого бушевания. Да что елка! Тогда даже немецкое имя самой столицы запретили, дав ей новое, патриотическое. А советская власть никогда елку не запрещала. Да ведь сам Ленин однажды устроил елку для детей как раз на Рождество.

Какие еще приметы «нового курса» усмотрел Ю.Н.Жуков? Оказывается, это молодежные балы, установление дипломатических отношений с Румынией, отмена хлебных карточек, учреждение звания Героя Советского Союза... И вот, говорит, Сталин считал, что для воплощения этого поистине полифонического курса «лучше всего подходит атмосфера страха и неуверенности, когда воля к сопротивлению подавлена...». А что, ожидалось сильное сопротивление молодежным балам? И надо было опасаться восстаний против отмены хлебных карточек? Сталин-де считал также, что «всеобщая подозрительность и доносы полностью исключали сговор против «нового курса»... Сталин опасался, что его курс на демократизацию потерпит неудачу. И будучи готов провести его любой ценой, даже путем жестоких репрессий, развязал руки НКВД». В то же время Сталин считал, что «нужен враг, скрытый, коварный, многочисленный. И его создали».

Поняли? Не было у советской власти никаких врагов. Их Сталин сам создал. Только благодаря всему этому и удалось, как установить дипломатические отношения с Румынией, так и учредить звание Героя.

И вот еще открытие: «Скорее всего, к либерализации внутренней жизни Сталина подтолкнул приход Гитлера к власти». То есть, если бы не бесноватый фюрер, не видать бы нам ни новогодних елок, ни молодежных балов, ни отмены хлебных карточек. Круто! Но непонятно. И все-таки хочется крикнуть «Хайль!».

Историк уверяет, что именно после прихода Гитлера к власти «Сталин утвердился в идее «нового курса». Он ощутил угрозу войны и понял, что страна должна выходить из изоляции... Но, имея в качестве государственной доктрины мировую революцию, найти союзников было невозможно. Надо было громогласно отказаться от краеугольного камня ленинизма». Но позвольте, во-первых, большевики понимали, что и после разгрома интервенции угроза войны висит над страной всегда. И Сталин еще задолго до прихода Гитлера к власти заявил, что либо мы создадим могучую страну, либо нас сомнут. Во-вторых, преодолеть изоляцию мы стремились с первых же лет советской власти, еще со времен Генуэзской

конференции 28 государств в 1922 году. Не надо изображать Гитлера учителем Сталина, как делают радзинские-млечины. В-третьих, никакой «государственной доктрины» в виде идеи мировой революции у нас не было. Правда, Троцкий долго носился с идеей перманентной революции, но его же в 1929 году выставили из страны.

В 1936 году Сталин беседовал с американским журналистом Роем Говардом. Тот спросил: «В какой мере Советский Союз оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию»? Сталин ответил: «Таких планов и намерений у нас никогда не было».

Говард. Мне кажется, мистер Сталин, что во всем мире долгое время создавалось иное впечатление.

Сталин. Это является плодом недоразумения.

Говард. Трагическим недоразумением?

Сталин. Нет, комическим. Или, пожалуй, трагикомическим. Мы, марксисты, считаем, что революция произойдет и в других странах. Но произойдет она только тогда, когда это найдут возможным или нужным революционеры этих стран. Экспорт революции — это чепуха. Каждая страна, если она захочет, сама произведет свою революцию». А за Троцкого Сталин не отвечал.

Собеседник историка В.Зубков особенно мило выглядит на страницах патриотического журнала. Он, например, с недоумением вопрошает: «Подождите(!), тогда выходит, что вал разоблачений о советской власти и Сталине в конце последнего десятилетия прошлого века — ложь?» Он жил в полной уверенности, что это был мощный вал святой правды. Но еще больше изумляет ответ: «Не совсем (! — В.Б.). При Хрущеве вновь началось финансирование братских партий, произошла реанимация курса Троцкого и Зиновьева. Рядом с обоими маячила фигура Суслова, творца этого леворадикального ренессанса, отбросившего страну к началу 20-х годов». Подумать только, нас отбросили к началу 20-х...

Обычную практику международной жизни — в своих интересах использовать противоречия внутри других стран и между странами — ученый изображает как возрождение теории перманентной революции Троцкого. Да ведь так всегда

было и будет в мире! И никто больше не занимается таким ренессансом, как США, где нет никакого Суслова. Почему мы в свое время создали военную базу на Кубе — во имя идей Троцкого? Да просто для того, чтобы противостоять Америке, окружившей нас подобными базами. А Суслов М.А. умер в 1982 году. И что, к тому времени страна вместе с Королевым, Курчатовым, Гагариным была отброшена к началу лапотных 20-х? Оглянитесь, профессор: сегодня — вот уж впрямь отбросили нас черт знает куда!

А еще ученый-патриот и защитник «инога Сталина» извещает нас о «провале первого пятилетнего плана». О полном провале!.. Сталин свой доклад об итогах пятилетки на пленуме ЦК и ЦКК 7 января 1933 года начал с цитат из многих буржуазных газет всего мира об этих итогах. С таких, например, если кратко: «Это не план, это спекуляция»... «План потерпел полный крах»... «Сталин и его партия оказались перед лицом краха пятилетнего плана»... Сталин отнес авторов этих заявлений «к той породе ископаемых, для которых факты не имеют значения». И вот минуло почти восемьдесят лет, и на наших глазах русский ученый, сотрудник Института истории Академии наук занялся пропагандой взглядов на первую пятилетку этих зарубежных ископаемых: план провалился!

Как же он это доказывает? Да никак. Правда, в отдельной книге пытается хоть как-то сделать это, заявив, что «план был сведен к 65 «ударным стройкам». Кавычки свидетельствуют о его просвещенной ухмылке. А сколько строек было намечено до сокращения? Молчит. И какие же стройки остались в плане и осуществлены за четыре года и три месяца? Обратное молчит. Что ж, тогда назовем некоторые: Днепрогэс, например. Что, построили, а там ничего не крутится, тока нет? Провал, как ныне на Шушенской? Сталинская пропаганда? Или тракторные заводы в Харькове, Сталинграде и Челябинске возвели, а первый тут же перепрофилировали на изготовление кастрюль, второй — ножей да вилок, третий — ночных горшков? Опять провал? Опять большевицкое вранье? Или автомобильные заводы в Москве и Нижнем Новгороде, металлургические заводы в Магнитогорске и Кузнецке отгрохали, а они тут же развалились? Нет, маэстро из Академии. Все

работало, как и было запланировано. И 65 таких строек за 51 месяц — это поистине невиданный в мир подвиг народа.

Да читал ли биограф Сталина его речь на помянутом пленуме? Ведь там он сказал известные всем слова:

— У нас не было черной металлургии. У нас она есть теперь.

— У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

— У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

— У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

— У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь...

Это что ж, товарищ Сталин голову морочил советскому народу, как Путин и Медведев — байками о прогрессе по всем направлениям, хотя им больше подошли бы речи в таком роде:

— У нас не было ограбления всего народа. Теперь оно есть у нас.

— У нас не было кровососов-миллиардеров. Теперь они есть у нас.

— У нас не было вымирания народа. Теперь оно есть у нас.

— У нас не было нищих и проституции. Теперь они есть у нас на каждом углу.

— У нас не было туберкулеза, сифилиса и Немцова. Теперь они есть у нас.

— У нас не было Чубайса, Новодворской и Познера. Теперь они есть у нас.

— У нас не было празднования Хануки в стенах Кремля. Теперь оно есть у нас.

— У нас не было историков, подобных Сванидзе, Сахарову. Теперь они есть у нас...

Сталин привел в докладе высказывания о пятилетке также тех зарубежных газет и деятелей, которые смотрели на дело не предвзято. Например: «СССР выиграл первый раунд»... «В состязании с нами большевики оказались победителями»... «Достижения пятилетнего плана — изумительное

явление»... «Сделано больше, чем намечалось... Россия — страна с душой и идеалом»... «Наши достижения — пустяк по сравнению с тем, что делается в СССР» и т.д. Но историк Жуков как бы ничего об этом и не слышал.

Но ярче всего образ «инога Сталина» встает перед нами в главке беседы, ласково названной «Агония». Тут ученый извещает нас: «С 16 января 1951 года, после третьего инсульта, Сталин уже не работал. Ему отказывала память, он перестал соображать». Очень интересно! Но странно, что 16 января, в означенный Жуковым день инсульта, он принимал посетителей в своем кремлевском кабинете, всего — числом семь, последний вышел в 00.45. И весь год, вплоть до 9 августа, когда, видимо, уехал отдыхать, Сталин принимал по 10—15, даже 20 человек. Как же это он мог в беспамятном состоянии? Но мало того! В феврале 1951-го он дал большое интервью корреспонденту «Правды». В сентябре ответил на письмо Мао Цзэдуна. В октябре — ответил на вопросы опять же «Правды». В декабре — письмо агентству Киодо.

Примерно такая же картина и в 1952 году: не каждый день, но регулярный прием по 10—15—20 посетителей. После 19 сентября был перерыв до 1 октября. Видимо, именно в это время Сталин трудился над работой «Экономические проблемы социализма в СССР», ибо под ней стоит дата — «1952 год, 28 сентября». И опять — интервью, письма, наконец, в октябре — участие в работе XIX съезда и знаменитая речь на нем, произнесенная, кстати, без бумажки. Жуков сказал о ней так: «Сталин был уже слишком слаб — он с трудом произнес эту семиминутную речь». На самом деле Сталин говорил более получаса. И так до первых чисел марта 1953-го. А кроме того, были же встречи, беседы и вне кремлевского кабинета: на квартире, на даче, может быть, в ЦК.

Так спрашивается, кому же отказала память? Кто перестал соображать? Да, да, все они хотели как лучше...

РОССИЯ. СТАЛИН. СТАЛИНГРАД

Вскоре после войны побывав за океаном, Константин Симонов написал цикл стихотворений «Друзья и враги». Среди них был и «Митинг в Канаде»:

Я вышел на трибуну в зал.
Мне зал напоминал войну.
А тишина — ту тишину,
Что обрывает первый залп.
Мы были предупреждены
О том, что первых три ряда
Нас освистать пришли сюда...

Нас тоже предупреждал еще Ленин, но все-таки первых три ряда они заняли. В первом ряду сидит президент и вся его транспарентная администрация, а также тень покойного живого классика Солженицына. В руках у президента влаховский триколор, на котором черная надпись: «Саяно-Шушенская ГЭС: 75». Этот флажок президент понесет на параде в честь 65-летия разгрома фашистской Германии впереди советского Знамени Победы. Под стулом Солженицына затаился Эдвард Радзинский с рукописью двухпудового романа «Сталин», который он все-таки опасается печатать.

Во втором ряду — премьер и все его турбулентное правительство, а также Валентина Матвиенко в обнимку с тенью Анатолия Собчака. У тени на руках жиреющая плешивая собачка по кличке Пивовар. А в руках у премьера лист фанеры, которым он на время парада 9 мая закроет Мавзолей и могилу Верховного Главнокомандующего вместе с могилами его маршалов и генералов, разгромивших фашизм. На фанере надпись: «Невский экспресс: 25».

В третьем ряду — Грызлов и Миронов с их транспортабельными депутатами. У первого на лбу надпись «Хромая лошадь», у второго — «156». Между ними — живая Новодворская на коленях у Сванидзе.

В лицо мне курит первый ряд.
Почувствовав почти ожог,
Шагнув, я начинаю речь.
Ее начало — как прыжок
В атаку, что уже не лечь:
— Россия, Сталин, Сталинград!.. —
Три первые ряда молчат.
Но где-то сзади легкий шум.
И, прежде чем пришло на ум,
Через молчание ряды
Вдруг, как обвал, как вал воды,
Как сдвинувшаяся гора,
Навстречу рушится «ура!».

Когда на военных парадах громко оглашали имя Сталина, кони нервно прядали ушами; когда в Персии он входил в кабинет, где шли переговоры, Черчилль вставал и держал руки по швам; когда юную партизанку фашисты вели на смерть, она крикнула: «Сталин придет!» И он являлся в образе Красной Армии...

Уже не осталось тех, кто работал со Сталиным, мало тех, кто просто видел его хотя бы издали на демонстрациях. Я видел Сталина на трибуне Мавзолея четыре раза. После демонстраций все спрашивали друг друга только об одном: «Ты видел Сталина?» Несколько раз он являлся мне в сновидениях. Это не удивительно. Он снится и своим ненавистникам. Помню, в этом признавались Булат Окуджава и тот же Анатолий Собчак. Возможно, первому он приснился с ледорубом в руках, второму — с намыленной веревкой.

Летом сорок первого из «похожей на Мадрид Одессы» поэт через голову врага зывал:

Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты слышишь нас. Мы это твердо знаем.
Не мать, не сына — в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем.

Это правда, ибо дело шло о судьбе не отдельных людей или семей, а о существовании всего народа, всей страны, а он был живым символом родины, ее образом.

Мы все одной причастны славе,
С ним были думами в Кремле.
Тут ни прибавить, ни убавить —
Так это было на земле.

Недавно известный умственный мудрец Шафаревич заявил: «Коммунизм был одним из обходных путей подчинения России Западному миру». Ну, и, следовательно, Сталин, возглавлявший коммунистов и всю страну, был пособником поработителей России, прежде всего — Гитлера, что мы уже слышали от пивоваров разных национальностей и пола, возраста и потенции. «Это может показаться парадоксальным...», — замечает мудрец о пособничестве Сталина Гитлеру. Нет, сударь, это не парадоксальность, для определения таких максимум существуют более короткие русские слова из четырех-пяти букв: бред, чушь, вздор.

Да как же так, восклицает заслуженный мозговой деятель, предлагавший еще Ельцину вместо Антифашистского учредить Антикоммунистический комитет, — как же так, ведь неспроста «Западный мир мощно помогал большевикам строить Страну Советов». За штудированием Шпенглера и писанием собственных трактатов мозговику недосуг было узнать, что сперва-то Западный мир мощно помогал Деникину да Колчаку душить Страну Советов, не переставшую быть Россией. Об этом Сталин счел нужным тогда кое-кому напомнить: «После Октябрьской революции русские рабочие не перестали быть русскими». Даже рабочие! А что говорить о крестьянах...

Но вот ведь незадача! Не удалось Западному миру при всей его мощности задуть Россию. И этим, милостивый государь, мы с вами обязаны большевикам первого поколения, в том числе Сталину, которого Ленин посылал с одного важного фронта на другой. И только после вышибона с российской земли, очухавшись, Западный мир начал «мощно помогать»... Впрочем, помощь, да еще мощная ведь это нечто совершенно бескорыстное, не так ли, академик? Ну, вроде тех 100 тысяч рублей, что Путин и Медведев вот уже несколько лет все сулят и сулят столетним фронтовикам, а те ротами и батальонами все уходят и уходят, лишённые возможности оказать последнюю поддержку детям и внукам. Так вот, Западный мир не меценатствовал, как Путин и Медведев из своего кармана, а просто начал с нами торговать. Торгаши они отменные, облапошат да еще за твой счет в ресторане с шампанским пообедают. И Ленин бросил призыв: «Учиться торговать!» И нагрянули к нам Хаммер и другие Соросы того времени. И под строгим хозяйским приглядом Сталина и его наркомов пошла взаимовыгодная торговля. Только и всего. Что ж это вы? Такой завзятый русский патриот, а в ущерб родине приписываете Западному миру бескорыстие, которым он никогда не страдал. Может, и ленд-лиз был, по-вашему, бескорыстной мощной помощью?

Столь же странно читать и такое: «В шестидесятые годы я встречался с американскими учеными — они все были настроены антиамерикански. Все говорили, что в Америке есть имперские амбиции, которые нужно уничтожить. Я был поражен. Я был не согласен...» Тогда, сударь, все честные люди, кроме вас и ваших друзей — Солженицына и Сахарова, были настроены антиамерикански, как, впрочем, и сейчас.

Что такое шестидесятые годы? Еще в 1950 году «имперские амбиции» Америки дошли до наглого вторжения в Северную Корею, которая от нее на другой стороне земного шара. Что ей там надо было? Небольшая страна оказалась в отчаянном положении. Американцы захватили столицу. Но Сталин не мог равнодушно смотреть на страдания далекого и даже другого по расе народа, как трусливые шкурники

Ельцин, Черномырдин и их прихвостни смотрели на погром теми же американцами под носом у них наших братьев сербов. Сталин послал на помощь корейскому народу советскую авиацию. Наши летчики с их опытом Великой Отечественной за три года сбили 1309 американских самолетов. А еще пришли на помощь соседи китайцы. И шибко имперским американцам пришлось сматывать удочки. Помянутые ученые остро пережили позор своей страны — позор «амбициозной» агрессии, приведшей к гибели почти 60 тысяч американцев и сотен тысяч корейцев, защищавших свою родину. А наш патриот не согласен с коллегами и поражен их непонятными ему чувствами.

А в шестидесятые годы Америка вторглась еще и во Вьетнам, который, как известно, тоже на другой стороне земли он нее. И опять — что ей было там нужно? Одни только ее сухопутные силы без флота и авиации доходили там в середине шестидесятых до 540 тысяч человек. Сталина уже не было. Но Советский Союз бескорыстно помог и этой очередной жертве «имперской амбиции» США, восхищающей Шафаревича. Американцы вели войну с жестокостью, превосходящей фашистскую: ковровые бомбежки, напалм, дефолианты — это все из той войны... И естественно, честные американские ученые, как и большинство народа, проклинали эту новую бандитскую амбицию. А помянутые выше два друга академика — Солженицын и Сахаров во всю силу своих глоток поддерживали агрессию. Когда же за пятнадцать лет не добившись своей цели, но уничтожив миллиона полтора вьетнамцев и потеряв около 360 тысяч своих вояк убитыми и ранеными, американцам и на этот раз пришлось сматывать манатки, эти два друга стали стыдить их за отступничество да еще призывали: «Вмешивайтесь в дела Советского Союза!» Разумеется, видя такое усердие против лагеря социализма и своей родины, этой парочке впарили Нобелевские премии.

Все антисоветчики и русофобы не могут простить Сталину его «последний тост» — «За здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа». Вот уже 65 лет он приводит их в бешенство и вызывает несварение желудка.

— Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

— Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящая сила Советского Союза.

— Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него ясный ум, стойкий характер и терпение.

— По воспоминаниям Константина Федина, записанным Корнеем Чуковским, слушая тост, сидевший в Георгиевском зале за одним столом с ним Илья Эренбург плакал.

— Терпение... Ясно, что имелось в виду терпение, основанное на вере в победу и вере своему правительству, терпение, с которым народ вынес все тяготы войны.

Но, ухватившись за это последнее в ряду слово, чего только ни наплели с пеной на губах русофобы. В недавно тихо и незаметно, без причастия и соборования, без панихиды и некролога почившем «Огоньке» Виталий Коротич (А он-то где?) в 1989 году напечатал стишок тогда уже тоже почившего инструктора политотдела 57-й армии, так и называвшийся — «Терпение»:

Сталин взял бокал вина
(Может быть, стаканчик коньяка),
поднял тост, и мысль его должна
сохраниться на века:
За терпение!..
Вытерпели вы меня, — сказал
вождь народу. И благодарил.
Это молча слушал пьяных зал,
ничего не говорил...

Во-первых, никакого молчания не было, Сталин выступал последним, а до него говорили много. Во-вторых, зал не молчал и во время тоста — то и дело раздавались возгласы одобрения и вспыхивали аплодисменты. В-третьих, «пьяных

зал» — это Жуков и Рокоссовский, Шолохов и Шостакович, Уланова и Курчатов, Игорь Моисеев и Коненков... Вот такая всеохватная ненависть.

А что мы слышим теперь? Упомянувшийся выше академик приводит строки Некрасова, обращенные к русскому народу:

Чем был бы хуже твой удел,
Когда б ты менее терпел?

И соглашается с другим автором, который об этих строках сказал: «Большого непонимания русского народа трудно представить». Они, видите ли, лучше знают народ, чем великий поэт. Да, да: «Для русских терпение не удел, а высокое качество, за что его уважают другие народы». Тут вернее сказать о терпимости, об уживчивости русских с другими народами, о его дружелюбии, отсутствии у него ксенофобии, которая и ныне мерещится нашим правителям.

А терпение бывает разное. Одно дело терпение, повторяю, к тяготам войны, основанное на вере в победу и в свое руководство, о чем говорил Сталин, упомянув об ошибках и «отчаянном положении в 1941—1942 годы»: «Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это». Однако совсем другое дело — терпение к угнетателям чужеземным или своим. Его у русского народа не так уж много.

Ни один народ не подвергался столько раз иноплеменным вторжениям и не отстаивал свою национальную свободу. Только припомните: татаро-монгольское иго, шведы и немецкие рыцари, разгромленные Александром Невским, поляки с кучей Лжедмитриев, опять шведы со своим Карлом и Мазепой, французы с Наполеоном во главе всей Европы, опять французы, англичане, турки да итальянцы все вместе в Крыму, немцы со своим Вильгельмом, три похода Антанты вкупе с американцами и японцами, опять немцы, в сто раз посиль-

невшие и пострашневшие... И что с ними со всеми случилось на русской земле среди нечуждых им гробов, которых становилось се больше и больше?

В то же время нигде в мире не было столько самых решительных выступлений против социального угнетения: соляные, холерные, медные, стрелецкие, картофельные бунты и мятежи, восстания и крестьянские войны под руководством Болотникова и Булавина, Разина и Пугачева, революции 1905 года, Февральская, Октябрьская... И очень странно, если Путину и Медведеву в тревожных снах не слышатся слова, которые народ мог сказать, но не сказал в 1941—1942 годы: «Вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь из первых трех рядов, мы поставим другое правительство, которое отменит все ваши людоедские реформы и обеспечит нам покой». Сталин хорошо знал, что такое терпение и терпимость русского народа.

Не было в истории человека, вокруг имени которого спустя даже 50—60 лет после его смерти так бурно бушевали бы страсти. Все негодяйство России и Западного мира поносит и проклинает Сталина, доходя при этом до пароксизмов полного тупоумия. «Ростом он был карлик! — вопиет вечно веселенький телевизионный Эдвард Гуинплен, прогуливающийся у меня под окнами в ботинках на дутой подошве, называемых в народе «г...давами». — Когда на съездах он делал доклады, ему на трибуну подставляли скамеечку». На самом деле Сталин даже в прямом смысле был на полголовы выше Путина (168 см) и на целую голову выше Медведева (156 см.). Но Гуинплен не смеет этого даже знать. Бенедикт Сарнов, 65 лет считающий себя критиком, и Рой Медведев, уверенный, что он историк, ссылаясь друг на друга, пишут, будто у Сталина был такой низкий лоб, ну, такой низкий, что Политбюро приняло секретное решение: «На всех портретах вождя увеличивать его лоб на 2 сантиметра. За невыполнение — расстрел на месте». А как быть, если портрет всего со спичечный коробок? Все равно расстрел. Тот же Рой стыдит: «Он не умел плавать!» Может быть. Но, с одной стороны, когда в молодости на его глазах в Баку с пирса упала в море маленькая де-

вочка, он, не дожидаясь водоплавающего Роя, кинулся в воду и спас девочку. Оказалось, ее звали Надя Аллилуева. С другой стороны, говорят, Гитлер был отменным пловцом. И что? Однажды так глубоко нырнул, что не вынырнул.

А недавно державные уста из второго ряда объявили: «Сталин уничтожил крестьянство!» Позвольте, а откуда же хотя бы на фронте столько крестьян взялось? Ведь армия, разбившая немцев и пришедшая в Берлин, была по составу очень крестьянской. А в 1984 году, даже через тридцать лет после смерти Сталина и незадолго до вашего нашествия, в деревнях и селах было 26,6и тысяч колхозов и 22,5 тысячи совхозов. Там жили и работали 25 миллионов человек, обеспечивавшие нашу продовольственную безопасность, о которой вы только сейчас вспомнили. Что, этим занимались семьи Грызлова и Миронова, родственники Чубайса и Голиковой, клан Киркорова и Пугачевой, внебрачные дети Черномырдина? Это вы, задушив колхозы, чего не делали даже немецкие оккупанты, почти полностью уничтожили крестьянство. Нужны цифры? Ну, поработайте сами-то.

В эти же дни другие державные уста из первого ряда тоже пролепетали: «Преступления Сталина чудовищны! Он уничтожал свой народ!» Уже не крестьянство только, а весь народ. Они соревнуются! А мы, говорит, не уничтожаем, у нас население растет, растет и растет, за восемь месяцев этого года вот уже выросло аж на 1(одну) тысячу человек. Прекрасно! А как удалось установить и зафиксировать такой рост в стране, где население 145 миллионов — с помощью электронного микроскопа? Неизвестно.

Но дело даже не в этом. По данным Росстата «естественная убыль населения» страны за эти самые восемь месяцев текущего года составила почти 183 тысячи человек. Депутат Думы Нина Останина в связи с этим заметила: «К новому году будет все 200 тысяч» (Правда. 27.XI). Так ли, Нина Александровна? Ведь каждый месяц убывало почти по 25 тысяч. И нет оснований думать, что в оставшиеся четыре осенне-зимние трудные месяцы смертность уменьшится. Скорее, наоборот. Не достигнет ли эта скорбная цифра 300 тысяч или даже

больше? И заметьте, что Росстат зафиксировал лишь «естественную убыль», т.е. это сведения об ушедших из жизни «своей смертью» — по старости, от болезней, нищеты и т.д. А какова неестественная — сколько убитых и самоубийц, сколько бесследно исчезнувших, сколько погибших в разного рода катастрофах, авариях, при пожарах?.. Припомните еще раз хотя бы самые последние ужасы: Саяно-Шушенская ГЭС — 75 душ, «Невский экспресс» — 25, «Хромая лошадь» в Перми — 156, и счет продолжается... Поручите, Медведев, подсчитать это умному Чубайсу, делающему умную экономику. Он когда-то заявил: «Ну, вымрут миллионов 30. Так они же сами виноваты — не вписались в наши реформы...»

Да и «естественная убыль» это в большинстве своем — результат ваших реформ и вашей демократии. Из помянутых 300 тысяч своей смертью умерло, пожалуй, тысяч 50. А остальных без большой погрешности можно записать примерно так: 130 тысяч — за Медведевым и его умной администрацией, 120 тысяч — за Путиным и его умным правительством. Это только за нынешний год.

И при всем этом когда их спрашивают «Когда отвалитесь?» — они лихо отвечают: «Не дождетесь!» Не надейся, дождемся. И, судя по всему, скоро.

А как было при Сталине, уничтожавшем народ? 1 декабря 1935 года в речи на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок он сказал: «Жить стало лучше, веселее. Это привело к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. И мы это приветствуем. (Веселое оживление в зале.) Каждый год мы получаем приращение на целую Финляндию. (Общий смех)» (С.Т.14, с.102).

Когда Медведев при великом многолюдстве сообщил о приращении наконец-то впервые после долгого падения с 1992 года на 1 тысячу, тоже мог бы грохнуть общий смех, но не веселый. Однако, никто не посмел. Возможно, хохотали, обливаясь слезами, уже дома в индивидуальном порядке.

И что же? За годы сталинской тирании население СССР выросло миллионов на 50. А ведь за это время по стране

прошли два страшных голода, да война унесла 27 миллионов... Чудны дела твои, Господи!

Я не хотел было затрагивать в этой статье тему репрессий по причине ее замызганности, но, однако же, достаточной ясности: давно опубликованы обстоятельные, тщательно документированные исследования на сей счет. Стоит назвать хотя бы публикацию Виктора Земскова, допустим, в «АиФ» (1989) или книгу Игоря Пыхалова «Время Сталина» (Л., 2001). И только президент да премьер да их подпевалы продолжают голосить: «Масштаб репрессий невозможно вообразить!.. Реабилитация Сталина невысказана!» Но даже самые известные подпевалы вроде Юрия Полякова из «Литгазеты», смотрите, как ныне юлят: «Я абсолютно согласен с президентом, что ни в коем случае ту кровь, которая была пролита в революцию, нельзя забывать...». Он — абсолютно! Да ведь президент не о революции, а о Сталине, о репрессиях. А дальше, и не упоминая Сталина, уж совсем уморительно: «Конечно, эта, так сказать, кровь, ее надо помнить, так сказать, и тех людей, которые погибли в этой, так сказать, революционной мясорубке». Тележурналист врасплох застал, так сказать, писателя на его весьма, не так сказать, даче.

И все-таки я не хотел писать о репрессиях. Но 10 декабря попалась мне на глаза в «Советской России» статья «Обманщики» историка, подполковника в отставке Юрия Шварева. Он в частности пишет: «Ни в поселке, где жила наша семья, ни на работе в Котласе, ни в военном училище в Череповце, ни в офицерской среде в Архангельске и Москве я не слышал никаких разговоров о родственнике, сослуживце, соседе, просто знакомом, осужденном во время войны и после «за политику». А мне говорят о массовых арестах при Сталине!»

Автор припомнил всю свою родню, набралось 51 человек. И репрессирован, попал в лагерь только один — дядя по отцу. За что — автор точно не знает. 1 — это сколько процентов от 51? Меньше двух.

Интересный пример толкнул меня припомнить и свою родню. Родители Шварева из многодетных семей. У него три дяди и шесть тетей. У меня были только один дядя и три тети.

Поэтому и родни я собрал меньше — 34 человека. И что? В том же 1931 году был арестован мой дед Федор Григорьевич Бушин. Но мой отец, сын деда, тотчас помчался в Товарково (Тульская область), где упекли деда в тюрьму, и недели через две-три добился его освобождения. А был отец всего лишь врач. И вскоре деда избрали председателем колхоза деревни Рыльское, что на Непрядве. Это наша единственная жертва «культы личности». Но несколько недель отсидки хотя и с уголовниками вместе можно ли назвать репрессией? И среди нескольких сот жителей фабричного двора, где мы жили в 30-е годы, я, уже подросток и юнец, знал лишь одного человека, которого арестовали. Это был отец моих товарищей Юры и Жени Мазютиных, соседей по дому.

Совсем другая картина — война. Из 9 мужчин нашего клана, ушедших на фронт, погибли четверо. Это почти 50%. Вот истинная массовость.

Цифры надо знать. Недавно Путин был в Польше и лепетал там в оправдание родины в таком духе: да, советские руководители негодяи, но и вы не лучше. А ведь надо бы напомнить полякам только четыре цифры, чтобы они заткнулись со своей и геббельсовской Катыню. В 1920 году из их плена не вернулось 100 тысяч красноармейцев (И.Сталин. Т.18, с.136). Где они — католичество приняли? А Катынь, если даже согласиться, что это дело рук НКВД, — 15 тысяч жертв. А через двадцать лет, защищая свою родную землю, польская армия потеряла 66,3 тысячи убитыми (ИВМВ, т.3, с.39) и не защитила. А Красная Армия, освобождая их землю, не только чужую для нас по вере и по многому другому, но веками и враждебную, положила около 600 тысяч душ. Почти в десять раз больше. Да еще Сталин, не припомнив полякам нападения, захват Киева в 1920 году, гибели тогда 100 тысяч наших пленных, участия Польши в хищном растерзании Чехословакии, добился в Ялте установления границы Польши значительно западнее, чем она была до войны, отдали ей немецкий Данциг, большую часть Восточной Пруссии и кое-что еще. И после всего этого они до сих пор скулят и воют, требуют с нас

контрибуцию! Есть в мире еще только один такой же национальный конгломерат.

В декабре 1992 года, в самую лихую пору разгула антисоветчины и поношения Сталина, я начал печатать в «Советской России» большой цикл статей «Кадры решают все», завершившийся 6 марта 1993-го. Тираж газеты был тогда едва ли не миллионный. И пошел нескончаемый поток писем, телефонных звонков, незнакомых визитеров, приглашений в гости... Дело не в литературных достоинствах моих статей, а в том, что газета решилась пойти на прорыв блокады, окружившей стеной вранья Сталина и его время. Газета получала письма из всех краев страны — из городов и деревень, от людей разных национальностей и возрастов.

Н.М. Душаева из села Большой Толкай Самарской области писала: «Сталин жил и работал для народа. Он был справедлив. Ленин и Сталин освободили нас от нищеты, темноты и гнета. Их чернят враги народа. Дети и внуки врагов...Я шагаю по девятому десятку. Но взялась за перо и пишу дрожащими руками. Благодарю...»

«Я сын репрессированного, — писал В.С.Евтушенко из Владимира. — Но я твердо знаю, что не Сталин повинен в этом!.. Некоторые восклицают: «Господи, неужели не все продались и пишут правду о нас, о нашем времени, в котором было море счастья и радости, света и свободы! Единомышленников ваших — миллионы».

Р.И.Иванкина из города Кизил Пермской области: «Я человек поколения социализма, когда люди помогали друг другу, откликались на беду, осуждали зло. Я не защищаю Сталина, но я против охаивания истории, против плевков в тех, кого уже нет в живых. Спасибо. Нашелся хоть один человек...».

Москвичка А.Н. Тжибовская признавалась: «Уважаемый товарищ Бушин! Я прочитала статью «Кадры решают все», но не сразу — перехватывало дыхание, тряслись руки... Сколько оказалось предателей!»

А.Казаков из Ростова-на-Дону: «Дорогой В.Бушин! У меня деда раскулачили, выслали. Вернулся через 18 лет. Отца в

37-м из партии исключили. Но когда в 1975 году его хоронили, поселок говорил: хороним коммуниста №1... И я, сын репрессированных, послал бы вам 1000 писем благодарности за правду о Сталине».

С.В. Кондратенков из Ижевска: «Статья, можно сказать, подняла меня с больничной койки. Мы обсуждали ее всем отделением. Все — за!.. Сталин допустил, конечно, много ошибок, но он только человек и жил в такое время, когда без жестокости было просто невозможно. Но не всех врагов народа он отправил в ГУЛАГ. Притаились, переждали, а сейчас вылезли, как тараканы ночью из всех щелей...»

А.С. Клецинской из Челябинска: «Войну я прошел от начала до конца. Нет слов, были у Сталина и ошибки, но без него...»

В.Н.Артемьев из Иркутска: «В 80-годы я стал верить, что ошибки Сталина велики, но теперь убежден, что он был прав». Л.М.

Барышева, Сахалин: «Сталин пришел к власти, когда по России бродили голод, разруха, эпидемии... А теперь поливают грязью все, чего народ добился под водительством Сталина!»

В.В.Мартынов, Клин: «Конечно, Ельцин фашист №1...» Л.Н.Шадрина, Сухой Лог: «Я выросла в детдоме...Помню день смерти Сталина. Плакали все — и взрослые, и мы, дети»...

От Сахалина и Владивостока до Калининграда и Ужгорода... «Заслуга Сталина в том, — писал именно из Владивостока тов. Гурченко, — что он сумел привить любовь к Родине, и к началу войны сплотил все народы и национальности. Патриотизм и высокая нравственность — вот главные черты советского человека того времени. И никакие волкогоновы, яковлевы, роймедведевы не изменят нашего мнения — нас миллионы! — о человеке, который спас Россию». Н.Н.Кузина, инвалид войны из Ужгорода, рассказала, что уже после победы, в сентябре 1945-го, она, совсем молодая, была тяжело ранена бендеровцами, четыре года пролежала в госпиталях, перенесла пять операций, и вот во Львове предстояла шестая, решающая. Врач сказал ее матери: нужно 20-25 грамм стрептомицина, а в госпитале его нет... «И моя мама, — читали мы, — тоже инвалид войны в отчаянии дала телеграмму:

«Москва. Кремль. Товарищу Сталину.

Умирает единственная дочь. Нужен стрептомицин. Помогите, отец мой. Спасите. Храни вас бог!» И через неделю авиапочтой в госпиталь пришла посылка с лекарством. «Я живу и вспоминаю радость моих врачей, когда они с коробочкой пришли в палату и сказали: «Завтра будем оперировать...»

И девушка выздоровела, стала врачом, вышла замуж, родила дочь, появилась и внучка, тогда ей было одиннадцать лет, сейчас уже двадцать семь.

Но я конец не рассказал,
А он простой: теперь, когда
Войной грозят нам, я всегда
Припоминаю этот зал. Зал!
А не первых три ряда.

2009

ЧЕЛОВЕК ЕРОФЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Мне позвонил добрый знакомый:

— Включите Российский канал. Там «поединок» Проханова с Ерофеевым. О Сталине.

О, нет! Во-первых, я заранее знаю, что это кончится полным разгромом своры антисталинистов. Надоело, скучно. Во-вторых, один безгубый лик этого француза с деревенской фамилией, его мясистые тяжелые уши... Он похожий на змея с фрески Страшного суда в нашей Аносинской церкви. И даже с экрана телевизора обдает меня такой вонью, говоря его штилем, что сразу надо открывать форточку. А сейчас мороз...

Помню, однажды группа молодых людей стала его стыдить по телевидению, как похабника: «Вы же не посмеете вслух прочитать то, что пишете!» Ему было явно не по себе, он ерзал, его загнали в угол, но он мог бы выйти из положения. Вспомнил бы, допустим, «Телегу жизни» Пушкина. И сказал бы, что одно, дескать, дело написать, напечатать и совсем другое — принародно огласить. Есть тексты не предназначенные для чтения вслух и даже для печатания. Не напечатал же Пушкин свою «Телегу», и никто не вздумает читать с эстрады его «Гавриилиаду». Но Ерофеев ничего этого не понимает, не соображает и представить его читающим Пушкина невозможно. И вот он обреченно пробубнил на всю страну свою смрадную непотребщину. А потом стал возмущаться: «Они еще всего Достоевского не прочитали, а смеют учить меня!» Можно подумать, что он прочитал. Да и зачем всего-то читать? Никакой в этом нужды нет у разумных людей, ни у кого, кроме сугубых специалистов.

Да, и я знаю, что когда сходятся в «поединке» по каким-то мало кому интересным вопросам такие витязи, как М. Гельман и А. Хинштейн, то и откликов не много, и победа дается

одному из них с небольшим перевесом: 2664 и 1632. Или вот М. Веллер, вертящийся, как пропеллер, и неведомый многим В. Груздев, всем известный Н. Михалков и Д. Быков, плодovitый, как крольчиха. В первом случае 44 990 и 35 350, во втором 43 562 и 41 853. Это же все одного поля бузина. Но совсем другое дело, когда Проханов выходит против Сванидзе. Здесь 39 242 и 13 778. Трехкратный разгром! Или Проханов и Марк Розовский: 74 136 и 27 141. Опять почти трехкратный. А в избиении Кургиняном горемыки Алексея Венедиктова установлен абсолютный рекорд: 101 446 и 18 531. Без малого шестикратный Сталинград! И Ерофеева ждет Курская дуга. Скучно...

— Но мой приятель настаивал, и в конце концов я все-таки включил. Но шли уже последние кадры. Вот появился седовласый академик с вакхической фамилией Пивоваров, но начал совсем не вакхическую песню:

— Мне тяжело... Большинство народа поддерживает Сталина... Мне грустно... Они говорят, что репрессировано было 2 процента. Какая разница — 2 или 22!.. Мне тошно...

Как это какая разница, батя? Допустим, вам за вашу ученость кто-то залепит две оплеухи, а кто-то 22 — неужели не почувствуете разницу? Вот так же недавно он заявил: какая разница, кто освободил Освенцим — мы или американцы. И приписал это американцам. Завтра он то же скажет и о Берлине: какая разница...

— Нет никаких доказательств, — стонал академик, — что два процента.

Ну, блин! Да это давным-давно В.Н.Земсков обнародовал не где-нибудь, а в многомиллионном «АиФе». С тех пор где только ни перепечатывалось множество раз. Загляните хотя бы еще в книгу Игоря Пыхалова «Время Сталина».

— А все эти стройки коммунизма от Днепрогэса до московского метро, победы в космосе — фигня! Выдумка! Сталинская пропаганда!.. Да, народ, к сожалению, чтит Сталина. И это после исторического доклада Хрущева, после Солженицына!.. Мне горько... Мне страшно...

Казалось, большой ученый вот-вот разрыдается. Болезнь! Он не понимает, что именно такие, как Хрущев и Солженицын, поработали на Сталина. Когда пригляделись внимательно к «историческому докладу», то оказалось, что это сплошное вранье. И об этом написано много книг и статей. Полистайте хотя бы вышедшую у нас в переводе с английского книгу американца Гровера Ферра (Grover Furr) «Анти-Сталинская подлость» (463 стр). Как понимаете, автор не член КПРФ или Трудовой России. Но он пишет: «Из всех утверждений закрытого доклада, напрямую «развенчивающих» Сталина и Берию, не оказалось ни одного правдивого». А Солженицын, с одной стороны, нахваливал генерала Власова, мечтал об атомной американской бомбе на Москву, а с другой — пишет: «3 июля 41 года плачущий Сталин произнес паническую речь по радио...» Ведь это не только грязная ложь, но и редкое тупоумие: если человек в таком состоянии, разве он ползет с речью на всю страну. Но мало того, Солженицын еще рассуждал так: «Ничего страшного, если бы немцы победили. Сняли бы мы портрет с усами и повесили бы с усиками. Да елку стали бы справлять не на Новый год, а на Рождество. Всего и делов».

Прочитав это, люди делают вывод: если о Сталине лгут такие лжецы и негодяи, значит, Сталин достоин уважения. И разыскивают его речь 3 июля. Вот вы, академик, вместо того, чтобы порхать по разным программам телевидения, взялись бы и опровергли Ферра да показали бы, что Солженицын такого вздора не писал или что это не вздор, а правда.

Но тут на меня вдруг пахнуло из того самого вонючего рта: «Проханов любит КГБ! Да, стране нужна железная рука, но без ГУЛАГа!»

О, дубина! Да как не любить КГБ? Попробуй не полюби. Это же Комитет безопасности и не Абрамовича или Шендеровича, а Государственной!.. В советское время он много сделал для безопасности и страны, и моей семьи, и меня лично. Разве при нем возможны были бы Беслан или «Норд-Ост»? Как не любить того, кто тебя защищает! Но, конечно, были и ошибки, и злоупотребления, порой тяжкие. А у кого их нет?

Но за особо тяжкие беззакония понесли заслуженную кару и Ежов, и Ягода, и их присные. Все это надо понимать. И ГУЛАГ любить надо. Это же Главное управление лагерей. Поскольку преступность разного рода есть и будет, а ныне и растет, как нигде, то есть и будут лагеря, которыми надо управлять. А как же! Значит, ГУЛАГ остается, может, под иным названием, допустим, Гуманистическое усовершенствование лагерей.

«Мы будем великой нацией,- вопил зловонный рот,- без Сталина и без всякого этого г...!»

Господи, до чего ж прозорлив был Ленин, именно этим словом и определив сущность такой интеллигенции! Оно и на языке-то у нее постоянно, и тяга ее к концентрированному дерьму и гадости в их самых разных видах неодолима. И традиция тут давняя. Вспомнить хотя бы «Конармию» Исаака Бабеля. Вот, говорит, буденновцы изнасиловали женщин. Что ж, вероятно, и было такое в страшное время Гражданской войны. Но что он рисует! Насилуют не молодую соблазнительную женщину, а старуху. Так писателю интересней. Насилует не один, двое. Так ему увлекательней. И не просто двое случайных сослуживцев, а отец и сын. Так ему отрадней. Казалось бы, уж дальше некуда. Нет, большой художник кладет еще один завершающий картину мазок: старуха-то, оказывается, сифилитичка и оба насильника заразились. Вот она правда жизни, которой писатель хочет нас угостить. Но «Конармия» это очень давно — начало 20-х годов прошлого века. А вот не столь давний фильм «Штрафбат» по сценарию Эдуарда Володарского? Это о Великой Отечественной войне. Захваченная немцами русская деревня. К молодой колхознице повадился ходить немец по имени Курт, она не противится. Бывало такое? Бывало. Но сценаристу это пресно. Он подсыпает перцу: муж колхозницы погиб на фронте, а она вот... Но художнику этого мало! И сын-подросток на ее глазах убит немцами за то, что хранил оружие, а она вот... И этого ему мало. Он еще уверяет, что дочка лет шести очень полюбила этого Курта и ждет не дождется, когда он явится и принесет шоколадку. И вот вам правдивый образ русской женщины, созданный Володарским, ешьте... О, племя!..

Но вот появились и цифровые итоги сражения: за Проханова 78 560, за Ерофеева 25 792. Как и следовало ожидать. Я решил, что с меня этого хватит.

Но утром жена попросила вынести на помойку ведро с мусором. Это недалеко, через дорогу. Там стоят пять здоровых железных контейнеров. Пошел, выбросил и вдруг увидел среди разных отбросов и объедков книгу с портретом Сталина на обложке. Я не мог не забрать ее отсюда. Принес домой, протер обложку водкой. Портрет засиял. Оказалось — надо же! — это роман Ерофеева «Хороший Сталин», заранее объявленный на обложке как «мировой бестселлер» и изданный для всех шести материков тиражом в 5 тысяч. Видимо, Австралии не достанется. Кто-то выбросил книжечку на помойку. А ведь автор живет где-то здесь неподалеку. Увидел бы, могла кандрашка хватить. Я стал листать...

Это довольно занудное бормотание и повизгивание о семье, о родне, о жизни во Франции, где отец был советником по культуре нашего посольства, позже — послом в Сенегале; еще о том, как мальчик мыл свою молодую учительницу в ванной и чем это кончилось, и о многих других нестерпимо гнусных сексуальных переживаниях с детского возраста, в правдивость коих часто поверить трудно, скорее всего, это лишь игра развратно-французистого ума; еще о том, как жрал черную икру, щеголял в каких-то немисливо модных портках; ну, и о том, какой степени полоумия на почве антисоветчины достиг мальчик, став взрослым. Он тужится все это оживить разного рода ужимками, фортелями и фантазмагориями вроде рассказа о том, как Николай Второй ходил в магазин покупать себе пуговицы, или уведомления о том, что Молотов любил гречневую кашу, или разговора со Сталиным, — но все это не помогает. Ну, что нам хотя бы этот разговор, когда мы знаем «Пирамиду» Леонида Леонова, где есть разговор отнюдь не пустопорожный, как здесь...

На всем протяжении книги автор упорно именуется себя идеалистом. Но это не совсем так. Даже сны он видит очень экономически целесообразные. Например, однажды приснилось, что они с отцом завели себе одну любовницу на двоих.

Ну, как один «ситроен» или «пежо» в Париже. Впрочем, возможно, сна и не было, а Ерофеев просто списал это у Василия Аксенова, старшего брата по разуму, у которого в «Московской саге» такой проект герой осуществил не во сне, а наяву. А списывать, как увидим, идеалист Витя любит.

Примечательно и то, что все повествование пересыпано перлами загадочного невежества. Поражает прежде всего обилие самой разнообразной литературной чуши из глубин классики до наших дней. Ведь писатель же! Уверяет, например, что первый бал Наташи Ростовской «по легенде был в доме на Поварской», т.е. в нынешнем ЦДЛ, где долгие годы всем командовал известный своей строгостью Шапиро, не пускавший Ерофеева в Дом. Легенду эту ему рассказал, вероятно, Евтушенко, а он тотчас поверил и понес дальше. А на самом деле, бал не на Поварской был и даже не в Москве, а в Петербурге в доме екатерининского вельможи на Английской набережной. И Шапиро там не командовал. Известна даже дата — 31 декабря 1810 года. Это был новогодний бал. Раскрой, милый, хоть раз в жизни «Войну и мир», это, кажется, во втором томе. А еще не надо печалиться по поводу того, что не читал «Детство Багрова-внука». Ее никто не читал, ибо такой книги в русской литературе нет.

Ну, ладно далекая классика. Но вот Илья Эренбург, наш старший современник. Однажды в конце войны, пишет Ерофеев, писатель побывал в Кенигсберге, поговорил там с пленными немцами и сочинил статейку, которую отнес в журнал «Вопросы международного рабочего движения». Там «он требовал глобальной мести, подчиняя советский стиль статьи оскорбленному национальному чувству (как это? — В.Б.)...Надо уничтожить немцев, которые сжигали евреев в газовых камерах...» и т.д. А журнальчик сей курировал-де «премьер-министр Молотов». Ему статья не понравилась, от потребовал переделать. Писатель воспротивился: «Я требую мести! Око за око». Приводится их «диспут», в котором они матерят друг друга, а Эренбург говорит языком то Путина («давайте мочить всех»), то Ерофеева («фашисты вые... всех наших женщин»). Словом, балаган первого разряда. Кончается дело тем, что

Молотов дает задание писателю переименовать Кенигсберг, и далее опять следует совершенно несуразная фраза: «Смелость Эренбурга, желавшего мести, была оправдана заходом с любимой властью позиции ненависти» — что это такое?

Так вот, во-первых, Эренбург в Кенигсберге во время войны не бывал. В Кенигсберге тогда был я. Во-вторых, Молотов в ту пору был наркомом иностранных дел, а не «премьер-министром», коих в советское время вообще не водилось. В-третьих, журнала «Вопросы международного рабочего движения» никто не видел и во сне. Должно быть, спутал с «Вопросами литературы», где были напечатаны его изыскания о садизме. В-четвертых, во время войны статьи Эренбурга чуть не каждый день печатались в «Красной звезде» и «Правде», он писал о героях войны и о жертвах немецких жертв, в том числе и евреев, конечно, но никакого мотива именно еврейской мести у него не было. Представить Эренбурга сотрудником несуществующих «Вопросов» может только человек, не имеющих никакого представления о том, что такое этот писатель, и какова была его работа в годы войны, и что такое сама война. Наконец, как всегда, Ерофеев лишь повторяет чужой вздор, в данном случае — изгнанного коллективом «Литгазеты» и забытого ныне Федора Бурлацкого, тоже «человека европейской культуры», при Ельцине — главного редактора этой газеты, где, кстати сказать, он напечатал невежественную и лживую статью Ерофеева «Поминки по советской литературе».

А на самом деле, о чем оба европейца ведать не ведают, 14 апреля 1945 года в «Красной звезде» была напечатана статья Эренбурга «Хватит!». В ней действительно были неприемлемые утверждения о Германии тех дней: «Все бегут, все мечутся, все топчут друг друга, некому капитулировать. Германии нет: есть колоссальная шайка» и т.п. Ближайшее время показало, что, по крайней мере, нашлось, кому капитулировать. Позицию в этом вопросе еще 23 февраля 1942 года, а не после войны, как уверял Федя-писатель, выразил Сталин, человек русской культуры: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государ-

ством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остаются». Принимая во внимание большую популярность писателя, обретенную во время войны, «Правда» 14 апреля выступила со статьей «Товарищ Эренбург упрощает». В своих воспоминаниях писатель попытался отвергнуть критику.

Но Ерофеев уверяет, что всю эту чушь он взял не у Бурлацкого, что это ему рассказал родной папочка, что именно он бегал от «премьера Молотова» к Эренбургу и обратно. Ну, пожалел бы покойного отца, не втягивал бы его тень в свои вонючие проделки...

Если парень так дремуч в делах литературных, писательских, то что уж говорить о его познаниях в событиях хотя бы военных. Полюбуйтесь: «В ресторане «Арагви» в кризисные дни 1941 года шли переговоры между представлениями(?) Советского правительства и болгарским посольством. Готовился второй Брестский мир. Мы готовы были отдать немцам Белоруссию и Украину. Но Гитлер хотел большего — Россию по Волгу, включая Москву» и т.д. Это что такое? Опять, говорит, так рассказывал мне папулечка. Вранье! Об этом «втором Брестском мире» кто только ни писал, начиная с С.Радзинского в книге «Сталин» (М.1997.С.507) и кончая В.Карповым (Генералиссимус. 2002. С. 11—14), только в последнем случае хлопоты о «Бресте» происходят не в октября 41-го и не в «Арагви», а в феврале 42-го в Мценске. Карпов даже приводит документы, которые спокойные люди называют филькиной грамотой. А ведь еще до всех этих писаний в 1996 году вышли воспоминания генерала П.Судоплатова, который и встречался в «Арагви» с болгарским послом, нашим агентом, «с целью забросить дезинформацию противнику и выиграть время для концентрации сил и мобилизации резервов». А сотрудник немецкого МИДа Ботман вел подобные беседы с Бережковым, первым секретарем нашего посольства в Берлине. На самом же деле никто, кроме Ельцина, не собирался отдавать Белоруссию и Украину. Для Сталина и всех советских руководителей, писал Судоплатов, «любая форма мирного соглашения с немцами была неприемлема. Как опытные политики и

руководители великой державы, они нередко использовали в своих целях поступавшие к ним разведанные для зондажных акций, а также для шантажа конкурентов и даже союзников» (Разведка и Кремль. С. 174). Это естественно, так поступают во всем мире, кроме нынешней России, где знают только один род политики — угодничество.

Но папочка, говорит, тут же добавил: «Переговоры в «Арагви» затягивались. Гитлер берег своих солдат. Он не хотел штурмовать Москву. Поэтому не штурмовал и Ленинград». Что за душка был этот людоед! И солдат берег и рассчитывал, что Москву ему сдадут, как Париж — без единого выстрела.. Ах, свистун Витя! Да какая же цель была у группы армий «Центр», которая не доползла до Москвы всего 27 верст? Полюбоваться подмосковной осенью? И чего это командующий группой фельдмаршал Бок радировал Гитлеру: «Все может решить последний батальон». Но батальона-то не было. Куда он девался? И кто планировал парад на Красной площади? И за что 18 декабря 1941 года Гитлер отправил Бока «в резерв», который по-русски хоть слева направо, хоть справа налево читается одинаково и имеет один и то же смысл. А что до Ленинграда, то зачем, с какой целью туда была переброшена аж из Крыма целая армия Манштейна, специалиста по штурмам? И чего это, кстати, он писал в своих воспоминаниях, что там немецкая армия была близка к катастрофе: «Вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось сражение южнее Ладожского озера... Дивизии нашей армии понесли большие потери. К тому же была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград». Или наступление это не штурм? Так что планчик-то был самый настоящий, но не сбился: Красная Армия навязала мерзавцам бои южнее Ладожского озера. Это то самое наступление Второй ударной и других частей Волховского фронта, что началось в январе 1942 года и оттянуло силы немцев от Ленинграда, а вскоре уж и вовсе пришлось им оттуда драпать. Как видим, Ерофеев, опять выставляя своего отца идиотом, сам и на сей раз предстал в образе невежественного охвостья Радзинского и других.

До какой степени человек замшел в своей дурости и до чего ему не жалко батю родимого, видно хотя бы из такого эпизода. «Больше всего, — говорит, — отец любил вспоминать обед в Кремлевском дворце. Он сидит рядом со Сталиным и переводит беседу с главным гостем». Кто это? Военная тайна. «Вождь в парадном кремового цвета мундире генералиссимуса...» Такого мундира ни кремового, ни розового, ни голубого не существовало, но о нем без конца талдычат ерофейцы. Сталин носил такой же мундир, как все маршалы. «Подают индейку. У официанта, поливающего блюдо соусом из-за плеча Сталина...» Умник кремовый, да кто ж так делает — из-за плеча? На дипломатических обедах не бывал, что ли? В Кремле, надо полагать, официанты были опытные, умелые, говорят, там отец Путина служил.

Но что дальше? О!.. «У официанта рука дрогнула, и капли соуса упали на кремовый мундир генералиссимуса. Стол замирает. Берия выходит из-за стола...» Зачем? Да с явным намерением тут же пристрелить официанта. И сынок перебивает отца:

«— Расстреляли?

— Не знаю, — пожал плечами отец».

Но сынок-то знает, уверен: кокнули бедолагу. Опять оба — в образе идиотов. Если кому известен пример большего тупоумия, прошу сообщить.

Но не только о живодерстве тирана повествует писатель. Он старательно воспроизводит и замусоленный рассказ о том, как знаменитый полярник Папанин пригласил Сталина на только что построенную богатую дачу, а тот поднял тост за новый детский сад. Это опять из Радзинского. Ничего своего не может придумать!

А женился Витя на полячке и часто бывал в Варшаве. Однажды на своей советской «восьмерке» с советскими номерами застрял там в пробке. И вот что дальше: «Невероятно элегантный в твидовой тройке господин, каких по определению (по какому определению? — В.Б.) не рождает Россия, проходя по тротуару мимо, плюнул мне на капот. Через минуту я нагнал его на машине и просигналил. Он оглянулся и, увидя

меня, струсил...». Тут нормальный читатель ожидает, что Витюша, вскормленный на советской черной икре, сейчас выйдет из машины и если не залепит пощечину наглому ляху, то уж непременно врежет что-нибудь вроде «Ах, ты пся крев, мать твою!..» Ведь это не случайно соус капнул! Но происходит нечто совсем иное: «Через открытое окно я показал ему высоко поднятый большой палец, поощряющий его отношение к Империи: по-моему, он охренел».

Еще бы! Вот так и вся Франция охренела, когда Ельцин и Черномырдин выплатили ей 600 миллионов столетних царских долгов; и Америка охренела, когда Путин по ее просьбе сперва помог ей получить военные базы в Киргизии, а потом ликвидировал советские базы во Вьетнаме и на Кубе; поди, и Финляндия и Польша охренели, когда Медведев вслед на Путиным положил нежные незабудки на могилку Маннергейма, а потом кровавую катынскую проделку Геббельса безо всякого раздумья и сопротивления свалил на родную страну. Гордись, Витюша! Стоишь в одном ряду с этими державными персонажами, которым вот уже двадцать лет плюют не на капот, а на двуглавого орла, что они вытащили из музейного запасника и присобачили себе на умное чело.

«Поляки, — радуется твидовый писатель, — кажется, меня полюбили, искренне признаваясь мне, что я не похож на русского». Конечно, не похож, ничуть. А похож на Путина и Медведева — национальных кастратов, евнухов демократической модернизации. И опять: «Я не знаю, где моя настоящая родина. На карте ее нет». И думает, что это кому-то интересно. Да черт с тобой, что не знаешь! Тем более, что мы-то давно знаем, где она, твоя родина. Да, на географической карте ее нет, но на плане дома, где ты жил на улице Горького, ее легко можно найти.

А о России этот самодельный лях пишет: «У нее нет выбора. Она приговорена или быть частью цивилизованного мира, или вообще не быть». И потому, говорит, «дорогу из Парижа в Москву я воспринимал, как сибирскую ссылку боярыни Морозовой». Ну, вообще-то говоря, не в Сибирь сослали Феодосию Прокопиевну, а заточили в Пафнутьев монастырь,

что в Боровске на Протве, не так далеко от Калуги, где она через три года и скончалась, узнав, что через триста лет на русской земле будут считаться писателями такие, как Ерофеев, который без конца повторяет тупоумные гнусности, давно оглашенные другими.

То, что сказал он о России только что, мы слышали, например, от сукина сына Альфреда Коха, друга Чубайса, вскормленного той же сухой демократии. Но вот лях едет, едет и приехал. И что? «Родина пахнет жигулевским пивом». А сам он, как признается позже, насквозь пропах одеколоном и спермой. «Родина складывается из пустоты». Да, так думали твои ляхи, шведы, французы, англичане, американцы, японцы, немцы... И горько ошиблись.

Итак, лях уже в Москве. И чем занят? «Когда я, аспирант Института мировой литературы, познакомился с французскими дипломатами в их посольстве, мне так хотелось сказать им что-нибудь антисоветское, выдать все секреты...» Но никаких секретов не было, кроме одного: под видом аспиранта в посольство пришел — бум! бум! — олух царя небесного. Ну, еще секрет, как такого олуха приняли в ИМЛИ. Однако и этот секрет французов не интересовал. Но аспирант хаживал и в американское посольство и там «пытался внушить послу, что его русский шофер непременно служит в КГБ». Ну, какой, право, идеалист! Как будто посол сам не знал, что к чему. И не обязательно было шоферу служить в КГБ, но уж на беседы-то его, конечно, приглашали. А где иначе? А кто по-другому?

У нас нередко поминают Смердякова, как омерзительный образ ненавистника России. Да он же по сравнению с этим человеком ерофейской культуры просто патриотом выглядит. Ну, в самом деле, не принимал же он с радостью плевки от поляков, не мечтал выдать иностранцам государственные секреты, не бегал по иностранным посольствам с доносами...

Но ненавистью к Советской стране духовные недра этого человека не исчерпываются. «Что мне Чили? — восклицает он. — Моя ненависть к системе достигла таких степеней, что Альенде в моих глазах был заранее объе...» Тут следует матер-

щина. Что ни говори, но, увы, это древняя часть родного языка, и обычно она западает людям за пазуху в детства. Но Ерофеев, выросший в мире «мерседесов» и черной икры, твидовых портков и collection sex'a (по-русски — свального греха), не мог там узнать ее. Он признается: «Уже позже я учил мат, как иностранный язык». Впервые в жизни встречаю русского, который родной мат учил, как персидский. И выучил плохо, употребляет мат и близкие к нему слова неуклюже, неграмотно, комично, однако очень назойливо в надежде, что это единственное, что может придать ему литературную и человеческую значительность. То же самое видим, например, у критика Бенедикта Сарнова, выросшего на пороге Елисеевского магазина и вспоенного томатным соком.

Самое любимое слово Ерофеева мы уже слышали: г.... Но любит он еще и другие подобные слова. Извините, читатель, но уж парочку примеров его невежества и в сфере непотребства я все-таки приведу. Есть грубое, но смачное выражение о чем-то неудачно сказанном или сделанном: «как в лужу пер...ь». Ерофеев пишет здесь «перД...ь». Он знает, что в инфинитиве этого глагола действительно есть буква «д», но ему неизвестно, не сказали ни папа-посол, ни мама-послица, что в русском языке иные слова при изменении их формы порой теряют кое-какие буквы. Здесь именно такой случай. Русский язык-то прихотлив, месье лях, в нем немало трудно объяснимых странностей, их, гуляя по Елисейским Полям, как и стоя за рокфором в Елисеевском магазине, постичь невозможно. Только с молоком матери. Не знает французский поляк и того, что иногда для выяснения сомнительной буквы в слове его форму надо изменить так, чтобы на эту букву, на этот слог падало ударение, и потому пишет: «Они нам засИрают мозги...» Ну, образуй существительное от этого глагола, ведь так просто, и все будет ясно: засеря. Не знает, не понимает, не сечет. А ведь кончил аспирантуру при ИМЛИ! Написал диссертацию о Достоевском! И этот человек, не осиливший русский мат, лезет к нам со своими размышлизмами о Достоевском, Ницше, Соловьеве, Бердяеве...

Но вот что дальше в прерванной цитате: «Моя ненависть достигла таких степеней, что я пришел в полный восторг от хунты Пиночета, торжества ЦРУ. Мне было приятно, что Альенде убили. Мне было радостно, как завывала Москва». Восторг идеалиста!

И ему «нравится думать» о смерти, об убийстве не только известных ему людей, которых он ненавидит, но и о совершенно неведомых ему, например, — об убийстве молодых дворянок: «Лежу — представляю...»

Если за неистребимый смрад изо рта в конце концов его укокошат, мне не будет приятно, я не возрадуюсь, даже не скажу «Давно бы пора», а его читатели не должны, просто не имеют морального права возмущаться подобным способом очищения атмосферы родины.

Возможно, у Ерофеевых такого свойства радость — фамильная. Отец тоже радовался, когда умер его начальник Вышинский. Он однажды обыграл его в шахматы. И с тех пор, говорит сынок, у министра иностранных дел не было иных забот, как только притеснять папочку-шахматиста, вот и четырехкомнатную квартиру вместо трехкомнатной не давал... Однако, можно ли этому верить или нет, не знаю: ведь так рассказывает сын, а он столько гадостей наговорил даже о своих родителях! Порой, говорит, я видел в них «бешеных собак в смокинге и в длинном вечернем платье».

Однако начать сагу польский француз решил со своего рождения, даже раньше — с бабушки по фамилии Рувимова. Еврейка, что ли? Кто знает! Был прекрасный писатель Рувим Фрайерман («Дикая собака динго...») Во всяком случае Ерофеев любит поразмышлять об антисемитизме, например, о «традиционном антисемитизме поляков». А когда, говорит, я родился, мать видела вещей сон: привиделся Достоевский! Он сказал ей: «Ты его утопи». Этого идеалист-засранца. Почему она не последовала вещиному совету классика, непонятно. Жена советника по культуре могла бы понимать, сколь благотворно это было бы для нашей литературы. Тем более, что вслед за сыночком и сама, видите ли, писательницей стала.

А назвали меня Виктором, говорит, в честь победы. Но это не мешает его душевным порывам такого года: «Хорошо сражались немцы на море!..» «Хорошо сражались немецкие летчики!..» «Велики победы арийского солдата!.. Немцы побеждали с улыбками». Все верно. Только надо бы добавить, чем кончились великие победы и в какие жуткие гримасы превратились красивые улыбочки. В то же время вот какой патриотизм: «Красная Армия, насилующая каждую немку, мне понятна и даже приятна». Ведь поверить в это и повторять опять же с чужих слов (Л.Копелев и др.) такой вздор может только уж очень сексуально озабоченный внук бабушки Рувимовой.

Потом автор извещает нас: «В детстве я любил врать. Я врал без всякой пользы для себя, просто из любви к вранью». Вообще-то детство его затянулось до шестидесяти с лишним годков, но теперь он врет совсем не из любви, а из большой пользы для себя. Перестань врать, и его тотчас выставят с телевидения, как выставили в свое время даже Солженицына, уж такого мастодонта вранья, как только он вякнул что-то правдивое против власти.

И он врет напрапалую, даже как-то загадочно по тупости врет: «Именно Запад помог русской революции стать на ноги, окрепнуть, победить в Гражданской войне...» Ну да, если считать, что Деникин, Врангель, Колчак, которым Запад помогал, это русская революция, тогда конечно. Если согласиться, что английские войска высадились в Архангельске, французские — в Одессе, американские и японские — во Владивостоке для того, чтобы разгромить помянутых выше и не помянутых генералов, тогда конечно.

В конце книги Ерофеев рассказывает о давно забытой, но в 1979 году раздутой истории с альманахом «Метрополь». На него надо было тогда же, как говорил Василий Иванович, наплевать и забыть. Но Феликс Кузнецов, руководитель Московского отделения Союза писателей, и Юрий Верченко, оргсекретарь, подняли несусветный шум, как это глупо делалось и в других подобных случаях, что и придавало тараканам значительность ослов.

В своем дневнике я разыскал такую запись:

«8 июля 87 г. 6.15 вечера.

30 июня я послал Верченко письмо, чтобы восстановили в Союзе Инну Лисянскую. Она в давней истории с «Метрополем» дала слово, что если кого из-за этого сборника исключат из Союза, то она подаст заявление о выходе. Многие тогда из их компании давали такое слово, но никто не подал заявление о выходе, а она подала. Я сравнил ее в письме с мальчиком из баллады Гюго, которого версальцы собирались расстрелять вместе со взрослыми коммунарами, но он отпросился у версальцев проститься с матерью и дал честное слово, что вернется к часу расстрела. Махнув на мальчишку рукой, его отпустили. А он вернулся. Он иначе не мог — дал честное слово! Вот и Лисянская...

Сейчас Верченко звонил. Вчерашний истец (они с В.Карповым подавали на меня в суд — 2011) был прямо-таки нежен и ласков: «Милый...» Даже вроде промолвил «Вовочка». Сказал, что, конечно, надо восстановить, но она же сама вышла. Вдруг мы, говорит, пригласим, а она скажет, что не желает.

— Ты, наверно, удивлен, что я за нее прошу. Мы живем с ней рядом на даче, и она рассказала мне всю историю.

— Нет, я не удивляюсь.

Сказал, что и в «Знамени» был напечатан цикл Владимира Корнилова при его содействии — он направил Бакланову. Сказал, пусть она подумает, как лучше сделать».

«10 июля. 2.40. Красновидово.

Инна вчера дала мне почитать веночек сонетов. Сейчас я зашел к ним и сказал, что это прекрасные стихи. Разговорились. Она, конечно, оказалась в одиночестве в этом, как пишет, «бутафорском братстве». Ни Андр. Битов, ни Фазиль Искандер, ни Белла Ахмадулина, которые тоже подписали письмо, грозя своим выходом из Союза, этого не сделали.

Белла, говорит, умна, как бес, и подписалась не под общим письмом («коллективка», которой нас сто лет пугают), а написала отдельно. Этакое, говорит, хитро-сослагательное письмо.

Сказала, что Пастернак говорит о Вознесенском: «Он начинал как мой ученик, а стал учеником Кирсанов». Вознесенский, говорит, это какой-то кошмар нашей поэзии».

Вскоре Лисянскую в Союзе восстановили.

Но вот какой удивительный случай! В поисках приведенных выше записей я в другой тетради натолкнулся на такую:

«28.X.81. Среда.

Вчера вернулся домой минут без двадцати 12. Таня встретила меня в дверях и залепила пощечину. И права. И молодец. Был я в книжной лавке на Кузнецком, а потом — в Доме литераторов, пил коньяк, и не один...»

Какая переключка! Я же только что встретил «адекватный» сюжет позднего возвращения у Ерофеева: «Я пришел утром домой, пахнувший одеколоном и спермой. Открыл дверь своим ключом. Жена вышла — прокуренная насквозь. Где ты был? В моих вертикальных зрачках кувыркались две девки-сестрички. Жена, не спавшая всю ночь, беспокоясь обо мне, не схватил ли меня КГБ, плача, дала мне по морде. В ответ я ударил. Она упала на пол...»

Один припоздавший мужик, сознавая свою вину, безропотно принял пощечину жены, как заслуженную кару, и признал ее правоту. Другой, всю ночь проведя в омуте свального греха, не чувствует за собой никакой вины, на заслуженную пощечину измученной женщины, как на оскорбление праведника, отвечает таким ударом кулака, что сбивает ее с ног. Кого? Несчастную любящую жену, мать его детей... И нам с ним искать взаимопонимания?

Вот четыре совершенно разных и по возрасту и по всему человеку, и ни одного русского: Фазиль Искандер, Борис Мессерер, Григорий Бакланов и Лев Копелев. Первый «откровенно говорил, что мои рассказы, — признает Ерофеев, — своей моральной сомнительностью испортили альманах». Есть основания думать, что Фазиль говорил не о сомнительности, а о чем-то покрепче. Второй, получив рассказы от автора для своей жены Ахмадулиной, сказал, что «если бы ЭТО прочла Белла, она бы перестала со мной дружить». И тут речь была едва ли о дружбе. Третий был уверен, что такие рассказы «вообще не

имеют никакого отношения к литературе». Это — точно. Четвертый заявил, что «мои рассказы — фашистские». Тоже вполне достоверно. И ведь это слова не Эренбурга, не Кузнецова, не Верченко, а кое в чем довольно близких автору людей.

Ерофеев пишет, что после таких отзывов он «чувствовал себя котом, насравшим на диване». Теперь этот кот развалился на теледиване и чуть не каждый день занимается тем же самым непотребством и чувствует себя творцом «мировых бестселлеров».

Я думал, что после Солженицына на русском языке ничего более гнусного написать невозможно. Я ошибся.

2011

МАРШАЛ ЖУКОВ И ПОЭТ БРОДСКИЙ

1

Памятники известным, знаменитым и великим людям разумно ставить там, где этот человек родился, или прожил значительную часть жизни, или совершил что-то очень важное, или, наконец, умер. Так первый памятник Петру Великому, естественно, был поставлен в городе, который он основал; Пушкину — в городе, где он родился, в Москве; Александру Первому — в Таганроге, где он умер.

Надо признать, что в Советское время этому разумному обыкновению прошлого следовали далеко не всегда. Конечно, тогда был переизбыток некоторых памятников. Кроме того, стали ставить памятники сугубо идеологического характера, как, скажем, Марксу и Энгельсу в Москве, или в знак уважения к другому народу, к его культуре, — таковы памятники Сервантесу(1991), Руставели(1966), Шевченко в той же Москве. Но другое дело, что ныне памятники Ленину, Сталину, Дзержинскому, советским солдатам и полководцам как символы великой эпохи стали объектами борьбы между патриотами и антисоветскими оборотнями. Тут уж не до разговоров об излишествах. Такие памятники защищают от вандалов и даже ставят новые, как было недавно в Запорожье: патриоты воздвигли памятник Сталину, оборотни его разрушили, патриоты восстановили и поставили у него охрану.

Но вот в центре Москвы на Новинском бульваре сейчас поставлен памятник поэту Иосифу Бродскому работы Георгия Франгуляна. Что, поэт родился в Москве? Нет, в Ленинграде. И там еще с 2005 года во дворе филологического факультета ЛГУ уже стоит «бронзовый монумент работы Константина Симона». Что ж, по нынешним временам в Ленинграде на Фон-

танке поставили памятник и «Чижик-пыжик», который на той самой Фонтанке воду пил. А кому еще из русских писателей во дворе ЛГУ стоят памятники? Никому. Интересно.

Может, Бродский умер в Москве? Нет, он заверял:

На Васильевский остров
Я приду умирать.

Однако обещание не выполнил, умер не в родном Ленинграде, а в приютившем его Нью-Йорке.

Примечательно, что Есенин предсказывал:

В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

И повесился, да еще именно под окном.
Маяковский еще в молодости размышлял:

Все чаще думаю,
не поставить ли лучше
точку пули
в своем конце?

И поставил точку пули.
Николай Рубцов уверял:

Я умру в крещенские морозы...

Как в воду глядел: умер 19 января, именно на Крещение.

А Бродский только сказал красиво о родине, но умер на чужбине, в Америке, а похоронили его в Венеции. Место, конечно, поэтическое. Ведь это там уже два века

Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой...

Но для памятника Бродскому место выбрали (Собянин?) самое подходящее — против американского посольства. Действительно, в США вышла первая книга Бродского, там он

прожил почти половину всей жизни и без малого всю творческую жизнь, там много писал на английском языке.

Я не мог разобраться, когда именно открыли памятник. По телевидению, кажется, не передавали. По одним данным, 24 мая. Это День славянской письменности и день рождения великого русского писателя Михаила Шолохова, тоже Нобелевского лауреата. То-то порадовался бы Михаил Александрович собрату. По другим данным, 24-го все-таки не решились, постеснялись Кирилла и Мефодия, открыли 31 мая.

Но не важно когда. Гораздо важнее, что министр культуры г. Авдеев сказал: «Нам очень повезло, что в нашей стране родился великий, не до конца понятный гигант эпохи Иосиф Бродский». Друг гиганта Евгений Рейн, тоже знаменитый поэт, присовокупил: «Создание этого памятника в Москве — великое событие для тех, кто ценит русскую культуру».

Газеты сообщают, что великое событие произошла на глазах «нескольких сот человек, среди которых были замечены скульптор Зураб Церетели, артист Сергей Юрский и врач Леонид Рошаль».

Прекрасно, но тем, кто ценит русскую культуру, как тут не вспомнить, что первый памятник Пушкину, великому национальному поэту, родившемуся и умершему в России, был открыт почти 45 лет спустя после его смерти, Есенину в Москве — спустя 70 лет после смерти, Шолохову — спустя 18 лет. Да еще где! В Текстильщиках. А тут поэту, по авторитетному мнению министра культуры, «не до конца понятному» и известному в России чуть больше, чем Симун или Франгулян, — всего через 5 лет поставлен памятник в одной столице и через 10 лет — в другой. И не в каких-то там Текстильщиках, а около университета и в центре столицы... Где будет третий? Да как же не поставить монумент в деревне Норенская Архангельской области, где года полтора поэт прожил, высланный из Ленинграда. Совершенно как Пушкин в Кишиневе и Михайловском, где есть и музеи. И в Норенской должен быть! А директором музея хорошо бы назначить нынешнего министра культуры, когда сей гигант путинской эпохи выйдет в отставку.

Вот такая возвышенная суета вокруг имени почившего поэта. И это при всем том, что в Москве исчезли улицы Пуш-

кина и Белинского, Герцена и Огарева, Грановского, Станкевича и Чехова, площади Лермонтова и Маяковского... Именно этим — искоренением духа русской культуры — прежде всего и занялись в Москве оборотни первого призыва во главе с мэром Гавриилом Поповым, фальшивым греком, невежественным горлопаном.

Исчезла и улица Горького, и памятник его, самого знаменитого писателя XX века, а Союз писателей молчит, а на страницах «Литгазеты», украшенной профилем великого писателя, некоторые литературные дамы даже вопрошают недоуменно: «Горький? Да ведь он же не очень спешил вернуться в СССР». Почему-то не добавила: еще и резко критиковал коммунистов.

И вот, говорю, при всем этом мне, человеку, который ценит русскую культуру, радоваться вместе с евреем Рейном и французом Авдеевым «великому событию» — открытию памятника «гиганту эпохи»? Хотел. Пробовал. Не получается.

Между прочим, а что написал гигант эпохи? Например, стихотворение «Смерть Жукова».

2

Стихотворение, бесспорно, написано с самым благородным намерением почтить память усопшего, воздать ему должное. Он назван спасителем родины, к нему приложен эпитет «пламенный» и т.д. Прекрасно! Однако в стихотворении немало странного.

Автор смотрит по телевидению процессию похорон маршала на Красной площади, и вот —

Вижу в регалии убранный труп...

Андрею Дементьеву простительно не замечать это, а Нобелевский лауреат должен бы чувствовать и понимать, как неудачно сказано «в регалии убранный», а уж «труп» здесь просто вопиет!

Известное стихотворение Пушкина, посвященное памяти М.И.Кутузова, гробница которого в Казанском соборе, начинается так:

Перед гробницею святой
Стою с поникшей головой...

Можно ли вообразить, чтобы это выглядело, допустим, в таком виде:

Перед гробницею святой
Стою. В ней труп нам дорогой...

Но, увы, нобелиат не всегда был чуток к слову. Однажды в Дании, беседуя с журналистом В.Пимановым, он сказал: «Я хотел бы посетить свою бывшую родину». Родина может быть покинутой, проклятой, преданной, но бывшей — никогда.

Странно и то, что, желая возвеличить образ маршала, автор поставил его в ряд не с русскими полководцами, например, с Суворовым и тем же Кутузовым, которого Пушкин тоже назвал спасителем родины, не с Рокоссовским и Черняховским, а с извлеченными из глубочайшей древности чужеземцами — с Ганнибалом, Помпеем и Веллизарием, о коих большинство современных читателей и не слышали. Да мне и самому, работая над статьей, пришлось раскрыть запылившегося Плутарха, залезть в Брокгауза, навести справки. Первый из названных — это Карфаген, второй из Рима, третий из Византии. Бродский был сильно привержен древности, античности, мифологии, и можно было бы пройти мимо такого сравнения молча и с пониманием. Но...

Во-первых, войны, которые вели эти три полководца, в том числе Вторая Пуническая между Римом и Карфагеном, по сравнению с Великой Отечественной — войны мышей и лягушек. Так, в знаменитой битве на Ферсальской долине Цезарь, у которого было 22 тысячи воинов, разбил Помпея, имевшего около 40 тысяч. Да по меркам 1941—1945 годов это нельзя назвать даже армейской операцией. 22 тысячи — тут нет даже трех советских дивизий.

Во-вторых, в глазах автора Жуков — полководец,

Кончивший дни свои глухо, в опале,
Как Веллизарий или Помпей.

Следующая рифма «Помпей — степей» свежа, и Велизарий действительно в конце жизни подвергся опале: его отстранили от армии, конфисковали огромные имения и даже, по некоторым сведениям, ослепили. Конец Помпея еще печальней. После поражения в войне против Цезаря он бежал в Египет и там был коварно убит, а труп его (тут это слово уместно) был обезображен. Плутарх пишет: «Цезарь, прибыв в Египет, отвернулся от того, кто принес ему голову Помпея, и заплакал. А Плотина и Ахилла, виновных в убийстве, приказал казнить» (Сравнительные жизнеописания. М., 1963. Т. 2, с. 390).

А Жуков? Он дважды «был в опале». Но что такое опала? Меншиков в Березове, Суворов в Кончанском, Сахаров в Горьком — вот опала. А Жуков все это время, шесть лет, оставался на высоких должностях командующего сперва Одесским, потом Уральским военными округами. И не лишали его ни самых высоких званий, ни больших наград, ни тем более — «имений». А по прошествии этого срока на XIX съезде партии в октябре 1952 года по предложению Сталина он снова был избран кандидатом в члены ЦК.

Второй раз уже из членов Президиума ЦК и с должности министра обороны Жукова выпер Хрущев. Это произошло в октябре 1957 года. Маршалу было 60 лет, всего на год старше Помпея, но это далеко не конечные его дни. Он скончался 18 июня 1974 года. Отпущенные ему годы маршал прожил вовсе не «глухо». Встречался с боевыми друзьями, с писателями, журналистами (Симонов, Долматовский, Ржевская...), участвовал в создании фильмов о войне, работал над книгой «Воспоминания и размышления», которая вышла в 1969 году тиражом в 600 тысяч экземпляров и вскоре была многократно переиздана еще большими тиражами. А вспомним его хотя бы в президиуме торжественного заседания, посвященного 25-летию Победы, что проходило во Дворце съездов...

Наконец, ведь Ганнибал не заставил Рим подписать безоговорочную капитуляцию. Дело вышло совсем наоборот: после ряда блестящих побед он в конце концов был жестоко разбит при Заме, бежал аж в Армению, потом в Вифинию, и там, опасаясь выдачи, отравился. И Помпею не довелось сурово повелеть Цезарю, как Жуков — Кейтелю: «Прошу подой-

ти к столу и подписать акт о безоговорочной капитуляции». О нет! После некоторого успеха Помпей был разбит и тоже бежал и, как уже сказано, бежал навстречу смерти. Ну, в самом деле, как можно полководца-победителя венчать недолгими лаврами разбитых и даже убитых или покончивших с собой полководцев!

Словом, на сей раз увлечение поэта древностью приходится признать неуместным, никак не соответствующим теме, но дело не только в этом. Читаем его псалом дальше:

Воин, пред коим многие пали
Стены, хоть меч был вражых тупей...

Откуда взял, что тупей? Какие данные? Кто сказал? Что, наша «катюша» была «тупее», чем немецкий шестиствольный миномет? То-то они всю войну пытались ее перенять. Или наш танк Т-34, который тоже безуспешно пытались перенять, «тупее» их Т-IV? А что «острее» могли немцы противопоставить 36 тысячам наших штурмовиков Ил-2? Словом, перед нами всего лишь стихотворный вариант известного иерихонского вопля: «Мы немцев трупами забросали!»

И этим дело не ограничилось. Еще и такое донеслось издалека о маршале Жукове:

Сколько он крови пролил солдатской!..

Он! Не враг проливал кровь наших солдат, а наш собственный полководец, ну, конечно, заодно с Рокоссовским и другими. Да, одна эта мысль в Стокгольме стоит Нобелевской.

Что ж горевал?
Вспомнил ли их умирающий в штатской
Белой кровати? Полный провал.

Поэту ясно, что не горевал. Он уверен, что, конечно, не вспомнил. Ведь вот же сподобился преставиться на белой кровати, а они как... Тут никакого провала в стихотворении нет.

Что он ответит, встретившись в адской
Области с ними?

Вот как: поэт отправил их в «адскую область» — и полководца и всех, чью кровь, по его разумению, тот пролил в Великой Отечественной войне. Ничего другого они в глазах возвышенного нобелиата не заслужили. И этим убитым им и встреченным в аду

Что он ответит? «Я воевал...»

Жалкая, мол, отговорка. И нет ему прощения, и место его только в аду. Вот так же недавно и Леонид Гозман поместил в аду Сталина, да еще рядом с Гитлером, главной жертвой куль-та личности и незаконных репрессий.

И еще:

Спи! У истории русской страницы
Хватит для тех, кто в пехотном строю
Смело входил в чужие столицы,
Но возвращался в страхе в свою.

Последние две строки компашкой помянутого Л.Гозмана цитируются то и дело, как непререкаемый нобелевский аргумент. Это для шакалов демократии сахарная косточка. Но сам Гозман не процитировал их и на подобное заявление все-таки не решился, он сузил вопрос, заявил, что наши пленные, освобожденные из немецких лагерей, тут же попадали в лагерь советские, ну, и потому, конечно, они «возвращались в страхе». Это тоже повторяется многократно. Отвечая Гозману, я в газете «Завтра» назвал много имен писателей, которые были в плену, но после войны плен не повлиял на их жизнь, не помешал им: они поступали в столичные «престижные» вузы, издавали книги, по их книгам ставили фильмы, они занимали в Союзе писателей высокие посты, получали ордена, Сталинские и Государственные премии. Еще я писал, что могу привести гораздо более широкие сведения, чем о своих знакомых. Так вот...

На 20 октября 1944 года, т.е. за полгода до окончания войны, проверочные спецлагеря прошли 354 592 бывших военнопленных. Из них 249 592 человека, то есть подавляющее большинство, были возвращены в армию, 36 630 направлены на работу в промышленность и только 11 556 человек, или 3,81%, были арестованы (И.Пыхалов. Время Сталина. Л., 2001. С.67). Вот лишь у этих четырех неполных процентов и были основания для страха. Выдавать настроение этой доли за настроение всех, значит врать с превышением лжи над правдой в 25 раз. Словом, и на этот раз строки Бродского это поэтически оформленная клевета.

И наконец:

Маршал! Поглотит алчная Лета...

Ну, без Леты он не мог, в другом случае — без Стикса, Харона и т.п..

Поглотит

Эти слова и твои прахоря...

Прахоря, по-блатному, сапоги, только принято писать не «пра», а «прохоря» (Словарь лагерного жаргона. М., 1992. С. 199). Но при чем они здесь? И к чему в стихотворении скорбного характера мотивчик «блатной музыки»? Какая-то несообразность. «Эти слова», т.е. стихи, поэзия — главное в Бродском, а сапоги для Жукова всего лишь деталь обмундирования. Как можно ставить их в один ряд? И каков общий смысл этих строк? Мол, все будет забыто. *Sic transit gloria mundi*. Но это же по меньшей мере опять очень странно в стихотворении, написанном вроде бы с целью воздать должное великому человеку и восславить его.

Для Пушкина фельдмаршал Кутузов был живым вдохновением:

В твоём гробу восторг живет!

Он русский глас нам подаёт;

Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...
Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас.
О старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Конечно, «эти слова» Бродского Лета поглотит, и довольно быстро, но слава маршала Жукова жива до тех пор, пока жив хоть один русский.

P.S. Возможно, мои рассуждения кому-то покажутся суровыми. Что делать! Ведь Бродский и сам в иных случаях не склонен был к любезностям. Так, в помянутой беседе с журналистом В. Пимановым тот спросил поэта, что он думает о романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата».

«— А что я могу думать о макулатуре? — не задумываясь, ответил Бродский.

— Но ведь эта книга пользуется фантастической популярностью.

— А разве редко макулатура пользуется популярностью? — ответил поэт».

СОДЕРЖАНИЕ

Маршал Рокоссовский и килька пряного посола	5
Минное поле клеветы	22
Не зная броду...	29
Клеветник во дворянстве (Из жизни дворянина Толстушкина)	45
Васильевский пук	64
Дырявая кошелка	78
Яблочко от яблони	95
В мире толоконных лбов	122
Изготовление евреев внеполовым путем – 1	132
Изготовление евреев внеполовым путем – 2	148
Нетипичный маршал и типичный пустозвон	163
Еврей и Гитлер	176
Вылазка колбасников и пивоваров	191
Ковровые бомбежки народной памяти	226
Хотели как лучше	248
Россия. Сталин. Сталинград	260
Человек ерофейской культуры	275
Маршал Жуков и поэт Бродский	293

Массово-политическое издание
НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Бушин Владимир Сергеевич
РОССИЯ. СТАЛИН. СТАЛИНГРАД
Великая Победа и великое поражение

Редактор *Т. Маршкова*
Художник *Б. Протопопов*
Художественный редактор *А. Демин*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Алгоритм-Издат»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Подписано в печать 15.07.2011.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 3000 экз. Заказ № 4102406

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Нижеполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-51058-0

9 785699 510580 >

Владимира Сергеевича Бушина называют лучшим полемистом современности, острейшим критиком и публицистом, последним рыцарем советской идеологии.

Солдат Отечества в самом прямом значении – с 1942-го в составе 50-й армии прошел боевой путь от Калуги до Кенигсберга, – он беспощаден к фальсификаторам нашей истории, русофобам и антисоветчикам.

Его новая книга публицистики – обличение внутренних врагов Отечества, клеветников, извращающих советское время, Великую Отечественную войну и образ вождей СССР, искажающих массовое сознание народа Великой Победы. Россия, Сталин, Сталинград, считает автор, – это триединство нашей памяти, которое способно скрепить дух нашего народа, не дать ему исчезнуть в небытии.

ISBN 978-5-699-51058-0

9 785699 510580 >